

ISSN 0868-5169

Р
3 (123)' 2024
РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН, ИЭОПП СО РАН, Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Суслов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Воронов Ю.П.</i> Тайга идет на север	5
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Яковлева П.Э., Корнилова Ю.С.</i> Конкурентоспособность региона через призму показателей региональной экономики (на примере Нижегородской области)	24
<i>Маркин М.Е., Вишнякова В.А.</i> Условия для ведения бизнеса в Саранске до и после чемпионата мира по футболу 2018 года	53
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М.</i> Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса	75
<i>Степунь И.С., Аверьянов А.О., Хотеева Е.А., Симакова А.В., Шабаяева С.В.</i> Мотивационные драйверы миграции населения (на примере молодежи Арктической зоны России)	98
<i>Кабашева И.А., Рудалева И.А.</i> Здоровьесберегающее поведение населения в регионах с разным качеством жизни	126
<i>Чикова Е.В., Бородкина О.И.</i> Актуальные проблемы развития третьего сектора социальных услуг на Дальнем Востоке (на примере Хабаровского и Приморского краев)	154
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
<i>Балакина Г.Ф., Кибалов Е.Б., Пятаев М.В., Шибикин Д.Д.</i> Железнодорожные проекты Сибири и транспортная проблема Республики Тыва: системный анализ возможных решений	179
Трансграничные взаимодействия в Северной и Северо-Восточной Азии	
<i>Сунь Чжуанчжи</i> Гармонизация развития стран Евразии в контексте реализации и модернизации стратегической инициативы «Пояс и путь»	202
Эколого-экономические проблемы регионального развития	
<i>Верченко Д.Ю., Пыжжев А.И., Курбатова М.В.</i> Факторы загрязнения воздуха от стационарных источников в муниципальных образованиях регионов Сибири	222
<i>Ненашева М.В.</i> Оценка климатических рисков для жизнедеятельности сельского населения Европейского Севера (на примере Приморского района Архангельской области)	251
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития	
<i>Петрова И.В., Шадохин Д.А., Паксиваткина В.А.</i> Инициативное бюджетирование в реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации	274

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

Voronov, Yu.P. Taiga Heading North 5

Economic Issues of Regional Development

Iakovleva, P.E. and Yu.S. Kornilova. Regional Competitiveness Through the Lens of Regional Economic Indicators (Case Study of Nizhny Novgorod Oblast) 24

Markin, M.E. and V.A. Vishnyakova. Business Conditions in Saransk Before and After the 2018 Fifa World Cup 53

Social Issues of Regional Development

Vavilina, N.D. and Yu.M. Shpigunova. Social Distancing as a Process of Social Interaction in a Metropolis 75

Stepus, I.S., A.O. Averyanov, E.A. Khoteeva, A.V. Simakova and S.V. Shabaeva. Motivational Drivers of Migration (Case Study of Young People in Russia’s Arctic Zone) 98

Kabasheva, I.A. and I.A. Rudaleva. Health-Promoting Behaviors Across Regions Differing in Quality of Life 126

Chikova, E.V. and O.I. Borodkina. Current Issues in the Development of the Social Services Third Sector in the Far East (Cases of Khabarovsk and Primorsky Krajs) 154

Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy

Balakina, G.F., E.B. Kibalov, M.V. Pyataev and D.D. Shibikin. Siberian Railway Projects and Transport Challenges in Tuva: System Analysis of Possible Solutions 179

Cross-Border Interactions in North and North-East Asia

Sun Zhuangzhi. Harmonizing Eurasian Development Through the Implementation and Modernization of the Belt and Road Initiative 202

Environmental and Economic Issues of Regional Development

Verchenko, D.Yu., A.I. Pyzhev and M.V. Kurbatova. Factors Contributing to Air Pollution from Stationary Sources in Municipalities of Siberian Regions 222

Nenasheva, M.V. Assessment of Climate Risks to Rural Life in the European North (Case Study of Primorsky District, Arkhangelsk Oblast) 251

Issues of Local Self-Government and Municipal Development

Petrova, I.V., D.A. Shatohin and V.A. Paksivatkina. Participatory Budgeting in Exercising the Powers of Public Authorities Across Russian Federation Constituent Entities 274

*Дорогой
Владимир Николаевич,
поздравляем!*

Владимиру Николаевичу Лексину,

доктору экономических наук, главному научному сотруднику
Института системного анализа Федерального исследовательского
центра «Информатика и управление» РАН, члену редколлегии
журнала «Регион: экономика и социология»,

3 июня 2024 года исполнилось 90 лет!

В.Н. Лексин является одним из признанных лидеров российской региональной науки, и его научные достижения трудно переоценить. Поражают широта, многогранность и энциклопедичность его научных интересов: это системная диагностика социально-экономических и политических процессов, проблемы федерализма и региональной политики, стратегического планирования и управления, освоения и использования ресурсов Арктики, муниципального развития и многие другие проблемы российской экономики и российского общества. Сотрудники Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, других академических институтов и университетов учились и учатся на научных трудах В.Н. Лексина, и он по праву стал их «виртуальным наставником» и кумиром.

В.Н. Лексин – давний член редколлегии и постоянный автор журнала «Регион: экономика и социология», и все его статьи, безусловно, являются украшением журнала. С Владимиром Николаевичем нас связывают не только прочные научные контакты, встречи на конференциях, совместные работы, но и многолетняя дружба. И мы гордимся, что судьба связала нас с таким замечательным, уникальным человеком. Профессионализм, сильная гражданская позиция, интеллигентность и высокое чувство собственного достоинства Юбилера являются эталоном российского ученого.

Друзья и коллеги В.Н. Лексина, редколлегия журнала «Регион: экономика и социология» поздравляют его со знаменательным Юбилеем, желают ему крепкого здоровья, новых научных достижений, творческих побед и неиссякаемого оптимизма!

УДК 332.055.22

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 5–23

Ю.П. Воронов

ТАЙГА ИДЕТ НА СЕВЕР

В статье рассмотрена проблема продвижения тайги на север как части последствий изменения климата в мире. Цель публикации состоит в том, чтобы исследовать новые возможности для развития экономики Сибири, а также систематизировать основные направления адаптации экономики к изменяющимся условиям хозяйствования. Расширение площади тайги увеличивает лесные ресурсы России. Изменяется состав тайги: сокращается доля лиственницы и сосны, на их место приходят кедр и ель, а также смешанные леса. Происходят изменения и в составе диких животных, и в структуре рыб, обитающих в морях, реках и пресных водоемах. Автором проанализированы результаты ранее проведенных исследований по данной теме, систематизированы и интегрированы их результаты.

В настоящее время наблюдается отставание российской (в частности, сибирской) науки от мировой в прогнозировании изменений климата и их последствий, а также в разработке и применении математических моделей, на которых базируются прогнозы. Вторым недостатком, от которого нужно избавиться, состоит в подходе к затронутой проблеме, который выявился в системе государственного управления, а именно в ожидании от изменений климата исключительно потенциального ущерба. По мнению автора, продвижение тайги на российский север расширяет возможности развития экономики страны.

Ключевые слова: тайга; тундра; новые возможности; увеличение ресурсов; изменение климата; космический мониторинг; имитационные модели; прогнозы; ель; лиственница; северный олень; федеральные программы

Для цитирования: *Воронов Ю.П.* Тайга идет на север // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 5–23. DOI: 10.15372/REG20240301.

Тайга занимает 60% территории России, или 17% суши Земли. Все, что происходит с тайгой, для российской экономики запредельно важно. А события там происходят значительные. Прежде всего, площадь, занимаемая тайгой, заметными темпами увеличивается. В связи с потеплением климата основное приращение площади тайги идет на севере за счет тундры.

Директор Института космических исследований РАН А.А. Петрукович¹ сообщает: «В ИКИ создан огромный архив космических наблюдений Земли – более 4 петабайт. К сожалению, 95% этой информации получено с зарубежных спутников. Есть, например, данные по состоянию океана, растительного покрова Земли, ледового покрова. Это позволяет отслеживать долговременные изменения климата по всей совокупности параметров. Зафиксировано постепенное движение границы тайги и тундры на север. Это свидетельствует не о разовом повышении температуры, а о накоплении изменений. И такого рода наблюдения имеют не только экологическое, но и политическое значение» [11, с. 21].

Ранее Института космических исследований о смещении тайги на север в Западной Сибири сообщали исследователи из Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, а также из Тюменского госуниверситета, работавшие совместно с финскими учеными. В их исследовании было отмечено также сокращение площадей, занимаемых тундрой в горах Южной Сибири [3].

Нас должно волновать не столько экологическое и политическое, сколько экономическое значение происходящих изменений. Увеличение площади тайги говорит о том, что у России в связи с этим появляются неоспоримые аргументы в отношении претензий со сто-

¹ Анатолий Алексеевич Петрукович – российский геофизик, специалист в области космической плазмы, член-корреспондент РАН.

роны международных организаций по поводу выбросов в атмосферу углекислого газа российскими предприятиями.

Но еще более важным является понимание того, что означает продвижение тайги на север для экономического роста России и что нужно сделать для того, чтобы этот процесс принес российской экономике максимальную пользу. Однако это обстоятельство не учитывается ни в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, ни в критическом анализе этого документа [5].

Леса играют большую роль в гидрологическом цикле, регулируя потоки поверхностных и подземных вод, обеспечивая инфильтрацию и высокое качество воды. Они способствуют пополнению грунтовых вод и снижают ущерб от наводнений.

Результаты расчетов по имитационной модели показали, что стартовые температура и влажность воздуха не оказывают значительного влияния на изменения состава растительности. Кроме того, доказано, что локальные факторы оказывают меньшее влияние, чем глобальные. В частности, вихри, идущие от тропосферы, существенно более стабильны, чем самые продолжительные локальные ураганы [20]. Общий вывод состоит в том, что при изучении влияния различных факторов на состав растительности необходимо учитывать общие изменения климата, использовать результаты прогнозных расчетов по другим частям земного шара.

БОЛЬШЕ РЕСУРСОВ

Продвижение российской тайги на север идет по очень протяженной линии. Россия занимает 40% побережья Северного Ледовитого океана. Точных замеров протяженности границы тайги и тундры по европейской и азиатской территориям России нет, это еще предстоит сделать. Поэтому приходится использовать очень грубые (прикидочные) оценки.

Расстояние по прямой от Мурманска или Архангельска до Анадыря составляет примерно 4800 км, от Воркуты до Анадыря – 4400 км. Поэтому для расчетов общего увеличения площади тайги широтную протяженность ее границы с тундрой (с переводом прямой линии в геодезическую) можно принять за 5000 км. Продвижение тайги на

север всего на 200 м в год дает ежегодный прирост площади тайги в размере 1000 кв. км, или 100 тыс. га. Один гектар тайги дает примерно 1 куб. м древесины в год [10]. Продвижение тайги на север дает тем самым прирост ресурсов древесины в объеме примерно 100 тыс. куб. м в год, что составляет примерно 0,5% от нынешнего уровня производства. За 20 лет это составит около 10% годового производства.

Продвижение тайги на север приводит к увеличению роста древесной биомассы в среднем по тайге. В северной тайге средняя высота деревьев составляет 10–20 м, в средней тайге – 20–25 м. В южной тайге высота деревьев доходит до 50 м. Пересчет показателей изменения средней высоты таежных деревьев и, соответственно, изменения темпов прироста древесной биомассы представляет собой важную и непростую задачу для отечественной науки. Без ее решения сложно планировать желательные (с учетом воспроизводства леса) темпы лесозаготовок.

По экспертным оценкам, учитывающим правила отвода лесосек, этот прирост составит также примерно 0,5%². Итого каждые 20 лет ресурсы лесозаготовок будут составлять около 20% от текущего объема лесозаготовок. Эти оценки – очень приближенные и слегка заниженные. Они пригодны лишь для общего вывода о том, что прирост лесных ресурсов в связи с продвижением тайги на север будет существенным и создаст новые возможности использования лесных ресурсов.

Имеющиеся оценки могут быть снижены с учетом того, что наряду с продвижением тайги на север идет отступление тайги на юге, причем соотношение скоростей изменения северной и южной границ тайги пока не изучено до той степени, чтобы результаты исследований можно было использовать в расчетах. Встречаются лишь отдельные замечания, что отступление тайги на юге идет медленнее, чем увеличение ее площадей на севере. Причина недостаточной конкретности таких замечаний состоит в том, что на юге тайга часто

² См.: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 17.10.2022 г. № 688 «Об утверждении Порядка отвода и таксации лесосек...». – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/33560> .

замещается лиственными лесами и ее граница с лугами и степью очерчена менее четко.

Увеличение средней высоты деревьев в тайге приводит к росту толщины подстилки, верхняя часть которой становится гарантированно сухой. Это резко повышает частоту и силу лесных пожаров и улучшает условия размножения вредителей. В связи с этим возникает острая необходимость увеличивать бюджетные расходы на обеспечение сохранности тайги: мониторинг и профилактику пожаров, болезней и всплеск численности вредителей. Пожары в тайге, частые в последние годы, говорят о том, что потребность в таком увеличении затрат нарастала давно, а продвижение тайги на север эту потребность усилило. Уже сейчас отмечаются увеличение числа значительных пожаров и их интенсивность. За прошедшие два десятилетия пожары стали основной причиной сокращения площади лесов не только в России, но и в Канаде, США и Австралии.

В зоне тундры, помимо смещения границ лесной растительности, происходит быстрая деградация зоны многолетней мерзлоты [1]. В результате оседания почвы береговая линия морей Северного Ледовитого океана сдвинется на юг, но скорость этого смещения пока надежно не прогнозируется. Еще более неопределенным является будущий результат взаимодействия многих факторов, сопутствующих изменению береговой линии. В частности, продвижения на юг морского льда, изменения в связи с этим влажности воздуха, усиления ветров. Эти факторы будут воздействовать, в свою очередь, на масштабы пожаров и распространение вредителей лесов [19]. При этом оценки могут сдвинуться в любую сторону.

НОВАЯ ТАЙГА

Тайга, в отличие от других видов леса, имеет меньшее разнообразие пород деревьев. В основном это всего лишь пять видов: сосна, лиственница, пихта, кедр и ель. В смешанных и лиственных лесах число видов деревьев может достигать сотен.

Вследствие потепления климата в составе самой тайги также будут происходить и уже происходят изменения. Типичная для Сибири лиственница замещается елью. Лиственничные леса повышают веро-

ятность распространения низовых пожаров из-за осеннего опадения хвои и накопления ее на земле. Но верховые пожары будут распространяться с меньшей интенсивностью. Еловые леса, напротив, повышают вероятность верховых пожаров и снижают вероятность низовых. В связи с потенциальным изменением характера лесных пожаров требуются разработка специального программного обеспечения анализа спутниковых снимков, построение имитационных математических моделей и прогнозные расчеты.

Кроме того, вытеснение лиственницы вызывает потребность изменений в технологиях лесозаготовок и деревообработки. Древесина ели имеет больше сучков и потому более сложна в переработке. По этой же причине при заготовке ели образуется больше отходов.

Существенно более значительные объемы хвои позволяют создать новую отрасль производства хвойных концентратов, которые будут использоваться как кормовые добавки для скота, как биопрепараты для защиты и стимулирования роста растений, а также в медицине и косметологии. Создание любой новой отрасли промышленности – масштабная государственная задача.

Впрочем, дело не только в технологиях заготовки и переработки. Изменение состава тайги требует новых технологий борьбы с вредителями лесов. У лиственницы и сосны свои враги, у ели они совсем другие. Изменение видового состава тайги вследствие изменения климата является основным фактором изменения продуктивности лесов [18].

Леса воздействуют на водоемы и климат на локальном, региональном и глобальном уровнях, и потому они представляют собой существенный элемент потенциала смягчения изменений климата. Сохранение и увеличение площади лесов представляет собой актуальную задачу, и во многом из-за того, что благодаря лесам на Земле сохраняются запасы пресной воды – самого дефицитного ресурса для человека.

Зачастую леса являются частью сельскохозяйственных систем, обеспечивая защиту полей от ветра, предоставляя возможность полезным почвенным животным и микроорганизмам выживать в случае засухи, сильных ветров и других катаклизмов [8].

Продвижение тайги на север должно стать из стихийного регулируемым по критерию максимума пользы от первоочередного появления лесов в местах, где они дадут максимальный эффект для биоценоза и для человека, там, где они увеличат доступность водных ресурсов, снизят эрозию почв [15].

Еще один важный момент: продвижение тайги на север делает еще более экономически нецелесообразным проект поворота сибирских рек на юг, который разработали и начали его реализацию в 1968–1971 гг.³ Не имеет смысла ценой больших инвестиций снабжать пресной водой юг, если по берегам уже существующих северных рек расширяются возможности ведения сельского хозяйства.

Важнейшей по срочности работой становится формирование структурно новых фондов генетического материала надлежащего качества для целенаправленного распространения лесов в нужных направлениях. А для этого необходимо заранее подготовиться: сформировать систему соответствующих знаний об особенностях роста, совместимости пород деревьев и способах переработки и использования получаемой древесины и других продуктов леса. И параллельно требуется разработать правила и проекты международных соглашений о торговле в новых условиях и об обмене саженцами и другим генетическим материалом. А для этого, в свою очередь, необходимы подготовка и переподготовка соответствующих кадров, компетентных для участия в данном процессе [16].

Эти задачи не осознаются в полной мере даже в прикладных отраслевых исследованиях. Наблюдения за динамикой границ лесорастительных зон в условиях потепления климата необходимы, чтобы иметь возможность совершенствования системы оценки прогнозного состояния лесов и лесной растительности при ведении лесного хозяйства в этих изменяющихся климатических условиях [12]. Но за оценкой и таксацией должны следовать изменения в ведении лесного хозяйства и в использовании лесного фонда.

Спутниковый мониторинг вегетационного индекса северных территорий Сибири показывает, что стартовый весенний прирост био-

³ См.: *Проект «Тайга»: как в Советском Союзе ядерными взрывами хотели повернуть вспять реки.* – URL: <https://realt.onliner.by/2017/02/09/taiga> .

массы последовательно переходит с мая на апрель. Этот процесс идет по всей Сибири, но наиболее заметен на правом берегу Оби в районе ее среднего течения, в Васюганских болотах, в долине р. Ишим, а также в предгорьях Алтая [4]. Соответственно, приходит и более поздняя осень.

Значит, возрастает и продолжительность вегетационного периода. Из этого следует, что открываются возможности для освоения новых сельскохозяйственных культур. В этом может существенно помочь опыт советских селекционеров 1930-х годов, которым было поручено обеспечение северных территорий собственными продовольственными продуктами [2]. Повторить это продвижение возможно – в новом качестве, с учетом накопленного опыта и современных достижений в сельскохозяйственных технологиях, включая космические.

НОВЫЙ ЖИВОТНЫЙ МИР

Изменения флоры всегда приводят к изменениям фауны в целом, а не только лесных насекомых-вредителей. Так, продвижение тайги на север уже привело к сокращению численности леммингов и других грызунов, обитающих на границе тайги и тундры. Соответственно, стала сокращаться и численность хищников, которые ими питаются, в первую очередь соколов-сапсанов и ястребов. Меняется в целом структура биоценоза. На север продвигаются птицы, ранее не встречавшиеся в высоких широтах: вороны, соловьи, жаворонки, дрозды, утки, кулики и прочие птицы средней полосы. Это результаты многолетних исследований Института биологических проблем Севера Дальневосточного отделения РАН.

В процессе потепления участвует снижение способности растительности отражать солнечные лучи (альbedo). Сокращение площади тундры приводит к уменьшению альbedo на севере, что ускоряет потепление. Налицо положительная обратная связь [13]. В результате увеличивается сезонное протаивание и возрастает деградация многолетней мерзлоты, что стимулирует увеличение выбросов метана, а темпы повышения температуры воздуха на территории Севера становятся выше средних по планете.

Расширяется кормовая база оленеводства: повышается продуктивность зеленых и ветошных пастбищ, создаются условия для восстановления нарушенных лишайниковых пастбищ. Взрослому оленю нужно примерно 4,7 кг сухой фитомассы в сутки. Способность пастбищ принять стада оленей (оленеемкость) увеличивается в диапазоне от 9 до 24%: благодаря более интенсивному росту лишайников в зимний период и более раннему росту травы в начале весны.

Основные корма зимнего периода – лишайники. Продвижение тайги на север предваряется продвижением на север кустарников, которые снижают годовой прирост лишайников. В связи с этим возможна нехватка питания для оленей в зимний период. Это, в свою очередь, потребует разработать новую схему оборота оленьего стада, когда поголовье поздней осенью будет профилактически сокращаться.

Изменение климата вызывает более продолжительные половодья. Это создает более благоприятные условия для размножения и нагула рыб. Одновременно это приводит к проникновению в северные и в горные водные объекты частиковых видов рыб и к вытеснению ценных видов.

Морское рыболовство до сих пор концентрировалось лишь в небольшой части Российской Арктики – в Баренцевом и Белом морях, где промысловое значение имеют треска, пикша, сельдь, зубатка, камбала и палтус. С продвижением тайги на север в прибрежных водах северных морей появляется больше крупных экземпляров палтуса, трески, наваги. Возможным становится даже промышленный вылов сельдевой акулы [7].

Исследователями из Дании продвижение тайги на север связывается с одновременным увеличением на планете площади пустынь [14]. Это означает, что за пределами России становится меньше земли, пригодной для ведения сельского хозяйства. И это создает для России новые конкурентные преимущества на мировых рынках продовольствия, прежде всего на зерновом рынке. На протяжении многих десятилетий основная конкуренция на мировом зерновом рынке идет между продукцией, выращиваемой на Великих равнинах (США и Канада) и в Великой Евразийской степи (Россия, Казахстан и Украина). Продвижение тайги на севере и ее отступление на юге резко

повышают конкурентные преимущества России на этом рынке. Полоса евразийской степи расширяется в меридиональном направлении. Чтобы использовать соответствующие преимущества, подготовку к увеличению производства зерна следует начинать уже сейчас.

ПРИЧИНЫ ТЕКУЩЕГО ОТСТАВАНИЯ СИБИРСКОЙ НАУКИ В МОНИТОРИНГЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Еще одно обстоятельство касается самой процедуры мониторинга последствий изменения климата, и конкретно продвижения тайги на север. Российские исследователи для оценки и прогноза этих процессов используют британскую модель HadCM3 (Hadley Centre Coupled Model, третья версия). Это вряд ли свидетельствует об успехах отечественной прикладной математики.

При этом нужно вспомнить о том, что полвека назад именно модели климатических изменений, разработанные под руководством Г.И. Марчука, были визитной карточкой достижений Вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР. В 1964 г. Г.И. Марчук создал на мехмате НГУ кафедру математических методов в динамической метеорологии. Были все основания считать это стартом будущего моделирования климата мира. Но победила линия на более практические работы – на математическое обеспечение краткосрочных прогнозов погоды. В 1971 г. в Западно-Сибирском управлении Гидрометслужбы появилась новая гидродинамическая модель прогноза ДИАБАТ, по которой до 1997 г. строились численные прогнозы погоды в Западной Сибири.

Британские ученые начали свои компьютерные прогнозы погоды и климата в 1952 г. с ежедневных прогнозов на следующие сутки для небольшой территории в центре Англии. В 1959 г. с получением более мощного компьютера прогнозы распространились на территорию Западной Европы и Северной Атлантики. Затем были технические и программные преобразования в 1965, 1971 и 1982 гг. Именно тогда было обеспечено лидерство британской науки в долгосрочных прогнозах погоды и климата [17]. Сибирским ученым оставалось лишь догонять своих британских коллег.

Но догнать не удалось, и вот по какой причине. Математический аппарат, используемый в Сибири и в Британии, был фактически одинаков – это модифицированные системы уравнений (Навье – Стокса и др.), применение которых предполагало, что изменения погоды (а далее и климата) происходят в связи с перетоками воздушных масс и океаническими течениями. И в двух научных центрах столкнулись с одной и той же проблемой: при увеличении числа наблюдений и количества географических точек, в которых измерялись температура и сила ветра, системы уравнений становились неустойчивыми [9].

Но в Великобритании моделирование изменения климата осуществлялось в научных центрах, связанных с университетами, и финансировалось двумя научными фондами, которые также выдавали средства университетам. По этой причине британские центры смогли добиться от метеослужб увеличения числа точек мониторинга, в первую очередь по высоте: от нескольких уровней до двенадцати. Это позволило уйти от неустойчивости решений систем уравнений в моделях прогноза погоды и изменения климата. Отечественные же разработчики действовали в системе Академии наук (АН СССР – РАН), административные ресурсы которой оказались недостаточными для того, чтобы система мониторинга учитывала потребности разработчиков моделей⁴.

В настоящее время для составления карты растительности арктического побережья России используются снимки с американских спутников серии Landsat, запускаемых с 1972 г., и снимки с транснациональных спутников серии Terra. В последних используется оптическая система MODIS также разработки США, фотографирующая в 36 диапазонах спектра, с длиной волны от 0,4 до 14,4 мкм и разрешением от 250 до 1000 м [6]. Снимки общедоступны и предоставляются бесплатно, тогда как за аналогичные снимки с российских спутников научным коллективам приходится платить.

Добившийся успеха конкурент сибирских математиков Центр Хедли для исследований и прогнозирования климата был создан в 1990 г., когда в Новосибирске разработка моделей прогнозирования климата практически была свернута из-за отсутствия финансирова-

⁴ Большую помощь в объяснении причин нашего отставания в данной сфере мне оказал В.И. Клисторин, которому хочу выразить искреннюю благодарность.

ния. Назван он был в честь Джорджа Хедли⁵, жившего в XVIII в., и расположен в университетском городе Эксетер на юге Англии. Задачи Центра Хедли состоят в разработке климатических моделей, а также в их применении для прогнозирования межгодовых, десятилетних и долгосрочных изменений климата, как глобальных, так и региональных.

При более успешном продвижении исследований в английском Эксетере в Сибири и после 1990 г. последовательно продолжались работы по математическим методам прогноза температуры Мирового океана с учетом океанических течений. В результате единая линия исследований, начатых в 1960-е годы, распалась на две, слабо связанные между собой: построение краткосрочных региональных прогнозов погоды и изучение динамики температуры Мирового океана с учетом течений. Можно попутно отметить, что создатели моделей серии HadCM так и не сумели ввести в расчеты влияние на климат океанических течений. Так что по некоторым элементам прогнозирования изменений климата новосибирские ученые остаются впереди.

Центр Хедли участвует в национальной исследовательской программе ExCALIBUR (Exascale Computing ALgorithms & Infrastructures Benefiting), цель которой состоит в разработке нового поколения программного обеспечения для имитационных моделей в разных областях науки. Программа стартовала в октябре 2019 г. и продлится до марта 2025 г. В российской практике нет такой интеграции разработки многоцелевого программного обеспечения с конкретными прикладными разработками.

Есть еще один способ прогнозировать последствия будущих изменений климата – отслеживать отдельные сезонные циклы погоды, которые отличаются от обычных в сторону потепления. Из всех сезонов в наибольшей степени исследователей привлекает весна. Такая необычно теплая весна пришла в Западную Сибирь в 2020 г. В эту весну были отмечены существенные отклонения от стандартных не только температуры, но и множества других параметров: интен-

⁵ Джордж Хедли (1685–1768) – британский юрист и метеоролог-любитель. Объяснил образование пассатов (восточных ветров в экваториальной зоне). Это открытие называется «циркуляцией Хедли». Его знаменитую статью читают до сих пор. См.: *Hadley G. Concerning the cause of the general trade winds // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. – 1735. – Vol. 39, No. 437. – P. 58–62.*

сивности пожаров, роли ветра в их распространении и многих других. Затем данные об изменениях температуры вводились в модель COSMO (Consortium for Small-scale Modeling) и расчеты по прочим параметрам сопоставлялись с фактическими. Различия были весьма незначительными.

Создатели модели COSMO, разработка которой была начата в 1998 г. и завершена в конце 2021 г., – Центр геоинформации Вооруженных сил Германии и пять научных коллективов из Италии. Аналогичные модели российской разработки отсутствуют.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ВОЗМУЩЕНИЯМ – ЕЩЕ ОДНО ПРЕПЯТСТВИЕ

Дефекты мониторинга климата и динамики растительности – одна сторона проблемы. Не менее значимая составляющая общей преграды к тому, чтобы использовать изменения климата на пользу экономического развития России, – общая негативная трактовка этих изменений. Больше говорится об угрозах и почти ничего – о приобретаемых в результате преимуществах и новых открывающихся возможностях.

В России в настоящее время действует Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р. Термин «адаптация» в данном документе трактуется однозначно как «снижение ожидаемого ущерба», но совсем не как «использование новых возможностей».

В том же ключе в конце 2023 г. должны были появиться методические рекомендации по оценке возможного ущерба от воздействия климатических рисков, в том числе рекомендации по формированию перечня климатически уязвимых объектов в отраслях экономики и в субъектах РФ. Но они не появились. Впрочем, и появление их немного бы изменило. На первом этапе реализации плана мероприятий по адаптации, который был рассчитан на 2019–2022 гг., к мероприятиям, имеющим отношение к продвижению тайги на север, можно было бы отнести лишь «переоснащение и модернизацию государственной наблюдательной сети климатического мониторинга», чего также реально не было сделано.

Таким образом, блокировка мер по использованию новых обстоятельств в связи с продвижением тайги на север идет с двух сторон: со стороны недостаточно эффективной системы мониторинга и ориентации системы управления не на использование открывающихся возможностей, а исключительно на предотвращение потенциального ущерба.

* * *

Итак, продвижение тайги на север является той частью изменения климата в мире, что ставит перед российской экономикой множество проблем, к решению которых следует готовиться заблаговременно. Прежде всего необходимо начать финансирование научных исследований данной проблемы, формирование мощной системы мониторинга и прогнозирования изменения растительности на северных и южных границах тайги. И такая система должна базироваться на отечественных спутниковых снимках, российском программном обеспечении их обработки, современных математических имитационных моделях.

Не менее принципиальными направлениями являются подготовка кадров к применению будущих новых технологий в нескольких отраслях, о которых речь шла выше, а также разработка соответствующих федеральных программ. Нужно учитывать, что эта проблема междисциплинарная. Она требует работы географов, физиков, математиков, гидрологов, метеорологов, биологов, специалистов по сельскому и лесному хозяйству и др. Но исходная постановка задачи все-таки должна быть за экономистами.

*Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект «Инструменты, технологии и результаты анализа,
моделирования и прогнозирования пространственного развития
социально-экономической системы России и ее отдельных территорий»,
№ 121040100262-7*

Список источников

1. Болотов И.Н., Шварцман Ю.Г., Игловский С. Изменения климата и их влияние на окружающую природную среду Европейского Севера России // Изме-

нение окружающей среды и климата: Природные и связанные с ними техногенные катастрофы. – М.: ИФА РАН, 2008. – Т. IV. – С. 80–98.

2. Васильев В.Л., Турковская К.А., Хренникова М.М. Продвижение овощей на Крайний Север. – Москва; Ленинград: Сельхозгиз, 1934.

3. Жирнов А. «Деревья пошли на север»: тайга в России вытесняет тундру из-за потепления // Ридус. – 2021. – 3 февр.

4. Зуев В.В., Короткова Е.М., Павлинский А.В. Климатически обусловленные изменения растительного покрова тайги и тундры Западной Сибири в 1982–2015 гг. по данным спутниковых наблюдений // Исследование земли из космоса. – 2019. – № 6. – С. 66–76.

5. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2 (98). – С. 264–287.

6. Кравцова В.И., Котов Т.В. Тема «растительность» в новом атласе российской Арктики // Биоразнообразии экосистем Крайнего Севера: инвентаризация, мониторинг, охрана: Тез. докл. – Сыктывкар, 2018. – С. 30–35.

7. Кузнецова В.П. Влияние современного изменения климата на биологическое разнообразие. – Нижневартовск: НВГУ, 2021.

8. Мейбэк А., Гитц В., Вольф Ю., Вонг Т. Вопросы лесного хозяйства и агролесоводства в национальных планах адаптации к изменению климата. – Рим: ФАО, 2023.

9. Михайлова Т.Ю., Доманова Е.Д. Нелинейные уравнения и системы. Устойчивость решений: Учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. – URL: https://www.nsu.ru/n/physics-department/uchebno-metodicheskie-posobiya/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B4%D0%B8%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9.%20%D0%A7.%203/Methody_resheniya_obyknovennyh_differentsialnyh_uravneny_3_Mihailova_T_Y_Domanova_E_D_FF_NGU_2012_74s.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

10. Паутов Ю.А. Адаптация лесного сектора Республики Коми к изменениям климата на основе анализа информации о среднесрочных (20–40 лет) прогнозных сценариях изменения климата в регионе. – Сыктывкар, 2022.

11. Петрукович А. Наука космических высот // Русский космос. – 2021. – № 23. – С. 18–27.

12. Сергиенко В.Г. Динамика границ лесорастительных зон России в условиях изменения климата // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. – 2015. – № 1. – С. 5–19.

13. Чебакова Н.М. Возможности трансформации растительного покрова Сибири при различных сценариях изменения климата: Автореф. дисс. ... д-ра биол. наук. – Красноярск, 2006. – 60 с.

14. *Abel C., Horion S., Tagesson T. et al.* The human–environment nexus and vegetation–rainfall sensitivity in tropical drylands // *Nature Sustainability*. – 2021. – Vol. 4 (1). – P. 1–8.
15. *Ellison D., Morris C.E., Locatelli B. et al.* Trees, forests and water: Cool insights for a hot world // *Global Environmental Change*. – 2017. – No. 43 (51). – P. 51–61.
16. *Lillesø J.P.B., Harwood C.E., Derero A. et al.* Why institutional environments for agroforestry seed systems matter // *Development Policy Revue*. – 2017. – No. 36 (2). – P. 89–112.
17. *Lynch P.* The origins of computer weather prediction and climate modeling // *Journal of Computational Physics*. – 2007. – No. 227. – P. 3431–3444.
18. *Morin X., Fahse L., Jactel H. et al.* Long-term response of forest productivity to climate change is mostly driven by change in tree species composition // *Scientific Reports*. – 2018. – Vol. 8, No. 1. – P. 56–77.
19. *Seidl R., Thom D., Kautz M. et al.* Forest disturbances under climate change // *Nature Climate Change*. – 2017. – Vol. 7, No. 6. – P. 395–402. DOI: 10.1038/nclimate330.
20. *Shikhov A., Antokhina O., Gochakov A. et al.* Severe convective outbreak in Siberia in May 2020: Event analysis and high-resolution simulation // *Atmospheric Research*. – 2023. – Vol. 298 (7). – P. 107–139.

Информация об авторе

Воронов Юрий Петрович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: yura.voronov.42@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240301

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 5–23

Yu.P. Voronov

TAIGA HEADING NORTH

This article examines the northward advancement of the taiga as one of the consequences of global climate change. The objective of the publication is to explore new opportunities for the development of Siberia’s economy, as well as to systematize the key strategies for the economy’s adaptation to evolving conditions. The expansion of the taiga is increasing Russia’s forest

resources. Its composition is altering: the proportion of larch and pine is decreasing, replaced by cedar, spruce, and mixed forests. These changes are also affecting the composition of wild animal populations and the structure of fish species in seas, rivers, and freshwater bodies. The author reviews previous research on this topic, systematizes, and integrates the results.

We note a current lag between Russian (particularly Siberian) and global science in predicting climate change and its consequences, as well as in the development and application of the mathematical models used for forecasts. Another issue that needs addressing is the approach to the problem under study within public administration, which tends to focus solely on potential damage from climate change. The author argues that the northward movement of the taiga enhances opportunities for the development of the Russian economy.

Keywords: taiga; tundra; new opportunities; increased resources; climate change; remote sensing; simulation models; forecasts; spruce; larch; reindeer; federal programs

For citation: Voronov, Yu.P. (2024). Tayga idet na sever [Taiga heading north]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 5–23. DOI: 10.15372/REG20240301.

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Tools, technologies and results of analysis, modeling and forecasting of spatial development of Russia’s socio-economic system and its particular territories”, No. 121040100262-7

References

1. Bolotov, I.N., Yu.G. Shvartsman & S. Iglovsky. (2008). *Izmeneniya klimata i ikh vliyanie na okruzhayushchuyu prirodnyuyu sredu Evropeyskogo Severa Rossii* [Climate changes and their impact on the natural environment of the European north of Russia]. In: *Izmenenie okruzhayushchey sredy i klimata: Prirodnye i svyazannye s nimi tekhnogennye katastrofy* [Environmental and Climate Change: Natural and Related Technogenic Disasters], Vol. IV. Moscow, Obukhov Institute of Atmospheric Physics RAS Publ., 80–98.
2. Vasilyev, V.L., K.A. Turkovskaya & M.M. Khrennikova. (1934). *Prodvizhenie ovoshchey na Krayniy Sever* [Promotion of Vegetables to the Far North]. Moscow & Leningrad, Selkhozgiz Publ.

3. Zhirnov, A. (2021). “Derevyva poshli na sever”: tayga v Rossii vytesnyaet tundru iz-za potepeniya [“The Trees Have Gone North”: the Taiga in Russia is Displacing the Tundra due to Warming]. Ridus, 3 Feb.

4. Zuev, V.V., E.M. Korotkova & A.V. Pavlinsky. (2019). Klimaticheski obuslovlennyye izmeneniya rastitelnogo pokrova taygi i tundry zapadnoy Sibiri v 1982–2015 gg. po dannym sputnikovykh nablyudeny [Climate-related changes in the vegetation cover of the taiga and tundra of Western Siberia in 1982–2015 according to satellite observations]. Issledovanie zemli iz kosmosa [Earth Observation and Remote Sensing], 6, 66–76.

5. Kolomak, E.A., V.A. Kryukov, L.V. Melnikova, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2018). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Spatial development strategy of Russia: Expectation and reality]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (98), 264–287.

6. Kravtsova, V.I. & T.V. Kotov. (2017). Tema “rastitelnost” v novom atlase rossiyskoy Arktiki [The topic “vegetation” in the new atlas of the Russian Arctic]. In: Bioraznoobrazie ekosistem Kraynego Severa: inventarizatsiya, monitoring, okhrana: Tez. dokl. [Biodiversity of the Far North Ecosystems: Inventory, Monitoring, Protection: Abstracts of reports]. Syktyvkar, 30–35.

7. Kuznetsova, V.P. (2021). Vliyaniye sovremennogo izmeneniya klimata na biologicheskoye raznoobrazie [The Impact of Modern Climate Change on Biological Diversity]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ.

8. Meybeck, A., V. Gitz, J. Wolf & T. Wong. (2023). Voprosy lesnogo khozyaystva i agroslovovodstva v natsionalnykh planakh adaptatsii k izmeneniyu klimata [Addressing Forestry and Agroforestry in National Adaptation Plans]. Rome, FAO UN.

9. Mikhaylova, T.Yu. & E.D. Domanova. (2012). Nelineynyye uravneniya i sistemy. Ustoychivost resheniy. Ucheb.-metod. posobie [Nonlinear Equations and Systems. Solution Stability. Educational and methodological manual]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ. Available at: <https://www.nsu.ru/n/physics-department/uchebno-metodicheskie-posobiya/> (date of access: 12.06.2024).

10. Pautov, Yu.A. (2022). Adaptatsiya lesnogo sektora Respubliki Komi k izmeneniyam klimata na osnove analiza informatsii o srednesrochnykh (20-40 let) prognoznnykh stsenariyakh izmeneniya klimata v regione [Adaptation of the Forestry Sector of the Komi Republic to Climate Change Based on Analysis of Medium-Term (20-40 Years) Forecast Scenarios of Climate Change in the Region]. Syktyvkar.

11. Petrukovich, A. (2021). Nauka kosmicheskikh vysot [Science of cosmic heights]. Russkiy kosmos [Russian Cosmos], 23, 18–27.

12. *Sergienko, V.G.* (2015). Dinamika granits lesorastitelnykh zon Rossii v usloviyakh izmeneniya klimata [The dynamics of the boundaries of forest vegetation zones in Russia under climate change]. Trudy Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta lesnogo khozyaystva [Proceedings of the Saint Petersburg Forestry Research Institute], 1, 5–19.

13. *Chebakova, N.M.* (2006). Vozmozhnosti transformatsii rastitelnogo pokrova Sibiri pri razlichnykh stsenariyakh izmeneniya klimata: Avtoref. diss. ... d-ra biol. nauk [Possibilities of Transforming the Vegetation Cover of Siberia Under Various Scenarios of Climate Change: Author's abstract for the Doctor of Biology thesis]. Krasnoyarsk, 60.

14. *Abel, C., S. Horion, T. Tagesson et al.* (2021). The human–environment nexus and vegetation–rainfall sensitivity in tropical drylands. *Nature Sustainability*, 4 (1), 1–8.

15. *Ellison, D., C.E. Morris, B. Locatelli et al.* (2017). Trees, forests and water: Cool insights for a hot world. *Global Environmental Change*, 43 (51), 51–61.

16. *Lillesø, J.P.B., C.E. Harwood, A. Direro et al.* (2017). Why institutional environments for agroforestry seed systems matter. *Development Policy Revue*, 36 (2), 89–112.

17. *Lynch, P.* (2007). The origins of computer weather prediction and climate modeling. *Journal of Computational Physics*, 227, 3431–3444.

18. *Morin, X., L. Fahse, H. Jactel et al.* (2018). Long-term response of forest productivity to climate change is mostly driven by change in tree species composition. *Scientific Reports*, Vol. 8, No. 1, 56–77.

19. *Seidl, R., D. Thom, M. Kautz et al.* (2017). Forest disturbances under climate change. *Nature Climate Change*, Vol. 7, No. 6, 395–402. DOI: 10.1038/nclimate330.

20. *Shikhov, A., O. Antokhina, A. Gochakov et al.* (2023). Severe convective outbreak in Siberia in May 2020: Event analysis and high-resolution simulation. *Atmospheric Research*, Vol. 298 (7), 107–139.

About Author

Voronov, Yury Petrovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yura.voronov.42@mail.ru.

Поступила в редколлегию 24.01.2024.

После доработки 02.02.2024.

Принята к публикации 08.02.2024.

© Воронов Ю.П., 2024

УДК 332.12+334.02+338.2

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 24–52

П.Э. Яковлева, Ю.С. Корнилова

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
(на примере Нижегородской области)**

В статье представлен комплексный подход к оценке уровня конкурентоспособности региона. Приведены основные концепции оценки конкурентоспособности. На основе их обобщения был сформулирован подход к анализу, предполагающий применение коэффициентов локализации, анализ структурных сдвигов и оценку открытости экономики региона путем расчета коэффициентов ввоза, вывоза и товарообмена. С помощью этих методов определяются преимущества региона, которые могут стать основой для улучшения его экономического состояния, поскольку обладая точными характеристиками региональной экономики, зная ее сильные стороны и уязвимые места, можно построить намного более точный сценарий дальнейшего развития региона. В качестве примера для апробирования подхода была выбрана Нижегородская область. Результаты применения комплексного подхода были сопоставлены с показателями экономического положения Нижегородской области в ряде рейтингов. В итоге комплексный анализ конкурентных преимуществ одного региона Российской Федерации позволил определить его флагманские отрасли и потенциальные сферы развития.

Ключевые слова: конкурентоспособность региона; потенциал региона; конкурентные преимущества; специализация региона; региональная экономика

Для цитирования: Яковлева П.Э., Корнилова Ю.С. Конкурентоспособность региона через призму показателей региональной экономики (на примере Нижегородской области) // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 24–52. DOI: 10.15372/REG20240302.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Термин «конкурентоспособность» в последние 20 лет стал трактоваться существенно шире. Изначально он применялся для оценки характеристик товаров, фирм и отраслей, а теперь применяется и к развитию территорий. Конкурентоспособность территории – это способность использовать имеющиеся на ней ресурсы с максимальной отдачей по сравнению с другими [11]. В данной статье особое внимание будет уделено конкурентоспособности регионов.

Процессы дифференциации и специализации усилили конкуренцию между регионами за инвестиции, трудовые и интеллектуальные ресурсы [19]. Существует несколько подходов к классификации конкурентоспособности региона. В рамках одной концепции [3] выделяются четыре вида конкурентоспособности: внешняя, внутренняя, по ресурсам и по институтам. Другая концепция [16] предполагает пять уровней конкурентоспособности в зависимости от масштаба рассматриваемого объекта: конкурентоспособность страны, региона, отрасли, фирмы, товара. Согласно третьей концепции, конкурентоспособность измеряется на основе долговременного характера социально-экономического развития и показателей текущего экономического положения [6; 18].

Нет однозначного мнения, какие именно показатели должны учитываться для определения конкурентоспособности. основополагающими факторами принято считать трудовые ресурсы и инвестиции, но ряд исследователей выделяют дополнительно, например, природные факторы (климат, географическое положение), развитие (бизнес-климат) или искусственные (инфраструктура) [13]. Е.В. Форост [21] подразделяет конкурентные преимущества на две категории: базовые и обеспечивающие. К базовым преимуществам она относит природно-сырьевые и трудовые ресурсы, научный потенциал и про-

изводственную базу, а к обеспечивающим – бизнес-климат, качество и стоимость рабочей силы, инфраструктуру и инновационный потенциал.

Однако ряд ученых [5; 14] предлагают иной подход, согласно которому есть только две категории признаков, необходимых для оценки положения региона: признаки глубинные (уровень внедрения на производствах высокотехнологичных и инновационных инструментов) и поверхностные (эффективность управления экономикой). Стоит отметить, что многие авторы сходятся во мнении, что кроме основных характеристик региона (трудовых и экономических ресурсов), важной характеристикой является наличие инновационной активности.

С.В. Казанцев [7] оценивает субъекты Российской Федерации с помощью коэффициента жизнеспособности, для которого берутся две группы показателей. К первой группе относятся численность населения и объем производственных инвестиций, ко второй – факторы, отрицательно влияющие на показатели жизнеспособности субъекта: ухудшение условий жизни и степень износа основных фондов. Данный подход расширяет набор основных показателей и учитывает такие показатели, как защищенность, благосостояние населения и обеспечение экологической безопасности.

А.В. Гешев [4] дополняет основные показатели характеристиками инвестиционной привлекательности, показателями уровня жизни населения и эффективности использования ресурсов. Инвестиционная привлекательность связана с концентрацией капитала в пределах региона, а потому влияет на развитие рынков в регионе и привлечение новых экономических агентов. Однако в данной концепции игнорируется географическое положение региона, которое оказывает влияние на отраслевую специализацию региона и во многом определяет его возможности обрести конкурентную позицию.

Для оценки преимуществ региона в текущих рыночных условиях необходимо иметь представление обо всех факторах конкурентоспособности, а именно о трудовых ресурсах, географическом положении, инвестиционной привлекательности, институциональной среде, инфраструктуре (как инженерной, так и экономической и рыночной),

уровне инновационной активности, отраслевой структуре экономики и ее специализации [21].

Основные существующие подходы к оценке конкурентоспособности делятся на два типа. В одних подходах делается упор на оценку общего социально-экономического положения территории, в других – на конкретные показатели социальной и экономической сфер по отдельности. В Российской Федерации ежегодно рассчитываются рейтинги, оценивающие положение регионов по названным выше показателям:

- 1) рейтинг социально-экономического положения регионов и рейтинг регионов по качеству жизни¹;
- 2) ESG-рейтинг регионов²;
- 3) национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ³;
- 4) рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнерства⁴;
- 5) рейтинг инновационных регионов России⁵.

Каждый из рейтингов строится на собственной методологии и на своем наборе данных, что позволяет сравнивать регионы между собой. При этом в большинстве рейтингов указываются только крайние места регионов без представления промежуточных значений анализируемых показателей, демонстрирующих преимущества и недостатки конкретных регионов. Для анализа текущего уровня инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности регионов страны

¹ Официальный сайт РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 23.12.2023).

² Официальный сайт RAEX PRO. – URL: <https://clck.ru/337D2V> (дата обращения: 23.12.2023).

³ Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Официальный сайт Росинфра. – URL: <https://clck.ru/38Z9Ln> (дата обращения: 22.12.2023).

⁵ Официальный сайт Ассоциации инновационных регионов России. – URL: <https://clck.ru/38Z9Qn> (дата обращения: 23.12.2023).

эти данные являются исчерпывающими, однако для составления сценариев дальнейшего развития регионов требуются данные более подробные.

В настоящей статье на примере Нижегородской области не только будут рассмотрены рейтинги, оценивающие конкурентоспособность региона, но также будут рассчитаны коэффициенты локализации, проведен анализ структурных сдвигов в экономике региона и региональной конкурентоспособности, проанализирована открытость экономики региона. Данные методы способствуют отслеживанию изменений в конкурентоспособности региона за последние годы и позволяют получить более детальное представление о текущем состоянии конкурентоспособности экономики региона по разным отраслям. Сопоставление полученных результатов с рейтингами дало более комплексные результаты, которые легли в основу рекомендаций по изменению приоритетов развития Нижегородской области. Выбор Нижегородской области для проведения исследования связан с тем, что этот регион обладает рядом конкурентных преимуществ, но по некоторым экономическим показателям и отраслям экономики не является лидером в своем федеральном округе.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения специализации региона необходимо выявить его конкурентные отрасли [15], обладающие абсолютными и относительными преимуществами. С целью выявления этих преимуществ был проведен комплексный анализ развития территории, включающий оценку отраслей локализации и специализации региона, анализ структурных сдвигов и анализ открытости экономики региона. Совокупность данных методов исследования не только позволяет определить уровень развития региона, но и дает возможность подобрать подходящий сценарий его будущего развития.

На первом этапе была проведена оценка отраслей специализации региона. Для этого был рассчитан коэффициент локализации производства для каждой отрасли [15]:

$$LQ = \frac{O_{\text{рег}} / P_{\text{рег}}}{O_{\text{стр}} / P_{\text{стр}}}, \quad (1)$$

где LQ – коэффициент локализации; $O_{\text{рег}}$ – общая численность занятых в i -й отрасли в регионе; $P_{\text{рег}}$ – общая численность занятых в регионе; $O_{\text{стр}}$ – общая численность занятых в i -й отрасли в стране; $P_{\text{стр}}$ – общая численность занятых в стране.

Данный коэффициент позволяет оценивать отрасли по степени сконцентрированности рабочей силы и сравнивать полученные значения показателя со средневзвешенными показателями по стране, что дает представление о степени развитости отрасли в конкретном регионе. Значения показателя выше 1 свидетельствует о том, что отрасль является основной для региона, однако ряд исследователей определяют пороговое значение в промежутке от 0,8 до 1,25 [10; 22; 23]. При расчете коэффициента локализации были использованы показатели среднесписочной численности работников по полному кругу организаций по каждому виду экономической деятельности⁶.

На втором этапе был проведен анализ структурных сдвигов в экономике региона. Этот метод отражает влияние национальных, отраслевых и местных факторов на изменения в региональной экономике [20]. Он позволяет не только оценить степень развития отраслей за определенный период времени, но и отследить результативность программ и политик, реализованных на определенной территории [2]. Для расчета показателей структурных сдвигов были использованы данные о численности занятых в экономике⁷.

Для определения значения показателя по каждому фактору были использованы следующие формулы [15]:

$$NS_i = e_i^Y - G; \quad (2)$$

$$IM_i = e_i^Y - (G_i - G); \quad (3)$$

⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699> (дата обращения: 12.01.2024).

⁷ Там же.

$$LS_i = e_i^Y (g_i - G_i), \quad (4)$$

где e_i^Y – число занятых в i -й отрасли в регионе в год Y ; NS_i – доля национальных факторов в росте занятости в регионе; IM_i – доля отраслевых факторов в росте занятости в регионе; LS_i – доля региональных факторов в росте занятости в регионе; G – темп роста занятости в национальной экономике; G_i – темп роста занятости в i -й отрасли в стране; g_i – темп роста занятости в i -й отрасли в регионе; Y – базисный период.

Различие между национальным и региональным темпами роста позволяет определить «сдвиг» региона, на который оказывают влияние два фактора: эффект отраслевой структуры, показывающий, темпы роста каких отраслей на национальном уровне выше темпов роста национальной экономики в целом, а также эффект конкуренции (дифференциальный сдвиг отраслевой структуры экономики), определяющий возможность региона создать условия, необходимые для того, чтобы отрасли, развивающиеся на его территории, увеличивали темпы роста быстрее, чем увеличиваются темпы роста аналогичных отраслей по стране [15].

На третьем этапе был проведен анализ открытости экономики региона, показывающий зависимость национальной и региональной экономик от международного рынка товаров [17]. Для определения показателя открытости экономики региона были использованы данные по экспортируемым и импортируемым товарам⁸. Были рассчитаны три коэффициента: вывоза, ввоза и товарообмена. Для нахождения коэффициентов использовались формулы

$$K_B = \frac{v}{w}; \quad (5)$$

$$K_{BB} = \frac{w}{(q - v - w)}; \quad (6)$$

$$K_{B+BB} = \frac{(v - w)}{q}, \quad (7)$$

⁸ Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

где v – вывоз продукции; w – ввоз продукции; q – объем производства.

Значения коэффициента ввоза $K_{\text{вв}}$ и коэффициента вывоза $K_{\text{в}}$ должны находиться в промежутке от 0 до 1. Для расчета коэффициентов используются показатели импорта, экспорта и внешнего товарообмена. По этой причине степень открытости экономики региона будет зависеть от внешней торговли и межрегиональные отношения не будут приниматься во внимание.

После подсчета коэффициентов значения, полученные по каждому региону, можно сравнить со среднероссийскими показателями и, исходя из этого, разделить регионы на три категории [8]: регионы с высокой степенью открытости, регионы со средней степенью открытости, регионы с низкой степенью открытости.

В совокупности использованные методы позволяют провести комплексный анализ конкурентоспособности региона и выявить его преимущества на межрегиональной арене. Рассмотрение показателей в длительном временном периоде дало возможность определить факторы, оказывающие наибольшее влияние на изменение положения региона по основным экономическим показателям. Проведение комплексного анализа помогло в оценке состояния региона, определении его приоритетных отраслей и выборе способа для обеспечения экономического роста региона в дальнейшем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характеристика региона. Нижегородская область является центром Приволжского федерального округа. Она входит в число 20 регионов России, имеющих наиболее высокие показатели по объему ВРП, а именно стабильно занимает 13-е место (ВРП в 2021 г. – 1,89 млрд руб.) на протяжении 2015–2021 гг.⁹ За этот период ВРП области вырос на 70,9%, что позволило сократить разрыв с регионом-лидером ПФО – Республикой Татарстан. Это говорит о постепенном усилении позиций Нижегородской области в пределах своего федерального округа.

⁹ Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

Рассматривая ВРП Нижегородской области, стоит отметить, что наибольшую долю в ее экономике в 2021 г. составляли обрабатывающие производства (26,5%), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов (18,3%), деятельность по операциям с недвижимым имуществом (11,6%), а также прочие виды экономической деятельности (18,1%)¹⁰. На долю в ВРП остальных видов деятельности приходится менее 10%. По объему отгруженной продукции в секторе обрабатывающей промышленности Нижегородская область в 2005–2016 гг. занимала шестое-седьмое места среди всех субъектов РФ¹¹. В дальнейшем данный показатель по региону возрастал, однако темп прироста был недостаточным для того, чтобы поддерживать позицию на межрегиональной арене, поэтому к 2022 г. область опустилась на 14-е место¹².

В рамках анализа было рассмотрено положение Нижегородской области в трех рейтингах: рейтинге социально-экономического положения регионов, рейтинге регионов по качеству жизни¹³ и рейтинге регионов по уровню развития государственно-частного партнерства¹⁴. В этих рейтингах Нижегородская область среди регионов ПФО в период с 2016 по 2021 г. занимала места в первой пятёрке, преимущественно вторую и третью позиции. Положение области в разрезе всех субъектов РФ более неоднозначное и подвержено изменениям (табл. 1).

В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ Нижегородская область отстает по ряду показателей, относящихся к характеристикам масштаба экономики, к показателям бюджетной и социальной сферы. Однако внутри группы показателей эффективности экономики область имеет более высокие позиции: по пока-

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

¹¹ Официальный сайт Стратегии развития Нижегородской области. – URL: <https://strategy.government-nnov.ru/ru-RU/content/about> (дата обращения: 05.01.2024).

¹² Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

¹³ Официальный сайт РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 23.12.2023).

¹⁴ Официальный сайт Росинфра. – URL: <https://clck.ru/38Z9Ln> (дата обращения: 22.12.2023).

Таблица 1

Нижегородская область в рейтинговых системах в 2016–2022 гг.

Рейтинг	Место региона в Приволжском федеральном округе (место среди всех субъектов РФ)						
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Рейтинг социально-экономического положения регионов	5 (16)	5 (18)	4 (14)	4 (14)	3 (13)	3 (15)	3 (13)
Рейтинг регионов по качеству жизни	2 (14)	2 (14)	2 (16)	2 (15)	2 (13)	3 (10)	3 (12)
Рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнерства	1 (6)	3 (8)	3 (10)	2 (3)	3 (16)	2 (8)	1 (1)

Источник: составлено авторами по материалам официального сайта РИА Рейтинг (URL: <https://riarating.ru/>) и официального сайта Ассоциации инновационных регионов России (URL: <https://clck.ru/38Z9Qn>).

зателю «доля прибыльных предприятий по итогам года (%)» она в 2020 г. набрала 75,1%, обогнав Московскую область (74,3%). В Нижегородской области созданы более благоприятные условия для открытия и развития бизнеса, например предприниматели имеют большее число льгот¹⁵.

Рейтинг регионов по уровню качества жизни содержит показатели, связанные с экономическим развитием территории, и характеризует уровень жизни в регионе. Нижегородская область стабильно занимает второе место в своем федеральном округе после Республики Татарстан. Однако в 2021 г. она уступила эту позицию Самарской области, хотя и с незначительным разрывом в 0,789 балла (1,3%). Основной причиной этого стал существенный скачок в развитии Самарской области в значимых для оценки качества жизни аспектах:

¹⁵ См.: *Стратегия* социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. – URL: <https://clck.ru/37Mu7r> (дата обращения: 22.01.2024); *Постановление* Правительства Нижегородской области от 18.12.2023 № 1083 «О внесении изменений в государственную программу “Развитие предпринимательства Нижегородской области”, утвержденную постановлением Правительства Нижегородской области от 29 апреля 2014 г. № 290». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202312200008> (дата обращения: 12.01.2024).

жилищных условиях населения, здравоохранении и уровне образования, транспортной инфраструктуре. В общероссийском рейтинге положение Нижегородской области имеет положительную динамику, поскольку за пять лет регион переместился с 14-го места на 10-е, уменьшив разрыв с лидером по показателям практически на 10%.

К 2022 г. Нижегородская область стала лидером рейтинга по уровню развития государственно-частного партнерства. Кроме этого, она даже получила наивысшие значения по параметру «динамика реализации проектов ГЧП» – 100,0 балла¹⁶. Результаты достигнуты за счет увеличения количества концессионных соглашений и качественной работы местных властей по реализации крупных проектов (24 проекта, среди которых реконструкция наземного общественного электротранспорта, строительство ИТ-кампуса и ледового дворца). Общая стоимость реализованных проектов составляет 155 млрд руб.¹⁷

Индекс промышленного производства в Нижегородской области в январе–сентябре 2021 г. составил 114,2%¹⁸. Такое значение говорит о положительной динамике роста промышленности. Примечательно, что темпы роста промышленного производства в Нижегородской области выше средних показателей по Приволжскому федеральному округу (106,0%) и России (104,7%). У региона есть все необходимое для сохранения преимущества и наращивания промышленного потенциала.

Динамика показателей. Рассмотрение результатов исследования стоит начать с выделения отраслей специализации региона, т.е. тех, для которых значения коэффициента локализации выше 1 (рис. 1). При анализе показателей локализации отраслей в динамике с 2017 по 2021 г. было определено, что наиболее высокие значения коэф-

¹⁶ См.: *Рейтинг* субъектов Российской Федерации по уровню государственно-частного партнерства за 2022 год. – URL: <https://clck.ru/34VsKH> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁷ См.: *Стратегия* социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. – URL: <https://clck.ru/37Mu7r> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁸ См.: *Современное состояние и перспективы* социально-экономического развития Нижегородской области (по итогам Дней Нижегородской области в Совете Федерации) // Аналитический вестник. Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. – 2021. – № 30 (790). – С. 55. – URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/132712/ (дата обращения: 12.01.2024).

Конкурентоспособность региона через призму показателей региональной экономики
(на примере Нижегородской области)

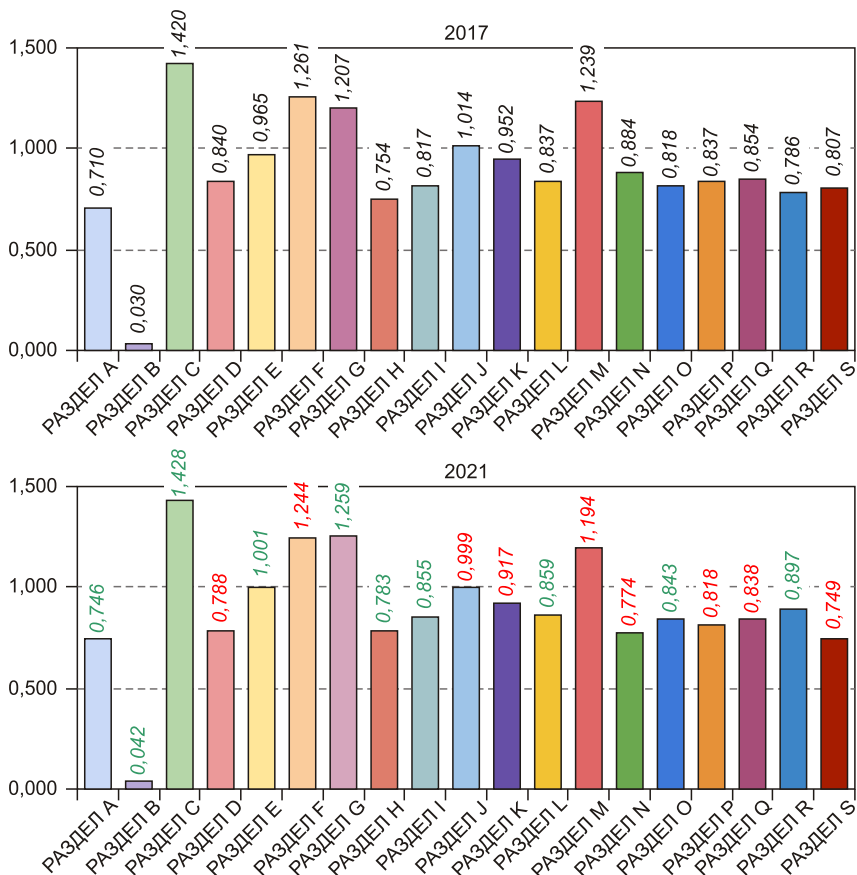

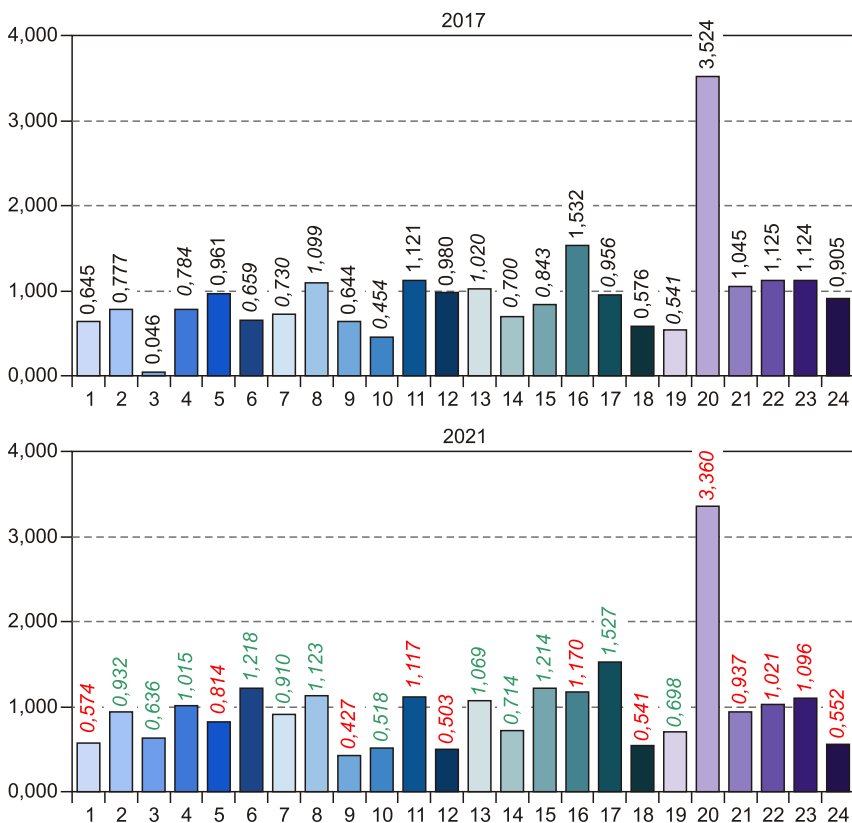
Рис. 1. Коэффициент локализации (LQ) видов экономической деятельности Нижегородской области в 2017 и 2021 гг., раз

Примечания: разделы А–S соответствуют разделам Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/); красным цветом обозначена отрицательная динамика показателя, зеленым – положительная

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>)

коэффициента приходится на виды деятельности раздела С – «Обрабатывающие производства» (1,42). Еще три раздела неизменно остаются отраслями специализации Нижегородской области: раздел F – «Строительство» (1,24 на 2021 г.), раздел G – «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (1,26 на 2021 г.) и раздел M – «Деятельность профессиональная, научная и техническая» (1,19 на 2021 г.).

Показатели раздела E – «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» и раздела J – «Деятельность в области информации и связи» имеют коэффициенты, близкие к 1, но значения коэффи-

циентов колеблются в зависимости от временного периода, и эти отрасли не вполне можно назвать отраслями специализации.

Поскольку и в 2017, и в 2021 г. наибольшая численность работников зафиксирована в отрасли «Обрабатывающие производства», целесообразно рассмотреть данный раздел более детально (рис. 2).

Наиболее высокие значения показателей локализации в рассматриваемых периодах наблюдаются в подразделе «Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов» (3,36 на 2021 г.). Эти значения не вызывают удивления, так как на территории Нижегородской области действует несколько крупных заводов по производству автомобилей и их комплектующих [1], в частности Горьковский автомобильный завод, Павловский автобусный завод, Заволжский моторный завод и многие другие. Однако стоит учесть, что значения коэффициента, непосредственно отражающего численность работников в сфере, в период с 2017 по 2021 г. заметно снизилось, что может говорить о сложном положении ряда фирм и череде банкротств и ликвидаций. Так, в 2020 г. было ликвидировано АО «Нижегородский машиностроительный завод», в 2021 г. признано банк-

Рис. 2. Коэффициент локализации (LQ) по подразделам раздела С – «Обрабатывающие производства» Нижегородской области в 2017 и 2021 гг., раз

1 – производство пищевых продуктов; 2 – производство напитков; 3 – производство табачных изделий; 4 – производство текстильных изделий; 5 – производство одежды; 6 – производство кожи и изделий из кожи; 7 – обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения; 8 – производство бумаги и бумажных изделий; 9 – деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; 10 – производство кокса и нефтепродуктов; 11 – производство химических веществ и химических продуктов; 12 – производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; 13 – производство резиновых и пластмассовых изделий; 14 – производство прочей неметаллической минеральной продукции; 15 – производство металлургическое; 16 – производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; 17 – производство компьютеров, электронных и оптических изделий; 18 – производство электрического оборудования; 19 – производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; 20 – производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; 21 – производство прочих транспортных средств и оборудования; 22 – производство мебели; 23 – производство прочих готовых изделий; 24 – ремонт и монтаж машин и оборудования

Примечание: красным цветом обозначена отрицательная динамика показателя, зеленым – положительная

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС
(URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>)

Таблица 2

Классификация видов экономической деятельности Нижегородской области по коэффициенту локализации (LQ) и размеру занятости в 2021 г.

Группа	Виды деятельности
1. Отрасли специализации, важны для занятости	С (Обрабатывающие производства), G (Торговля оптовая и розничная), F (Строительство), М (Деятельность профессиональная, научная и техническая), J (Деятельность в области информации и связи)
2. Отрасли специализации, не важны для занятости	Е (Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений)
3. Отрасли не специализации, важны для занятости	О (Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение), Q (Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг), Р (Образование), Н (Транспортировка и хранение), D (Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха)
4. Отрасли не специализации, не важны для занятости	К (Деятельность финансовая и страховая), R (Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений), L (Деятельность по операциям с недвижимым имуществом), I (Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания), N (Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги), А (Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство), S (Предоставление прочих услуг)

Источник: составлено авторами на основе рассчитанных показателей.

ротом ОАО «РУМО»¹⁹. При этом разница между значениями показателей данного подраздела и следующими колоссальна (около двух единиц).

Так, среди подразделов, имеющих показатель LQ стабильно больше 1 в оба периода, почти все относятся к первой группе (табл. 2). Особо можно выделить «Производство бумаги и бумажных изделий» (1,12 на 2021 г.), «Производство химических веществ и химических продуктов» (1,12 на 2021 г.), «Производство резиновых и пластмас-

¹⁹ Официальный сайт СПАРК-Интерфакс. – URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения: 31.01.2024).

совых изделий» (1,07 на 2021 г.), «Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования» (1,53 на 2021 г.), «Производство мебели» (1,02 на 2021 г.) и «Производство прочих готовых изделий» (1,10 на 2021 г.).

Наиболее значительный рост с 2017 по 2021 г. заметен в трех отраслях. К ним относятся металлургия (с 0,84 до 1,21), производство компьютеров, электронных и оптических изделий (с 0,96 до 1,53) и производство табачных изделий (с 0,046 до 0,64).

Металлургическая отрасль Нижегородской области претендует на позиции флагманской. Выксунский металлургический завод, НПК «Специальная металлургия» – быстро развивающиеся компании на территории области. На базе крупных производственных предприятий металлургической отрасли и при участии учреждений среднего профессионального образования создаются научно-производственные кластеры, целью которых является обеспечение высококвалифицированными кадрами предприятий отрасли и ее полноценное развитие²⁰.

Скачок роста количества специалистов в отрасли производства компьютеров, электронных и оптических изделий связан с активной позицией правительства региона и реализацией государственных программ в сфере ИТ. Например, начал работу Региональный центр поддержки и координации отечественных цифровых технологий и разработчиков «Горький Тех», создаются и развиваются научно-образовательные центры (например, Нижегородский НОЦ)²¹.

Табачные компании Нижегородской области сильно выросли с 2017 г. Например, ООО «Премиум Табако», расположенное в Нижнем Новгороде, существенно увеличило долю на рынке. Его доходы выросли с 267 млн руб. в 2018 г. до 1 727 млн руб. в 2022 г., численность работников увеличилась с 70 до 259 чел. за указанный период.

Далее обратимся к результатам анализа структурных сдвигов в экономике региона. Показатели занятости Нижегородской области по всем отраслям экономической деятельности в национальном факторе имеют отрицательные значения. Это может говорить о том, что в 2021 г. по сравнению с 2017 г. число занятых в среднем по России

²⁰ См.: *Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года.* – URL: <https://clck.ru/37Mu7r> (дата обращения: 22.02.2023).

²¹ Там же.

сокращалось. Таким образом, можно было бы ожидать на региональном уровне отрицательные темпы экономического роста. В наибольшей степени были затронуты разделы «Обрабатывающие производства» (*NS*: -7 557,57), «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (*NS*: -5 352,59), «Образование» (*NS*: -3 255,10) и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (*NS*: -2 709,99).

Влияние региональных факторов на отрасли различно. Так, занятость в разделах «Деятельность в области информации и связи» (*IM*: 5 656,82), «Транспортировка и хранение» (*IM*: 5 022,99), «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (*IM*: 4 425,18) и «Деятельность административная и сопутствующие ей дополнительные услуги» (*IM*: 3 532,58) имела положительную динамику за счет региональных факторов. Наибольшее сокращение числа занятых под влиянием региональных факторов можно отметить в отраслях «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (*IM*: -6 138,90) и «Деятельность профессиональная, научная и техническая» (*IM*: -4 155,80).

Анализ локального сдвига показал положительную динамику в большинстве рассматриваемых отраслей (рис. 3). Благодаря местным конкурентным факторам в Нижегородской области в отрасли оптовой и розничной торговли, а также в отрасли обрабатывающих производств за анализируемый период было создано 10 251,29 и 5 535,07 дополнительных рабочих мест соответственно. Анализируя области специализации, выявленные ранее, к которым относятся разделы С («Обрабатывающие производства»), Е («Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений»), G («Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»), можно сказать, что во всех из них местные конкурентные факторы позволили создать дополнительные рабочие места. Стоит отметить, что в регионе реализуется система подготовки кадров для предприятий, которая включает в себя государственную программу «Развитие образования Нижегородской области» до 2035 года, региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного роста в Нижегородской об-

Конкурентоспособность региона через призму показателей региональной экономики
(на примере Нижегородской области)

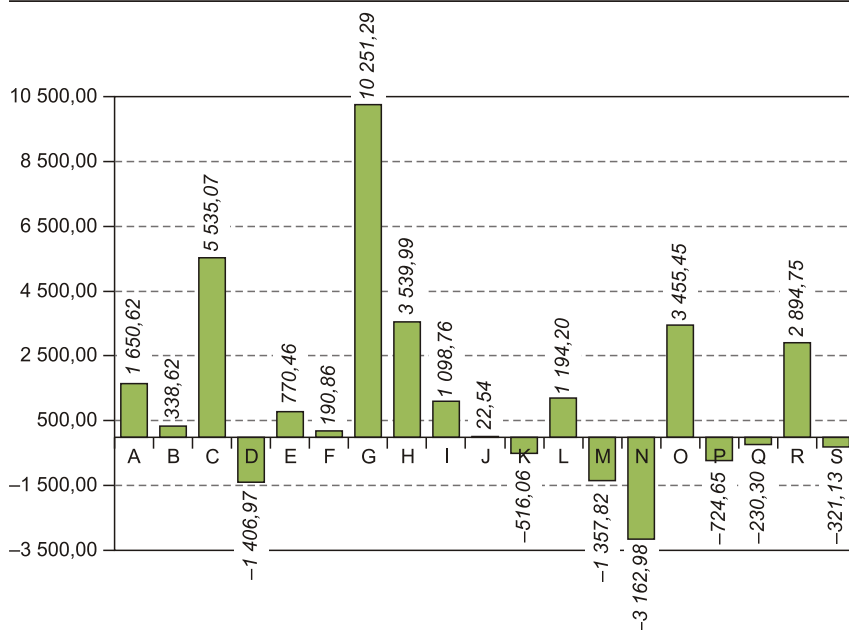

Рис. 3. Доля локальных (местных) факторов в росте занятости в Нижегородской области в 2017–2021 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС
(URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>)

ласти, а также федеральные проекты «Профессионалитет» и «Молодые профессионалы»²².

В рамках определения степени открытости экономики были рассчитаны три коэффициента: экспорта (вывоза), импорта (ввоза) и товарообмена. Коэффициент ввоза Нижегородской области превышает средний показатель по Приволжскому федеральному округу, разница в показателях каждый год незначительно увеличивается. Это связано с неодинаковыми объемами импорта в различных регионах округа, так как Нижегородская область по ряду экономических показателей является одним из лидеров среди всех субъектов, входящих в состав ПФО. При сравнении показателей региона со средними пока-

²² Инвестиционный портал Нижегородской области. – URL: <https://www.nn-invest.ru/ru/region/major-industries> (дата обращения: 04.02.2023).

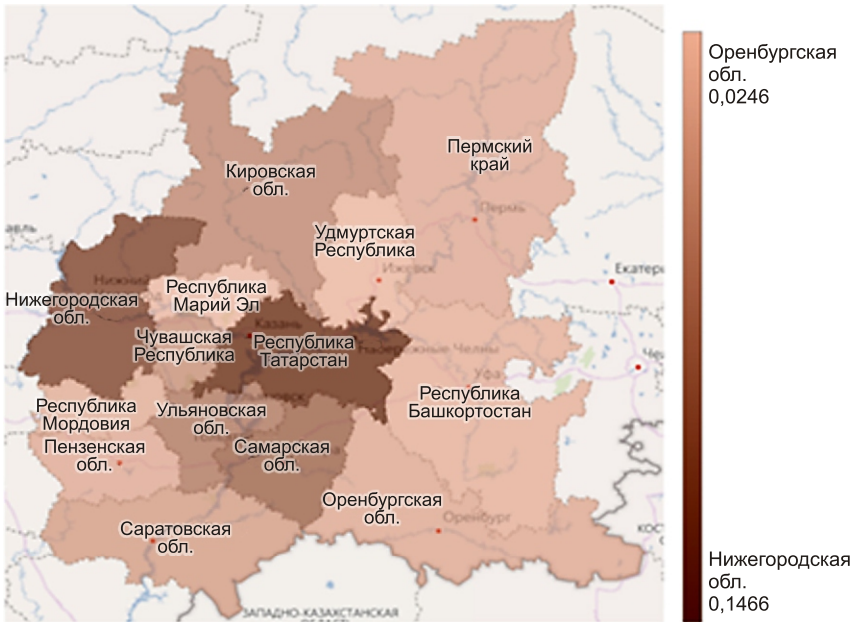

Рис. 4. Коэффициент ввоза в регионах Приволжского федерального округа в 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

зателями по РФ, наоборот, наблюдается отставание в значениях Нижегородской области. На рисунке 4 приведена карта Приволжского федерального округа, на которой с помощью различной интенсивности цвета демонстрируется величина коэффициента ввоза в его субъектах.

Наибольшая величина коэффициента ввоза в 2020 г. среди субъектов ПФО зафиксирована у Нижегородской области (0,1466), схожие значения только у Республики Татарстан (0,1160). Сумма импорта в Нижегородской области за 2020 г. составила 2,94 млрд долл. США (266,55 млрд руб.)²³, а ВРП – 1,587 млрд руб. Нижегородская область является регионом-лидером среди всех субъектов ПФО по

²³ Сайт Ru-Stat. Статистика внешней торговли. По данным ФТС России. – URL: <https://clck.ru/38ZAZQW> (дата обращения: 13.02.2023).

отношению импортируемой продукции к валовому региональному продукту. Этой позиции область достигла еще в 2018 г., опередив Республику Татарстан. К основным категориям импорта в регионе относятся машины, оборудование, аппаратура и продукция химической промышленности. Большая часть товаров по состоянию на 2020 г. ввозилась из Китая, Германии и Италии.

Далее обратимся к анализу вывозимой из региона продукции. Коэффициент вывоза Нижегородской области превышает средний показатель по ПФО в 2020 г. С 2019 по 2020 г. области удалось значительно увеличить свой экспорт (рис. 5).

Нижегородская область (0,2230) находится на третьем месте среди регионов ПФО по величине экспорта в 2020 г. после Республики

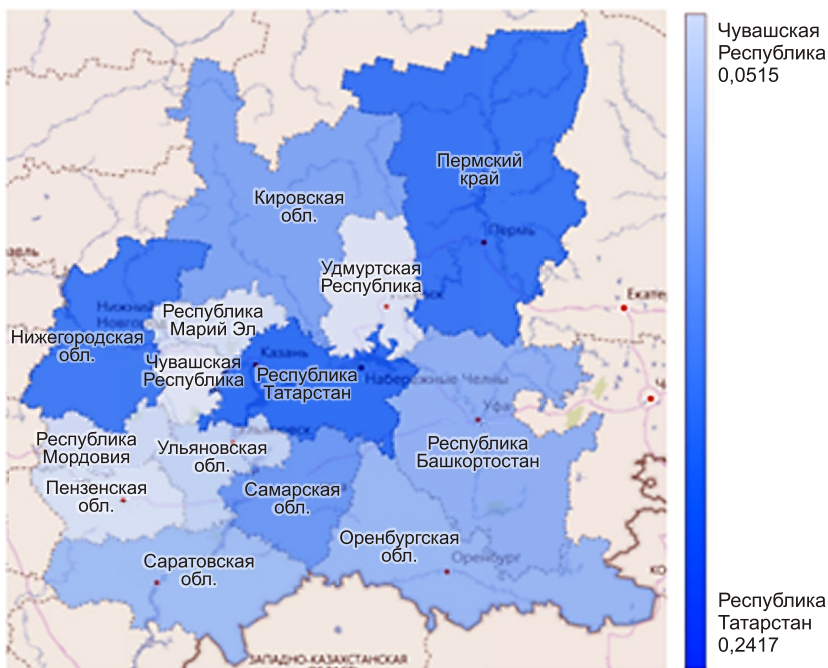

Рис. 5. Коэффициент вывоза в регионах Приволжского федерального округа в 2021 г.

Источник: составлено авторами по данным Росстата
(URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Татарстан и Пермского края. Сумма экспорта в Нижегородской области за 2020 г. составила 9 млрд долл. США (444,25 млрд руб.)²⁴. Отставание от лидеров незначительное, и производственные преимущества Нижегородской области в ряде отраслей экономики могут способствовать его сокращению. Наибольшую долю в экспорте составляют машины, оборудование и аппаратура (32,3%), что связано с тем, что производство автотранспортной техники относится к отраслям специализации области.

Наконец, проанализируем коэффициент внешнего товарообмена Нижегородской области. Показатели области ниже среднего уровня по стране, но в динамике разрыв сокращается. В то же время показатели Нижегородской области выше среднего уровня по ПФО, и этот разрыв увеличивается в пользу региона, что говорит о его преимуществах среди некоторых субъектов ПФО (рис. 6).

В Нижегородской области коэффициент внешнего товарооборота составил 0,3600, тем самым она стала лидером среди субъектов ПФО. В структуре товарооборота региона преобладают две категории: машины, оборудование и аппаратура (34%) и продукция химической промышленности (14%)²⁵.

В ходе анализа коэффициентов импорта, экспорта и внешнего товарообмена Нижегородской области была выявлена тенденция на повышение уровня открытости экономики региона. За прошедшие пять лет экономика области стала в большей степени обращаться к мировому рынку, причем как в рамках импорта продукции, так и в рамках экспорта. В числе явных преимуществ перехода от закрытого и замкнутого характера экономики к открытому можно выделить увеличение возможности привлечения в регион прямых иностранных инвестиций [19], а также рост товарообмена и спроса на продукцию извне [17], что особенно актуально в условиях экономического развития. По результатам анализа, Нижегородская область демонстрирует явные признаки быстрого и комплексного развития. Был зафиксирован значительный рост в нескольких отраслях про-

²⁴ Сайт Ru-Stat. Статистика внешней торговли. По данным ФТС России. – URL: <https://clck.ru/38ZAQW> (дата обращения: 13.02.2023).

²⁵ Там же.

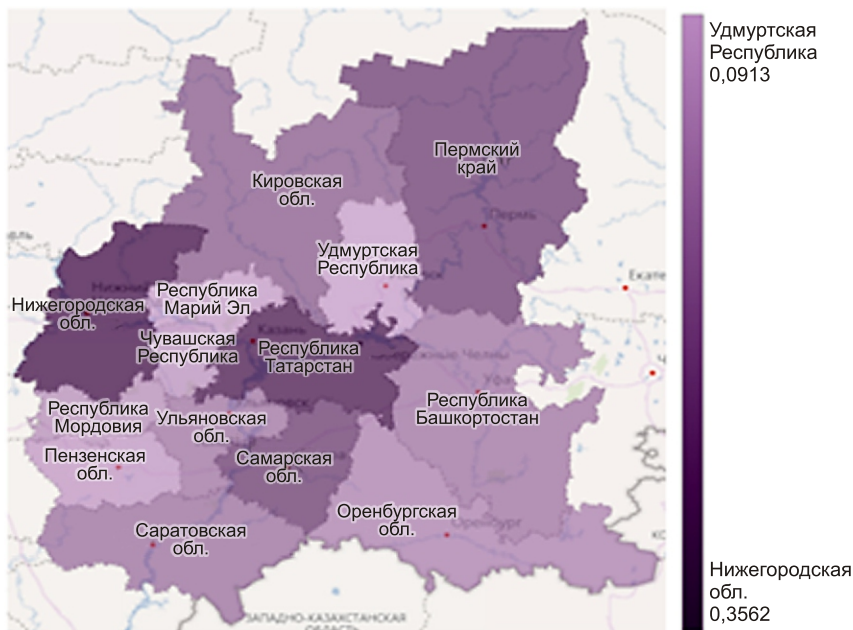

Рис. 6. Коэффициент внешнего товарообмена в регионах Приволжского федерального округа в 2021 г.

Источник: составлено авторами по данным Росстата
(URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

мышленности, особенно в отрасли обрабатывающей промышленности и ИТ-секторе.

При этом при высоких показателях открытости экономики Нижегородской области следует принять меры по снижению потенциальных негативных эффектов, возникающих в ситуации спада и экономического кризиса, таких как уменьшение внешнего спроса, падение товарооборота и стагнация производства. По этим причинам важно снижать зависимость Нижегородской области от поставляемой из других государств продукции и увеличивать собственную материально-техническую базу для создания качественной продукции в пределах региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом проведенный анализ подтвердил, что для оценки положения региона и его конкурентоспособности недостаточно системы рейтингов и необходимо комплексное исследование, позволяющее определить состояние региона.

На первом этапе исследования было рассмотрено положение Нижегородской области в нескольких рейтингах. С 2016 по 2022 г. во всех рейтингах область улучшила свои позиции среди субъектов РФ, однако динамика места региона среди субъектов Приволжского федерального округа неоднозначная. Полученные результаты говорят о неравномерном развитии области. Хотя рассчитанные рейтинги отражают результаты деятельности региональных властей, они не в полной мере отражают характеристики самого региона.

На следующем этапе была проведена комплексная оценка конкурентных преимуществ Нижегородской области. Коэффициент локализации за 2017 и 2021 гг. позволил отследить в динамике изменения в структуре экономики региона. В число отраслей постоянной специализации вошли обрабатывающие производства (в основном производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов), строительство, торговля оптовая и розничная, деятельность профессиональная, научная и техническая. Эти отрасли оказывают наибольшее воздействие на экономику Нижегородской области, поэтому для усиления конкурентоспособности региона им следует уделить первоочередное внимание. Однако снижение коэффициента локализации в сфере производства автотранспортных средств сигнализирует о проблеме в этой отрасли, а значит, она требует большего внимания со стороны региональных властей. В настоящее время количество банкротств и ликвидаций фирм может только увеличиться, так как значение коэффициента ввоза в регионе достаточно высокое. Большую долю в импорте составляет оборудование, которое используется именно в отрасли автомобилестроения, ввозимое преимущественно из Китая, Германии и Италии (на 2020 г.).

При анализе структурных сдвигов примечательным оказалось, что воздействие национальных факторов имеет исключительно отрицательный характер, а факторов локальных – положительный. При

этом в отраслях специализации, выявленных ранее, местные конкурентные факторы позволили создать дополнительные рабочие места.

В текущей стратегии развития Нижегородской области стоит цель сделать регион новым глобальным центром. Для этого в разделе об экономическом развитии в качестве приоритета обозначено повышение производительности реального сектора экономики. Однако для реализации этих целей выбираются секторы промышленности, которые уже являются отраслями специализации региона и уже в достаточной мере раскрыли свой потенциал, например сфера автомобилестроения. На наш взгляд, стоит сместить основной акцент на отрасли, еще мало представленные в регионе, но активно развивающиеся в последние годы, – информационные технологии (LQ : с 0,96 в 2017 г. до 1,57 в 2021 г.) и НИОКР. Эти отрасли находятся в стадии роста и обладают большим потенциалом развития.

В результате для усиления конкурентоспособности региона и максимального использования его конкурентных преимуществ стоит обратить внимание на значимые для его экономики отрасли и сократить зависимость экономики региона от зарубежных государств, в особенности для отраслей специализации. Помимо этого, необходимо направить силы на поиск сбалансированного подхода к развитию обрабатывающих производств, причем как доминантных с точки зрения занятости и количества производимой продукции, так и менее значимых на данный момент. В Нижегородской области есть ряд отраслей, которые имеют скрытый потенциал для развития, поскольку значение коэффициента специализации, основанное на величине занятости населения, растет медленными темпами. Безусловно, необходимо провести дополнительный анализ этих отраслей Нижегородской области, чтобы определить, возможно ли считать их перспективными в плане инвестирования и, соответственно, развития в регионе в будущем новых производственных кластеров.

Список источников

1. *Аракчеева О.В., Кривдина И.Ю.* Машиностроение как ведущая отрасль специализации Нижегородской области // *Успехи современного естествознания.* – 2021. – № 6 – С. 49–55.

2. *Барабанов А.С.* Анализ структурных сдвигов экономики региона // Проблемы развития территории. – 2012. – № 1. – С. 17–36.
3. *Белов А.И.* Показатели и факторы конкурентоспособности национальной экономики // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 204–211.
4. *Гешев А.В.* Конкурентоспособность региона как экономическое явление // Наука и современность. – 2013. – № 20. – С. 206–211.
5. *Гусаров В.С.* Формирование конкурентоспособности региона на современном этапе экономического развития Российской Федерации: На материалах Республики Коми: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2004. – 22 с.
6. *Дынкина А.А., Куренкова Ю.В.* Конкурентоспособность России в глобальной экономике. – М.: Международные отношения, 2003. – 376 с.
7. *Казанцев С.В.* Жизнеспособность субъектов Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 3–24. DOI: 10.15372/REG20210201.
8. *Калюжнова Н.Я.* Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации. – М.: ТЕИС, 2003. – 526 с.
9. *Каибразиев Р.В.* Открытость экономики как условие развития международной кооперации // Финансы: теория и практика. – 2015. – № 4 (88). – С. 122–131.
10. *Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А.* Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 65–89.
11. *Леонова Н.А.* Конкурентоспособность территории: понятие, факторы, оценка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 56–58.
12. *Лифиц И.М.* Конкурентоспособность товаров и услуг: Учеб. пособие для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 392 с.
13. *Нефедова Е.Е.* Формирование конкурентоспособности региона в переходной экономике: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2001. – 22 с.
14. *Павлова С.Ю.* Оценка конкурентоспособности отраслей региона на основе расчета показателей специализации // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 183–184.
15. *Региональная экономика и экономическая география: Учебник для вузов /* Под общ. ред. Л.Э. Лимонова; под ред. Н.Ю. Одинг, О.В. Русецкой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 377 с.
16. *Рубин Ю.Б.* Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции // Современная конкуренция. – 2010. – № 3. – С. 38–67.
17. *Садырtdинов Р.Р.* Анализ открытости экономики Республики Татарстан и ее зависимости от межрегионального и внешнеэкономического товарообмена // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 3. – С. 84–86.
18. *Смирнова А.А., Несиоловская Т.Н.* Конкурентоспособность региона: факторы и содержание // Теоретическая экономика. – 2022. – № 6 (90). – С. 130–142.
19. *Трофимов А.М., Рубцов В.А., Комарова В.Н., Рожко М.В.* Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность региона // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 3 (7). – С. 45–52.

20. Ушакова Е.О., Вдовин С.А. Анализ структурных сдвигов в экономике региона // Интерэкспо. Гео-Сибирь. – 2019. – № 1. – С. 262–267.

21. Форот Е.В. Факторы конкурентоспособности региона // Новые технологии. – 2013. – № 3. – С. 105–109.

22. Bergman E., Feser E. Industrial and regional clusters: Concepts and comparative applications // The Web Book of Regional Science / Ed. by S. Loveridge. – Morgantown, WV: West Virginia University, 1999.

23. Porter M.E. The economic performance of regions // Regional Studies. – 2003. – Vol. 37. – P. 549–578.

Информация об авторах

Яковлева Полина Эдуардовна (Россия, Санкт-Петербург) – старший преподаватель департамента государственного администрирования НИУ «Высшая школа экономики» (190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16). E-mail: ryakovleva@hse.ru.

Корнилова Юлия Сергеевна (Россия, Санкт-Петербург) – студентка 4-го курса Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ «Высшая школа экономики» (190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16). E-mail: yuskornilova@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240302

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 24–52

P.E. Iakovleva, Yu.S. Kornilova

REGIONAL COMPETITIVENESS THROUGH THE LENS OF REGIONAL ECONOMIC INDICATORS (Case Study of Nizhny Novgorod Oblast)

The article presents a comprehensive approach to assessing the level of regional competitiveness. It outlines the main concepts of competitiveness assessment, leading to an approach that involves the use of localization coefficients, the analysis of structural shifts, and the evaluation of the openness of the regional economy by calculating import, export, and commodity exchange coefficients. These methods help identify the region's advantages,

which can serve as a foundation for improving its economic condition, because with accurate characteristics of the regional economy and knowing its strengths and vulnerabilities, it is possible to draw up a more precise development scenario for the region. Nizhny Novgorod Oblast was chosen as a case study to test this approach. The integrated approach results have been compared with the economic position indicators of Nizhny Novgorod Oblast in several rankings. Consequently, this comprehensive analysis of the competitive advantages of one region in the Russian Federation enables the identification of its flagship industries and potential areas for development.

Keywords: regional competitiveness; regional potential; competitive advantages; regional specialization; regional economy

For citation: *Iakovleva, P.E. & Yu.S. Kornilova. (2024). Konkurentosposobnost regiona cherez prizmu pokazateley regionalnoy ekonomiki (na primere Nizhegorodskoy oblasti) [Regional competitiveness through the lens of regional economic indicators (case study of Nizhny Novgorod Oblast)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 24–52. DOI: 10.15372/REG20240302.*

References

1. *Arakcheeva, O.V. & I.Yu. Krivdina. (2021). Mashinostroenie kak vedushchaya otrasl spetsializatsii Nizhegorodskoy oblasti [Mechanical engineering as the leading branch of specialization of the Nizhny Novgorod region]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences], 6, 49–55.*
2. *Barabanov, A.S. (2012). Analiz strukturnykh sdvigoov ekonomiki regiona [Analysis of the structural changes in the regional economy]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development], 1, 17–36.*
3. *Belov, A.I. (2011). Pokazатели i faktory konkurentosposobnosti natsionalnoy ekonomiki [Indicators and factors of competitiveness of national economy]. Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo [Proceedings of Penza State University named after V.G. Belinsky], 24, 204–211.*
4. *Geshev, A.V. (2013). Konkurentosposobnost regiona kak ekonomicheskoe yavlenie [Region competitiveness as an economic phenomenon]. Nauka i sovremennost [Science and Modernity], 20, 206–211.*
5. *Gusarov, V.S. (2004). Formirovanie konkurentosposobnosti regiona na sovremennom etape ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Na materialakh Respubliki Komi: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk [Formation of Regional Competitiveness at the Current Stage of Economic Development of the Russian Federation: Based*

on Materials from the Komi Republic. Author's abstract for the Candidate of Economics Thesis], Moscow, 22.

6. *Dynkina, A.A. & Yu.V. Kurenkova.* (2003). Konkurentosposobnost Rossii v globalnoy ekonomike [Russia's Competitiveness in the Global Economy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 376.

7. *Kazantsev, S.V.* (2021). Zhiznesposobnost subyektov Rossiyskoy Federatsii [Viability of the constituent entities of the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 3–24. DOI: 10.15372/REG20210201.

8. *Kalyuzhnova, N.Ya.* (2003). Konkurentosposobnost regionov v usloviyakh globalizatsii [Competitiveness of Regions in the Context of Globalization]. Moscow, TEIS Publ., 526.

9. *Kashbraziev, R.V.* (2015). Otkrytost ekonomiki kak uslovie razvitiya mezhdunarodnoy kooperatsii [Openness of the economy as a condition for international cooperation development]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice], 4 (88), 122–131.

10. *Kutsenko, E.S., V.L. Abashkin & E.A. Islankina.* (2019). Fokusirovka regionalnoy promyshlennoy politiki cherez otraslevuyu spetsializatsiyu [Focusing regional industrial policy via sectorial specialization]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 5, 65–89.

11. *Leonova, N.A.* (2006). Konkurentosposobnost territorii: ponyatie, faktory, otsenka [Competitiveness of territories: Concept, factors, assessment]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 5, 56–58.

12. *Lifits, I.M.* (2019). Konkurentosposobnost tovarov i uslug: Ucheb. posobie dlya vuzov [Competitiveness of Goods and Services. Manual for Universities]. 4th ed., rev. and add. Moscow, Urait Publ., 392.

13. *Nefedova, E.E.* (2001). Formirovanie konkurentosposobnosti regiona v perekhodnoy ekonomike: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk [Formation of Regional Competitiveness in a Transitional Economy. Author's abstract for the Candidate of Economics thesis], Saratov, 22.

14. *Pavlova, S.Yu.* (2014). Otsenka konkurentosposobnosti otrasley regiona na osnove rascheta pokazateley spetsializatsii [Assessment of the competitiveness of industries in the region based on the calculation of the indicators of specialization]. Vestnik ChGU [Bulletin of the Chuvash University], 3, 183–184.

15. *Limonov, L.E., N.Yu. Odintsov, O.V. Rusetskaya* (Eds.) et al. (2023). Regionalnaya ekonomika i ekonomicheskaya geografiya: uchebnik dlya vuzov [Regional Economics and Economic Geography: Textbook for universities]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Urait Publ., 377.

16. *Rubin, Yu.B.* (2010). Diskussionnye voprosy sovremennoy teorii konkurentsii [Discussion questions of modern competition theory]. Sovremennaya konkurentsia [Journal of Modern Competition], 3, 38–67.

17. *Sadyrtdinov, R.R.* (2013). Analiz otkrytosti ekonomiki Respubliki Tatarstan i ee zavisimosti ot mezhregionalnogo i vneshneekonomicheskogo tovaroobmena [The Analysis of Economic Openness of the Republic of Tatarstan and Its Dependence on Trans-Regional and External Exchange of Goods]. *VEPS [The Review of Economy, the Law and Sociology]*, 3, 84–86.

18. *Smirnova, A.A. & T.N. Nesiolovskaya.* (2022). Konkurentosposobnost regiona: faktory i sodержanie [Competitiveness of the region: Factors and content]. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics]*, 6 (90), 130–142.

19. *Trofimov, A.M., V.A. Rubtsov, V.N. Komarova & M.V. Rozhko.* (2008). Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye i konkurentosposobnost regiona [Social-economic development and competitiveness of a region]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava [Russian Journal of Economics and Law]*, 3 (7), 45–52.

20. *Ushakova, E.O. & S.A. Vdovin.* (2019). Analiz strukturnykh sdvigoov v ekonomike regiona [Problems of use of recreational potential of the Siberian Federal District on the example of Western Siberia]. *Interkspo Geo-Sibir [Interexpo Geo-Siberia]*, 1, 262–267.

21. *Forost, E.V.* (2013). Faktory konkurentosposobnosti regiona [Competitive factors of the region]. *Novye tekhnologii [New Technologies]*, 3, 105–109.

22. *Bergman, E., E. Feser & S. Loveridge* (Ed.). (1999). Industrial and regional clusters: concepts and comparative applications. *The Web Book of Regional Science*. Morgantown, WV, West Virginia University.

23. *Porter, M.E.* (2003). The economic performance of regions. *Regional Studies*, 37, 549–578.

About Authors

Iakovleva, Polina Eduardovna (Saint Petersburg, Russia) – Senior Lecturer at the Department of Public Administration, National Research University Higher School of Economics (16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia). E-mail: pyakovleva@hse.ru.

Kornilova, Yulia Sergeevna (Saint Petersburg, Russia) – bachelor student at the Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, National Research University Higher School of Economics (16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia). E-mail: yuskornilova@gmail.com.

Поступила в редколлегию 08.02.2024.

После доработки 16.05.2024.

Принята к публикации 22.05.2024.

© Яковлева П.Э., Корнилова Ю.С., 2024

М.Е. Маркин, В.А. Вишнякова

УСЛОВИЯ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В САРАНСКЕ ДО И ПОСЛЕ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 ГОДА

В статье поднимается вопрос о том, как проведение крупного спортивного состязания в относительно небольшом региональном центре меняет деловую среду для локального бизнеса. Эмпирическим примером выступает Саранск, который в 2018 г. стал одним из городов – организаторов чемпионата мира по футболу. Метод исследования заключается в статистическом анализе и контент-анализе углубленных интервью. Проведение этого спортивного мегасобытия привело к значительным инфраструктурным трансформациям территории, изменению правил ведения бизнеса и формированию конкурентной ситуации на местных рынках. Исследовательские интервью с предпринимателями и статистические данные демонстрируют, что сферам туризма, размещения и общественного питания удалось получить выгоду от визита многочисленных иностранных гостей. В то же время долгосрочные перспективы можно связать скорее с развитием внутреннего туризма, нежели с соответствующими потоками из-за рубежа. К наследию чемпионата мира по футболу относятся не только спортивные и прочие инфраструктурные объекты, но и ужесточение конкурентной среды для локального бизнеса. Особенно ярко это проявляется в сферах размещения и розничной торговли. В них местные предприниматели в последние годы вынуждены конкурировать и с федеральными, и с зарубежными компаниями, многие из которых вышли на рынки Мордовии в преддверии проведения в Саранске рассматриваемого спортивного мегасобытия.

Ключевые слова: инфраструктура; институты; деловой климат; конкуренция; туристический бизнес; гостиничный бизнес; общественное питание; розничная торговля; спортивные мегасобытия

Для цитирования: *Маркин М.Е., Вишнякова В.А.* Условия для ведения бизнеса в Саранске до и после чемпионата мира по футболу 2018 года // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 53–74. DOI: 10.15372/REG20240303.

ВВЕДЕНИЕ: КТО МОЖЕТ ЗАРАБОТАТЬ НА СПОРТИВНОМ МЕГАСОБЫТИИ?

Крупные спортивные состязания находятся в фокусе внимания не только профессиональных спортсменов и болельщиков. Их организация и проведение влекут за собой значительные социально-экономические трансформации территории. В современной научной литературе активно используется термин «мегасобытие» (в том числе применительно к области спорта), который позволяет подчеркнуть масштаб соответствующего влияния. При этом речь идет об изменениях в народном хозяйстве, в повседневной жизни горожан, в их идентичности, в образе (имидже) места в глазах жителей других регионов и стран [17].

Считается, что проведение крупного состязания является источником значительных финансовых потоков в экономику города-организатора, мощным импульсом для экономического развития региона [16]. Это связано со строительством спортивных и инфраструктурных объектов, необходимых для приема гостей соревнования. Однако более глубокий анализ эффектов от проведения конкретных мегасобытий демонстрирует достаточно слабую связь между организацией таких мероприятий и экономическими изменениями [14]. Это объясняется тем, что массовые состязания не только сообщают новые импульсы экономике региона, но и дополняют и даже вытесняют существующие хозяйственные практики. Например, посещение спортивного мегасобытия, как правило, заменяет иные досуговые активности местного населения (походы в кино, боулинг и т.п.). Гости региона могут приехать во время проведения состязания потому, что эта поездка планировалась и ранее, просто принято решение ее совместить с интересным мероприятием, или они по иным причинам должны быть в городе в данный период. Наконец, кого-то спортивные мегасобытия привлекают, а кого-то отпугивают и вынуждают сни-

жать свою экономическую активность (например, сократить посещение театров, кафе и т.д.) во время организации турнира в их городе [1]. Иными словами, эти эффекты вытеснения и замещения приводят к тому, что экономическая отдача от проведения массовых состязаний невелика или полностью отсутствует.

До сих пор мы оценивали целесообразность организации спортивного мегасобытия в среднем. Но в каждом регионе есть разные заинтересованные группы, и на каждую из них проведение состязания может оказывать особое влияние. Исследования показывают, что в выигрышном положении обычно находятся гостиницы и отели, кафе и рестораны, розничная торговля продуктами питания. Напротив, объекты культуры и отдыха, а также организаторы развлекательных мероприятий, как правило, страдают [15].

Данная работа посвящена подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу в Саранске летом 2018 г. Как любое спортивное мегасобытие, этот массовый турнир предполагает большие затраты и инвестиции в экономику города-организатора. С одной стороны, чемпионат должен был позволить местному бизнесу дополнительно заработать. Но с другой стороны, оставалось неизвестным, окупятся ли вложения с учетом скоротечности проведения этого спортивного состязания. Таким образом, цель исследования заключается в оценке условий для ведения бизнеса в Саранске до и после мундиала. Методами работы послужили статистический анализ и контент-анализ углубленных интервью с местными предпринимателями, самозанятыми и сотрудниками городской администрации. Предмет исследования – институциональные условия и конкурентная среда для ведения бизнеса участниками различных рынков.

Кейс столицы Мордовии представляет для исследователей повышенный интерес. Обычно организаторами массовых мегасобытий выступают крупные города. Их жители давно привыкли к большому количеству гостей [3], а локальный бизнес прочно занял отведенную ему рыночную нишу. В Саранске регулярно проводятся спортивные состязания, однако массовых спортивных и иных мероприятий, подобных чемпионату мира по футболу, в нем не было ни до, ни после 2018 г. Тем не менее исследователи сходятся во мнении, что про-

ведение таких мегасобытий положительно сказывается на продвижении бренда города за его пределами. Получившее известность место становится точкой притяжения туристов, особенно если целенаправленно развивать соответствующие направления досуга и отдыха [2]. Наш анализ институциональных условий и конкурентной среды в региональном центре, каковым является Саранск, вносит свой скромный вклад в изучение социально-экономических трансформаций, вызванных организацией мундиала и подобных ему мегасобытий за пределами крупных городов.

ИСТОЧНИКИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Представленный экономико-социологический анализ опирается на разнородные источники данных, которые содержательно дополняют друг друга.

Во-первых, речь идет о 17 исследовательских интервью, собранных в Саранске в июле 2018 г., т.е. во время проведения чемпионата. В числе информантов представители местного среднего и малого бизнеса, индивидуальные предприниматели и самозанятые, а также сотрудники администрации Саранска. Бизнесмены работают в различных сферах экономической деятельности (строительство, продажа коммерческой недвижимости, наружная реклама, размещение гостей, реализация сувенирной продукции, общественное питание, производство продуктов питания и розничная торговля, организация перевозок). Сотрудники городской администрации занимают ответственные должности в профильных департаментах. Для получения разнородных мнений информанты отбирались методом «снежного кома» с несколькими точками входа. Речь идет об официальном запросе в городскую администрацию, использовании социальных связей руководителей и участников исследовательского коллектива, непосредственном обращении в коммерческие организации. В целях обеспечения конфиденциальности персональных данных характеристики информантов указаны в обезличенной форме (табл. 1).

Собранные исследовательские интервью отражают взгляд представителей локального бизнеса и местных органов власти. Ин-

Таблица 1

Характеристики информантов

Номер п/п	Сфера деятельности	Размер/форма бизнеса	Примечания
1	Строительство	Средний бизнес	Член деловой ассоциации
2	Продажа и сдача в аренду коммерческой недвижимости	Малый бизнес	–
3	Наружная реклама	Индивидуальное предпринимательство	–
4	Средства размещения	Индивидуальное предпринимательство	Одна гостиница
5	Продажа сувенирной продукции	Индивидуальное предпринимательство	Одна торговая точка
6	Общественное питание	Индивидуальное предпринимательство	Одно кафе
7	Общественное питание	Индивидуальное предпринимательство	Одна кофейня
8	Общественное питание	Индивидуальное предпринимательство	Сеть кофеен
9	Розничная торговля продуктами питания	Индивидуальное предпринимательство	Сеть торговых точек по продаже прохладительных напитков
10	Розничная торговля продуктами питания	Индивидуальное предпринимательство	Один магазин
11	Производство продуктов питания	Малый бизнес	–
12	Организация перевозок	Индивидуальное предпринимательство	Одна машина такси
13	Организация перевозок	Самозанятость	Одна машина такси
14	Профильные департаменты администрации	–	–
15			
16			
17			

Источник: составлено авторами.

тервьюирование не проводилось с сотрудниками международных и федеральных компаний, а также с региональными чиновниками. Это ограничение учитывается при интерпретации полученных результатов.

Во-вторых, количественный анализ осуществляется на данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Если в исследовательских интервью информанты давали оценки текущей (по состоянию на 2018 г.) ситуации и высказывали свои предположения о перспективах, то статистика позволяет отследить фактическую динамику. Нами берутся четырехлетние периоды до и после проведения чемпионата, что дает возможность говорить не только о краткосрочных, но и о среднесрочных изменениях. Иными словами, речь идет о статистических данных за 2014–2022 гг. по ключевым рассматриваемым сферам, прежде всего по туристическому и гостиничному бизнесу, общественному питанию и розничной торговле.

САРАНСКИЙ РЫНОК НАКАНУНЕ ЧЕМПИОНАТА: НИЗКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ И БЛАГОПРИЯТНЫЙ ДЕЛОВОЙ КЛИМАТ

Для описания результатов нашего исследования воспользуемся достаточно конвенциональной структурой рассмотрения организации и проведения спортивного мегасобытия, которая предполагает разделение этого процесса на три этапа [6; 7]. Во-первых, речь идет об условной «нулевой фазе», т.е. о ситуации, сложившейся накануне изучаемого мероприятия. Во-вторых, рассматривается непосредственный процесс организации и проведения самого состязания в интересующем исследователей контексте. Наконец, в-третьих, анализ фокусируется на последствиях спортивного мегасобытия для города-организатора, на его наследии.

Республика Мордовия в целом и ее столица Саранск в частности подходят к проведению чемпионата с относительно слабо развитой сферой услуг. Проиллюстрируем этот тезис на примере общественного питания: *«Маленький город, мало людей, которые в принципе ходят в кафе и рестораны. Обычно [горожане] завтракают дома,*

а обеды носят с собой на работу. Или, для того чтобы пообедать, люди ездят или ходят пешком домой, так как работа и дом находятся на небольшом расстоянии друг от друга» (владелец кофейни, 2018 г.).

Действительно, Саранск сложно отнести к мегаполисам, а практика питания вне дома, как правило, присуща именно большим городам. В них рестораны, кафе и кофейни играют важную роль, становятся «третьим местом» в дополнение к местам проживания и работы [9]. Статистические данные подтверждают эти качественные выводы. Так, в 2014–2022 гг. оборот общественного питания на душу населения в Мордовии устойчиво ниже не только среднероссийских показателей, но и данных в среднем по Приволжскому федеральному округу (табл. 2).

Для местных предпринимателей такая ситуация носила амбивалентный характер. С одной стороны, низкий спрос на услуги общественного питания сдерживал развитие соответствующего предложе-

Таблица 2

Оборот общественного питания на душу населения, тыс. руб.

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	3,5	7,3	8,4
2015	4,3	7,4	8,9
2016	4,8	7,3	9,2
2017	5,3	7,7	9,8
2018	6,3	8,2	11,5
2019	6,3	8,8	12,4
2020	4,9	6,8	9,9
2021	5,7	8,5	13,2
2022	7,1	10,4	16,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

ния. Но с другой стороны, и конкурентная среда на таком рынке значительно менее агрессивная, чем в уже поделенных нишах: *«Здесь ничего не было. Ничего. Сфера услуг только развивается. Например, еще четыре года назад рынок “кофе с собой” был совсем не развит. В регионе [Мордовии] ничего не было, поэтому и начать свой бизнес было легче [по сравнению с другими регионами]. Но и покупательная способность у людей низкая»* (владелец сети кофеен, 2018 г.).

Таким образом, локальный бизнес развивался медленно, однако и без жесткой борьбы с конкурентами. Предпринимательские стратегии заключались в освоении разных рыночных ниш, и организационные популяции не находились в состоянии прямого конфликта друг с другом [8]. Кроме того, деловой климат в целом можно было охарактеризовать как достаточно благоприятный для ведения бизнеса. Региональные власти демонстрировали готовность к поддержке инвестиционной активности, продвигали федеральные и реализовывали собственные программы: *«На общероссийском фоне условия для развития бизнеса в Саранске лучше, чем в среднем [по стране]. Мордовия – один из лучших [регионов] по поддержке со стороны государства. Программы по развитию бизнеса работают. Поддержка инвесторов ощущается. Есть диалог между государством и бизнесом, связь налажена»* (владелец среднего бизнеса в сфере строительства, 2018 г.).

Аналогичный взгляд был и у администрации Саранска. Иными словами, стремление к сотрудничеству демонстрировали обе стороны взаимодействия: *«Я точно знаю, что наши бизнес в наше [региональное] министерство экономики дверь ногой открывает. Про ногу шучу, конечно. Но диалог у них выстроен очень хорошо. Всегда примут, обсудят. И региональных программ [поддержки предпринимательства] много»* (сотрудник администрации Саранска, 2018 г.).

В результате к старту мероприятий по организации и проведению чемпионата столица Мордовии подошла с относительно низкой насыщенностью локальных рынков и достаточно благоприятным деловым климатом для ведения бизнеса в регионе.

ЭКОНОМИКА САРАНСКА ВО ВРЕМЯ ЧЕМПИОНАТА: РОСТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО ГРАНИЦЫ

Уже на этапе подготовки мундиали в Мордовии начинается устойчивый рост оборота общественного питания, что может косвенно свидетельствовать об активизации всей экономики, особенно сферы услуг. Как видно из табл. 3, если в 2014 г. соответствующий показатель по региону был на уровне среднероссийских значений, то в период с 2015 по 2017 г. он их превышает (а в сравнении со значениями по Приволжскому федеральному округу такое превышение сохраняется и в 2018 г.).

Несмотря на столь благоприятный тренд, участники рынка понимали его относительную краткосрочность. Подготовка чемпионата стимулирует развитие рассматриваемой сферы, но после пика во время проведения этого спортивного мегасобытия можно ожидать спад.

Таблица 3

Оборот общественного питания, % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	103,7	97,7	101,7
2015	111,9	89,8	95,0
2016	103,6	94,1	97,1
2017	106,6	102,3	103,2
2018	111,2	103,3	114,9
2019	95,3	102,2	104,9
2020	76,4	76,0	77,6
2021	112,0	116,7	126,8
2022	107,8	106,9	107,6

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Статистические данные свидетельствуют, что в Мордовии он начался уже в 2019 г., т.е. до пандемии коронавируса (см. табл. 3). Это говорит скорее о внешней природе роста спроса на рынке общественного питания, нежели об изменении паттернов потребления у местных жителей. Иными словами, значительный вклад в увеличение рассматриваемого показателя внесли гости мундиаля.

Принимая решения о формах и масштабах инвестиций в свое дело, участники рынка учитывали горизонт извлечения выгод: *«Принципиально сильно в области общепита никто не расширяться. Все прекрасно понимали, что делать что-то грандиозное из-за четырех дней чемпионата смысла нет. Кто-то делал дополнительные веранды, но не более того»* (владелец кафе, 2018 г.).

Таким образом, речь идет о развитии скорее вглубь, нежеливширь. Масштабирование бизнеса возможно тогда, когда можно ожидать долгосрочного роста спроса, а оснований для таких предположений у местных предпринимателей не было. Для некоторых сфер услуг речь в прямом смысле слова шла о считанных днях, в которые появлялись перспективы для повышенного заработка: *«Много людей, много заказов. И в другие города заказы были. Конечно, заработали, особенно в дни матчей. Но две недели прошли, и все как раньше»* (самозанятый таксист, 2018 г.).

Как и ожидалось, значительно увеличить свои продажи удалось туристическому бизнесу. В 2018 г. число турпакетов, реализованных гражданам России по территории страны, в Мордовии выросло более чем в 2,1 раза по сравнению с предыдущим годом. Профильный бизнес сумел воспользоваться всплеском спроса и продать значительно больше своих услуг. Отметим, что, во-первых, показатели Мордовии значительно выше как средних значений по Приволжскому федеральному округу, так и среднероссийских значений, а во-вторых, региону удалось сохранить достигнутый результат по количеству проданных туристических пакетов и в 2019 г., и только пандемия коронавируса привела к сокращению их количества (табл. 4). Конечно, имеющиеся статистические данные не позволяют определить, какую долю среди покупателей составляют гости республики. Однако нет оснований считать, что рост числа туристических пакетов,

Таблица 4

Число туристических пакетов, реализованных гражданам России по территории страны, % к предыдущему году

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	92,2	107,9	102,3
2015	87,3	115,1	134,2
2016	171,1	109,4	114,9
2017	69,4	91,7	101,6
2018	217,6	106,5	105,3
2019	111,5	103,1	129,1
2020	29,4	71,0	99,2
2021	139,4	150,6	136,4
2022	129,5	131,4	106,2

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

реализованных гражданам России по территории страны, обусловлен исключительно повышенным спросом со стороны местных жителей. В любом случае для профильного бизнеса 2018 г. стал успешным в привлечении клиентов.

Гостиничный бизнес тоже столкнулся с ростом спроса на свои услуги. Если до 2017 г. число размещенных гостей – граждан России лишь несколько увеличивалось, то канун мундиала значительно изменил этот показатель. В трехлетнем периоде спрос на гостиничные услуги в Мордовии в основном демонстрировал более ускоренную положительную динамику, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу и стране в целом. Только в 2020 г. пандемия коронавируса переломила этот тренд (табл. 5).

Так как участниками и гостями чемпионата были не только российские, но и зарубежные граждане, саранским отелям пришлось осваивать относительно новую для себя работу – массовое разме-

Таблица 5

Число граждан России, размещенных в коллективных средствах размещения, % к предыдущему году

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	103,4	97,5	103,8
2015	103,9	118,7	129,2
2016	100,9	105,7	110,7
2017	114,3	111,3	110,7
2018	111,0	106,2	113,8
2019	116,1	108,9	107,0
2020	55,2	66,2	69,4
2021	159,2	151,0	140,7
2022	114,7	111,1	110,5

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

щение иностранцев. Сложности у гостиниц возникали не только с уровнем владения их сотрудниками английским языком, но и, на первый взгляд, в не самых ожидаемых аспектах: *«Такого количества народа мы никогда [прежде] не видели. Не хватило еще одной игры в Саранске, так как первые две игры никто не понимал, как построить работу, к двум последним играм уже приспособились, а потом все уже закончилось. Например, не знали, сколько едят представители других стран. Вот перуанцы едят много, нужно открываться с раннего утра»* (владелец гостиницы, 2018 г.).

Статистические данные подтверждают, что гостиничному бизнесу действительно нужно было адаптироваться к приему большого количества иностранцев. Если и до, и после 2018 г. в Мордовии в среднем динамика размещения зарубежных гостей сопоставима с общероссийским трендом и соответствующим показателем для Приволжского федерального округа, то мундиаль дал годовой прирост более чем в 3,7 раза (табл. 6).

Таблица 6

Число иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, % к предыдущему году

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	92,2	97,5	103,7
2015	114,0	136,8	122,1
2016	121,3	75,1	108,3
2017	79,7	115,1	131,8
2018	374,7	157,3	132,2
2019	35,9	81,6	102,3
2020	39,3	28,5	19,9
2021	117,8	144,9	134,1
2022	126,3	127,8	95,5

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Таким образом, не только жители Саранска столкнулись с невиданным ранее количеством иностранцев, в том числе и из достаточно экзотических стран [3], но также и туристический, и гостиничный бизнес, и сфера общественного питания оказали зарубежным гостям большое количество услуг, параллельно решая возникающие перед ними организационные вопросы.

Ожидаемый рост спроса привел к увеличению деловой активности как действующих предпринимателей, так и потенциальных участников саранского рынка. Ярким примером региональной экспансии стала розничная торговля: за несколько лет до проведения чемпионата началось активное вхождение в Мордовию международных и федеральных торговых сетей. Как показывает история, такая региональная экспансия приводит к тому, что между различными организационными формами возникает острая конкурентная борьба [10]. Каких-то участников рынка она ставит на грань выживания:

«Под чемпионат зашли [международные и федеральные российские торговые] сети. [Они] демпингуют по ценам, поэтому, например, многие строительные магазины закрылись. Все стало жестче» (владелец среднего бизнеса в сфере строительства, 2018 г.).

В розничной торговле Мордовии переломным становится 2016 г., после которого доля торговых сетей начинает превышать среднероссийский уровень и соответствующее значение для Приволжского федерального округа. Современные организационные формы устойчиво вытесняют конкурентов, реализуя свои преимущества в «естественном отборе» участников рынка [13]. В Мордовии с 2014 по 2018 г. доля оборота торговых сетей в общем объеме розничной торговли выросла более чем в 1,7 раза (табл. 7).

Ужесточение конкурентной ситуации ощущается не только в розничной торговле, но и, например, в гостиничном бизнесе. На этапе подготовки к проведению чемпионата в Саранске открываются новые крупные отели, в том числе международных компаний. Относительно

Таблица 7

Доля оборота розничной торговли розничных торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли, %

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	20,3	22,3	22,9
2015	22,7	23,5	25,0
2016	26,9	26,3	27,5
2017	33,5	29,0	30,7
2018	35,7	31,5	32,7
2019	35,0	32,6	34,2
2020	42,5	37,6	38,6
2021	40,7	38,3	38,7
2022	41,9	39,3	39,7

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Таблица 8

Число коллективных средств размещения, % к предыдущему году

Год	Республика Мордовия	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
2014	93,9	108,9	106,9
2015	130,4	116,3	129,2
2016	100,0	93,9	102,0
2017	116,7	130,1	123,2
2018	121,4	104,3	111,0
2019	92,9	100,8	100,8
2020	91,1	100,3	96,6
2021	116,7	100,7	106,0
2022	98,8	103,3	102,0

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

старым гостиницам, которые смогли в преддверии мундиала сделать лишь косметический ремонт, приходится бороться за своего клиента в изменившихся условиях. Как и ожидалось, компании, инвестировавшие в Саранск большие средства, не покинули его рынок после окончания спортивного мегасобытия. В то же время общее количество гостиниц в Мордовии начало сокращаться уже в 2019 г. (табл. 8), и это произошло, несмотря на продолжавшийся рост числа постояльцев, о чем говорилось выше. Конкурентная среда стала более суровой, хотя и увеличился спрос.

НАСЛЕДИЕ ЧЕМПИОНАТА: ИНФРАСТРУКТУРНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА В САРАНСКЕ

Выше мы уже писали, что деловой климат в Мордовии можно охарактеризовать как благоприятный для локального бизнеса. Выбор Саранска в качестве города – организатора чемпионата мира по фут-

болу открыл для местных предпринимателей новые возможности для дополнительного заработка. Тем не менее архитектура любого рынка предполагает наличие ведущих участников, у которых больше различных ресурсов для реализации своих интересов [11; 12]. Организация и проведение чемпионата – это прежде всего федеральный, а не региональный проект, и потому инфраструктурные и прочие объекты готовили многочисленные компании, а их география не ограничивалась Мордовией: *«В основном все заработали на стройках к чемпионату: мосты, развязки, дороги, стадион, аэропорт... Хотя строили не только саранские компании, но и казанцы в том числе. Появились новые молодые предприниматели 30–35 лет. Саранские компании поставляли кабель, электрику. Деньги пришли. Открывали производства специально под контракт, чтобы на финальной стадии исполнения контракта выйти в плюс. Это выгодно»* (владелец среднего бизнеса в сфере строительства, 2018 г.).

Таким образом, институциональные условия, т.е. формальные и неформальные правила «игры», а также механизмы поддержания этих правил [4; 5] были выстроены так, что и федеральные, и региональные участники рынка смогли найти свою нишу при подготовке рассматриваемого спортивного мегасобытия. Безусловно, эту картину не стоит идеализировать, но определенные возможности для локального бизнеса существовали, и саранские предприниматели ими воспользовались.

В наследие чемпионат оставляет как новый стадион, отремонтированный аэропорт, построенные дорожные развязки, электростанцию и прочие инфраструктурные объекты, так и задачу продолжать бизнес в изменившейся деловой среде. Одним из ключевых направлений для развития Саранска местные предприниматели видят систематическую генерацию туристического трафика, при этом привлечение иностранных гостей не рассматривается ими в качестве реалистичного сценария: *«Сувениров с символикой чемпионата [осталось] много. А вот с Саранском почти нет. Если честно, этого мы не ожидали. Про Саранск теперь узнали не только в России, но и на другом конце света. Правда, вернутся ли иностранцы... Хотелось бы, чтобы хотя бы [гости] из Москвы и Питера почаще приезжали,*

а не только из соседних областей» (владелец торговой точки по продаже сувенирной продукции, 2018 г.).

Иными словами, как минимум среднесрочные перспективы предполагают работу локального бизнеса с российскими туристами, которые узнали про столицу Мордовии и, возможно, помогут местным жителям монетизировать возникший бренд города. Организация и проведение зрелищных спортивных состязаний также будут способствовать генерации гостевого трафика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЗАРАБОТОК НА ВСПЛЕСКЕ СПРОСА И НОВАЯ ДЕЛОВАЯ СРЕДА

В начале статьи мы поставили вопрос о том, какие краткосрочные и среднесрочные последствия имеет проведение чемпионата мира по футболу в Саранске в 2018 г. Анализ исследовательских интервью и статистических данных показывает, что на этапе организации этого спортивного мегасобытия институциональные условия, созданные государством, позволили внести свой вклад в строительство инфраструктурных и прочих объектов не только международным и федеральным, но также региональным компаниям. Как и ожидалось, местные предприниматели смогли дополнительно заработать и непосредственно во время проведения матчей, когда спрос на многие услуги (прежде всего в сферах размещения и общественного питания) значительно увеличивался. Не остались в стороне от новых клиентов и туристические компании, и предприятия розничной торговли.

В то же время участники локальных рынков понимали скоротечность мундиала. Большие инвестиции целесообразно было делать только в те объекты, которые имели потенциал дальнейшего использования после окончания рассматриваемого спортивного мегасобытия. В остальных случаях вложения носили достаточно ограниченный характер: средства вкладывались в косметический ремонт, установку сборно-разборных конструкций и т.п. Для дальнейшего развития бизнеса необходимо систематическое привлечение в Саранск гостей, и в качестве его основного канала видится внутренний, а не международный туризм. Иными словами, монетизация бренда города

возможна именно на российском уровне, несмотря на то что во время чемпионата столицу Мордовии посетили представители нескольких стран из разных регионов мира.

Наконец, мундиаль оставил в наследие городу не только обновленную инфраструктуру, но и более жесткую конкурентную среду. В гостиничном бизнесе, розничной торговле и других сферах местным предпринимателям теперь приходится вести борьбу с международными и федеральными компаниями. Таким образом, проведение спортивного мегасобытия имеет как разовые краткосрочные, так и фундаментальные долгосрочные последствия для города – организатора этого мероприятия.

Статья подготовлена в рамках деятельности рабочей группы «Туристический рынок в меняющейся социальной реальности: направления развития, участники, методы изучения» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г. Исследовательские интервью собраны во время полевой экспедиции «Социально-экономические изменения в жизни российского города во время Чемпионата мира по футболу 2018 г. (на примере г. Саранска)», проведенной в 2018 г. при поддержке программы «Фонд образовательных инноваций» НИУ ВШЭ (проект «Открываем Россию заново»)

Список источников

1. Адельфинский А.С. Деньги на телеграммы? Об экономическом эффекте международных спортивных событий // ЭКО. – 2019. – № 7. – С. 98–122.
2. Жулина М.А., Кицис В.М., Чегина О.Е. Направления влияния Чемпионата мира по футболу 2018 года на развитие туризма в Республике Мордовия // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 130–144.
3. Маркин М.Е., Чибискова П.М. Проблема идентичности и социальная тревожность горожан в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в Саранске // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2019. – № 3-4. – С. 114–120.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
5. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 69–91.

6. *Нуреев Р.М., Маркин Е.В.* Издержки и выгоды Олимпийских игр // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 88–104.
7. *Нуреев Р.М., Маркин Е.В.* Экономика Олимпийских игр. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 140 с.
8. *Олдрич Х.* Предпринимательские стратегии в новых организационных популяциях // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 4. – С. 39–53.
9. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 456 с.
10. *Радаев В.В.* Как завоевывается рынок: распространение новых организационных форм в российской розничной торговле // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X, № 3. – С. 22–37.
11. *Флигстин Н.* Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. – М.: ИД ВШЭ, 2013. – 392 с.
12. *Флигстин Н.* Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 1. – С. 45–63.
13. *Хэннан М., Фримен Д.* Популяционная экология организаций // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14, № 2. – С. 42–72.
14. *Baumann R., Matheson V., Muroi C.* Bowling in Hawaii: Examining the effectiveness of sports-based tourism strategies // Journal of Sports Economics. – 2009. – Vol. 10, No. 1. – P. 107–123.
15. *Buch T.* Resident Perceptions of Event Impacts: Taupo & Ironman New Zealand. – Auckland: Auckland University of Technology, 2006. – 160 p.
16. *Matheson V.* Mega-Events: The Effect of the World's Biggest Sporting Events on Local, Regional, and National Economies. Economics Department Working Papers. Paper 68. – Worcester: College of the Holy Cross, 2006. – 30 p.
17. *Roche M.* Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture. – London: Routledge, 2000. – 296 p.

Информация об авторах

Маркин Максим Евгеньевич (Россия, Москва) – старший преподаватель кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 11). E-mail: mmarkin@hse.ru.

Вишнякова Вероника Александровна (Россия, Москва) – выпускник образовательной программы «Социология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 11). E-mail: nikavorobieva2016@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240303

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 53–74

M.E. Markin, V.A. Vishnyakova

BUSINESS CONDITIONS IN SARANSK BEFORE AND AFTER THE 2018 FIFA WORLD CUP

This paper explores how hosting a sports mega-event in a small regional center affects the business environment for local entrepreneurs. Saransk, the capital of Mordovia and one of the host cities for the 2018 FIFA World Cup, is chosen as the case study. The research methodology combines statistical analysis with content analysis of in-depth interviews. The sports mega-event in question led to infrastructural transformations, changes in institutional conditions for doing business, and creating a competitive environment in local markets. Interviews with entrepreneurs and statistical data reveal that the tourism, hotel, and restaurant sectors benefited from the influx of foreign guests. However, long-term prospects are more closely tied to domestic tourism rather than international visitors. Hosting the 2018 FIFA World Cup brought Saransk not only sports and other infrastructure facilities but also heightened competition for local businesses, particularly evident in the accommodation and retail sectors. In recent years, local entrepreneurs have had to compete with both national and international companies that entered the Mordovian market in preparation for the World Cup.

Keywords: infrastructure; institutions; business climate; competition; tourism business; hotel business; restaurant business; retail; sports mega-events

For citation: *Markin, M.E. & V.A. Vishnyakova. (2024). Usloviya dlya vedeniya biznesa v Saranske do i posle chempionata mira po futbolu 2018 goda [Business conditions in Saransk before and after the 2018 FIFA World Cup]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 53–74. DOI: 10.15372/REG20240303.*

This research was conducted as part of the working group “Tourist Market in the Changing Social Reality: Directions of Development, Participants, and Methods of Study” at the Faculty of Social Sciences, National Research

University Higher School of Economics, in 2023. The research interviews were collected during the field expedition “Socio-economic Changes in the Life of a Russian City During the 2018 FIFA World Cup: A Case Study of Saransk,” carried out in 2018 with support from the Fund for Educational Innovation program at the National Research University Higher School of Economics (Rediscovering Russia project)

References

1. *Adelfinsky, A.S.* (2019). Dengi na telegrammy? Ob ekonomicheskom effekte mezhdunarodnykh sportivnykh sobytiiy [Money for telegrams? About the economic impact of international sports events]. *EKO [ECO]*, 7, 98–122.
2. *Zhulina, M.A., V.M. Kitsis & O.E. Chegina.* (2020). Napravleniya vliyaniya Chempionata mira po futbolu 2018 goda na razvitie turizma v Respublike Mordoviya [Areas of 2018 FIFA World Cup influence on the tourism development in the Republic of Mordovia]. *Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]*, Vol. 14, No. 3, 130–144.
3. *Markin, M.E. & P.M. Chibiskova.* (2019). Problema identichnosti i sotsialnaya trevozhnost gorozhan v svyazi s provedeniem Chempionata mira po futbolu v Saranske [The problem of identity and social anxiety of Saransk citizens in case of FIFA World Cup 2018]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]*, 3-4, 114–120.
4. *North, D.* (1997). Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Nachala Publ., 180.
5. *North, D.* (1993). Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoye vvedeniye [Institutions and Economic growth: An Historical Introduction]. *THESIS*, 2, 69–91.
6. *Nureev, R.M. & E.V. Markin.* (2010). Izderzhki i vygody Olimpiyskikh igr [The price and the profit of Olympic Games]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 1, 88–104.
7. *Nureev, R.M. & E.V. Markin.* (2015). *Ekonomika Olimpiyskikh igr [Olympic Games Economics]*. Moscow, INFRA-M Publ., 140.
8. *Aldrich, H.* (2005). Predprinimatelskiye strategii v novykh organizatsionnykh populyatsiyakh [Entrepreneurial strategies in new organizational populations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*, Vol. 6, No. 4, 39–53.
9. *Oldenburg, R.* (2018). Tretye mesto: kafe, kofeyni, knizhnyye magaziny, bary, salony krasoty i drugiye mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. [New Literary Observer], 456.
10. *Radaev, V.V.* (2007). Kak zavoyevyvyayetsya rynek: rasprostraneniye novykh organizatsionnykh form v rossiyskoy roznichnoy trgovle [Capturing the market: Diffu-

sion of the new organizational forms in Russian retailing]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], Vol. X, No. 3, 22–37.

11. *Fligstein, N.* (2013). *Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka* [The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 392.

12. *Fligstein, N.* (2003). *Rynki kak politika: politiko-kulturnyy podkhod k rynochnym institutam* [Markets as politics: A political-cultural approach to market institutions]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], Vol. 4, No. 1, 45–63.

13. *Hannan, M. & J. Freeman.* (2013). *Populyatsionnaya ekologiya organizatsiy* [The population ecology of organizations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], Vol. 14, No. 2, 42–72.

14. *Baumann, R., V. Matheson & C. Muroi.* (2009). *Bowling in Hawaii: Examining the effectiveness of sports-based tourism strategies.* *Journal of Sports Economics*, Vol. 10, No. 1, 107–123.

15. *Buch, T.* (2006). *Resident perceptions of event impacts: Taupo & Ironman New Zealand.* Auckland, Auckland University of Technology, 160.

16. *Matheson, V.* (2006). *Mega-Events: The Effect of the World's Biggest Sporting Events on Local, Regional, and National Economies.* Economics Department Working Papers, Paper 68. Worcester, College of the Holy Cross, 30.

17. *Roche, M.* (2000). *Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture.* London, Routledge, 296.

About Authors

Markin, Maxim Evgenievich (Moscow, Russia) – Senior Lecturer at the Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics (11, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia). E-mail: mmarkin@hse.ru.

Vishnyakova, Veronika Aleksandrovna (Moscow, Russia) – sociological educational program graduate, National Research University Higher School of Economics (11, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia). E-mail: nikavorobieva2016@gmail.com.

Поступила в редколлегию 04.01.2024.

После доработки 29.03.2024.

Принята к публикации 05.04.2024.

© Маркин М.Е., Вишнякова В.А., 2024

УДК 316.4.05

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 75–97

Н.Д. Вавилина, Ю.М. Шпигунова

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

В статье рассматривается социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия жителей г. Новосибирска. Научный и практический интерес к Новосибирску обусловлен тем, что этот мегаполис занимает четвертое место в стране по потоку мигрантов. По результатам социологического исследования «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске», проводимого с 2018 г. на основе одной модели многомерной, стратифицированной выборочной совокупности, авторами сделан вывод о возросшей в городе социальной дистанции в отношениях с мигрантами, об усилении интеграции по национальному признаку. В статье дана классификация видов социального взаимодействия и доказано, что те, кто лично сталкивался с нарушениями своих прав из-за национальной принадлежности, в той или иной степени видят основания для конфликтных отношений и конфликтов.

Ключевые слова: социальное дистанцирование; социальное взаимодействие; социальная дистанция; межнациональные отношения; миграция; идентичность; напряженность; конфликт

Для цитирования: Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М. Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 75–97. DOI: 10.15372/REG20240304.

События последних нескольких лет, в первую очередь пандемия COVID-19, внесли ряд принципиальных изменений в социальное взаимодействие сообществ, под которым в социологии понимается процесс влияния друг на друга индивидов, социальных групп, социальных систем, обществ. Фактором, в наибольшей степени обуславливающим это влияние, является миграция. Как известно, миграция имеет объективный характер, но тем важнее понять, как она влияет на сложившиеся сообщества, а еще более актуализируется эта потребность в условиях, когда одной из форм социального взаимодействия было объявлено социальное дистанцирование. При этом «вписывание в пейзаж» осложнилось еще двумя факторами: сообщество, куда входили мигранты, было многонациональным, а город является мегаполисом, образующим фактически агломерацию. Как это изменило социальный контекст? Каковы последствия и результаты изменений? Станет ли социальное дистанцирование основой для конкурентирования и дискриминации или платформой для социального сплочения?

Цель статьи – показать изменения во взаимодействии мигрантов с городским сообществом в последние годы в условиях реализации стратегии социального дистанцирования.

КАТЕГОРИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ» В СОЦИОЛОГИИ

Термин «социальная дистанция» давно употребляется в социологии, но второе рождение он получил в период пандемии коронавируса COVID-19, когда стал обозначать физическое расстояние между двумя индивидами с целью недопущения распространения инфекции.

Понятие «дистанция» происходит от лат. *distantia* – «расстояние, промежуток», производного от глагола *distare* – «отстоять, находиться на расстоянии». Применительно к человеческим отношениям данный термин стал использоваться благодаря немецкому философу и социологу Г. Зиммелю. А американский социолог Э. Богардус создал шкалу социальной дистанции [1]. Идеи Зиммеля, подхваченные Чикагской школой социологии, привели к введению термина «социальная дистанция» в исследовательские практики.

В российской социологии изучением вопроса о восприятии групп «чужих» и «других» занимаются И.И. Краснопольская и Г.С. Солодова [2]. Поднимают вопрос о социальной дистанции в психологических и филологических исследованиях И.Г. Маланчук и В.В. Марсова [3]. А.Ф. Филиппов [4] рассматривает социальную дистанцию с точки зрения кодификации социологического знания.

Важность изучения социальной дистанции в современных реалиях связана с остротой межнационального вопроса, с определенной стереотипизацией общества в отношении мигрантов, со сложностью их адаптации, нередко приводящей к маргинальному поведению, а также с использованием этого феномена в качестве инструмента профилактики в период распространения инфекции коронавируса.

Зарубежные исследования самого последнего времени показывают усугубление межнациональных процессов, в которых социальное дистанцирование стало результатом групповой сплоченности коренного населения в ответ на действия внешней среды. К примеру, для Латиноамериканского континента увеличение социального дистанцирования явилось следствием пандемии [5], поскольку, как показывают лонгитюдные исследования, для 2017 и 2018 гг. характерны снижение уровня угрозы и улучшение отношения к мигрантам с точки зрения общительности и идентичности, однако в опросах 2021 г. отражена обратная динамика. Западно-европейская ситуация также демонстрирует увеличение социальной дистанции и тревожности населения на фоне происходящих процессов миграции мусульманского населения [6; 7].

Авторов данной статьи проблемы социальной дистанции интересуют с точки зрения прогнозирования социальных конфликтов в межнациональных отношениях и их профилактики в условиях активной трудовой миграции, которая, как правило, в России имеет этнический характер.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ПРОЦЕСС

Как известно, социальное взаимодействие – это процесс взаимобусловленных социальных действий, при котором действия одного субъекта одновременно являются причиной и следствием ответных

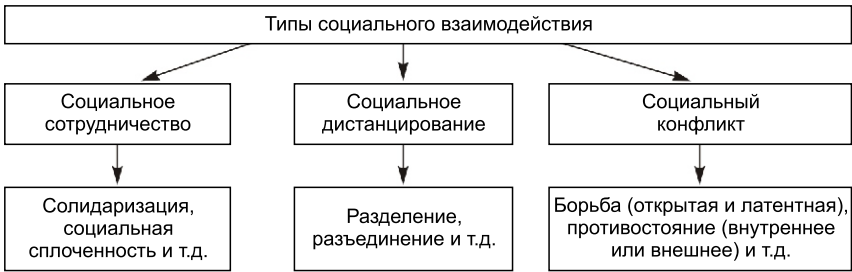

Рис. 1. Типы социального взаимодействия

Источник: составлено авторами

действий других субъектов. Принято выделять два основных типа социального взаимодействия: сотрудничество и соперничество. Представляется, что условия общественного развития самых последних лет позволяют дополнить эту типологию социальным дистанцированием (рис. 1).

В свою очередь, социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия может приобретать различные формы, которые будут обусловлены целым рядом факторов. И как следствие, могут быть как формой социального объединения, так и формой конкурирования. Более того, объединение может иметь не всегда конструктивный характер и быть направленным против групп, сообществ и т.д. (рис. 2).

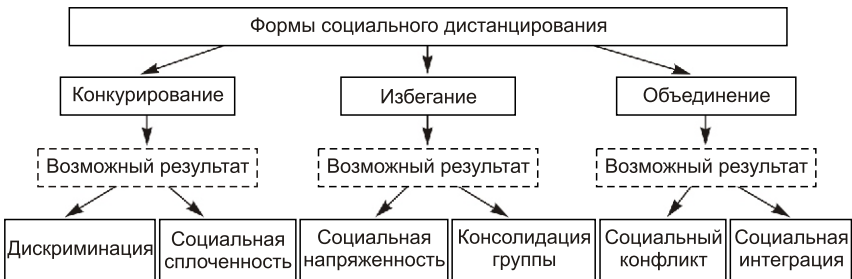

Рис. 2. Формы социального дистанцирования

Источник: составлено авторами

Таким образом, в сообществе возникают противоречивые тенденции, формируемые одним и тем же процессом – социальным дистанцированием. А именно, социальное дистанцирование может предоставлять возможности социальных действий для формирования социальной сплоченности, но также может вести к формированию дискриминации и выступать фактором усиления социальных конфликтов.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Все последние годы развитие российского общества сопровождалось существенным ростом трудовой миграции. Для Сибири была характерна в основном этническая миграция, что вело к определенным изменениям «национального ландшафта» и сказывалось на межнациональном взаимодействии.

В условиях пандемии миграционные процессы замедлились, особенно в 2020 г. Затем они вновь получили развитие, но это происходило уже в условиях резкого изменения положения России во внешнем пространстве в связи с проведением СВО. Каким образом это сказалось на взаимодействии с этнической миграцией? Какие элементы были в это внесены социальным дистанцированием, которое в данном случае выходило далеко за пределы здравоохранения? Как известно, в условиях кризисов именно «чужие» чаще других групп испытывают проблемы. К примеру, чилийские социологи отметили, что вспышки COVID-19 для мигрантов в Чили усилили их дискриминацию [5].

Изучение проблемы социального дистанцирования в отношении с мигрантами осуществлялось в рамках социологического исследования «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске», проводимого с 2018 г. на основе одной модели многомерной, стратифицированной выборочной совокупности. На первом этапе рассчитывалась квотная выборка, для определения которой использовались следующие признаки: удельный вес жителей каждого района Новосибирска, пол и возраст. На втором этапе использовалась бесповторная вероятностная выборка на основе маршрутного метода по месту жительства респондентов. В качестве основного метода сбора эмпирических данных применялось полужформализованное интервью.

Новосибирск является не только центром Новосибирской области, но и столицей Сибирского федерального округа. Численность населения здесь на 1 января 2023 г. составила 1 635 000 чел.¹ Агломерация при этом включает почти 70% всего населения региона.

В опросе были представлены жители Новосибирска 18 лет и старше, репрезентирующие возрастную структуру, состоящую из семи возрастных групп, среди участников обследования было 46% мужчин и 54% женщин. Доминировали в ходе опроса респонденты, имеющие высшее (50%) и среднее (30%) профессиональное образование, что, с одной стороны, является общей тенденцией опросов в Новосибирске, а с другой – это отличительная характеристика города как одного из центров России с высоким удельным весом взрослого населения, имеющего высокий уровень образования. В то же время в структуре опроса представлены респонденты начиная с имеющих основное среднее образование. Участники опроса заняты в 18 отраслях экономики либо ведут домашнее хозяйство, являются пенсионерами и студентами. Анализ данных позволяет утверждать, что среди участников обследования все годы представлены основные демографические, социальные, профессиональные, статусные, экономические группы населения Новосибирска. Это дает возможность считать их оценки, ориентации, ожидания выражающими общественное мнение жителей Новосибирска. В то же время, являясь крупным территориальным образованием, мегаполис очевидно репрезентирует процессы, характерные как минимум для схожих сообществ, как максимум – в той или иной степени для всего российского общества.

МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ

В последние годы как в России в целом, так и в Новосибирске миграция носит ярко выраженный этнический характер. Поэтому оценки миграционных процессов являются крайне важными для понимания межнационального взаимодействия.

¹ См. официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – URL: <https://54.rosstat.gov.ru/news/document/203950> (дата обращения: 14.09.2023).

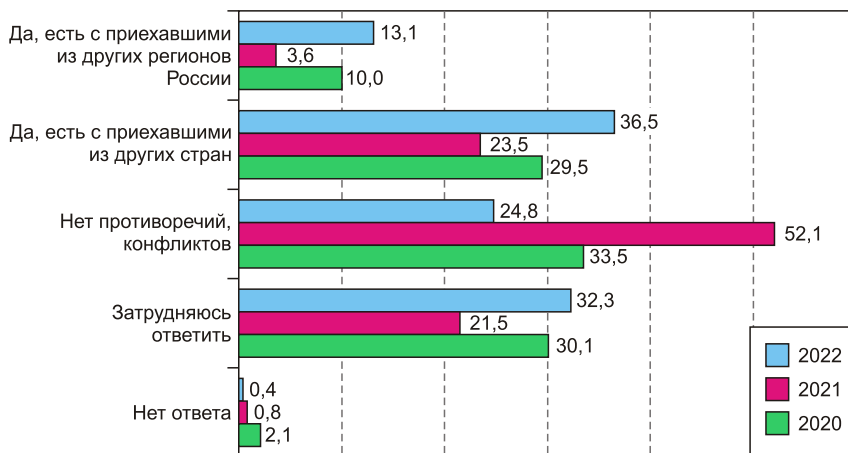

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли в Новосибирске какие-либо противоречия, конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями?», 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Анализ полученных данных показывает, что отношение к мигрантам у новосибирцев в 2022 г. остается достаточно продуктивным: 24,8% опрошенных утверждали, что в Новосибирске нет противоречий и конфликтов с приезжими. Но другая часть – 36,5% – считали, что есть такие противоречия с приехавшими из других стран, а еще 13,1% – что есть противоречия даже с приехавшими из других регионов России (рис. 3).

Это демонстрирует принципиальные изменения по сравнению с 2021 г. Тогда об отсутствии конфликтов и противоречий говорили 52,1% опрошенных, т.е. больше чем в 2 раза, а об их наличии – 23,5%, имея в виду другие страны. И еще 3,6% – имея в виду другие регионы РФ. Возможно, такие изменения обусловлены двумя факторами. Во-первых, в 2022 г. были сняты все ограничения, связанные с пандемией: открыты границы, возобновилось транспортное сообщение с республиками Средней Азии, активизировались бизнес-процессы

и трудовая миграция. Во-вторых, введение санкций против России и организация беспрецедентной русофобской кампании усилили национальное самосознание, что, как правило, ведет к отторжению «каждого другого».

Однако для более глубоких оценок лучше в этом случае опираться на личный опыт общения жителей. А доминирующей оценкой ситуации взаимодействия с мигрантами в 2022 г. была позиция «сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, я не испытываю опасений, настороженности», на что указали 66,7% опрошенных (рис. 4). Но удельный вес этой группы по сравнению с 2021 г. уменьшился на 10,5% (с 77,2 до 66,7%). И это подкрепляет высказанные выше утверждения.

Особенно значимой является динамика позиции, свидетельствующей о настороженности в отношении мигрантов. Удельный вес группы с такой позицией всего за один год вырос с 21,0 до 31,1%. Это еще не ситуация 2018 г. (44,1%), но уже и не 2020 и 2021 гг. Дистанция заметно выросла. Теперь каждый третий взрослый житель мегаполиса испытывает опасения и настороженность по отношению к трудо-

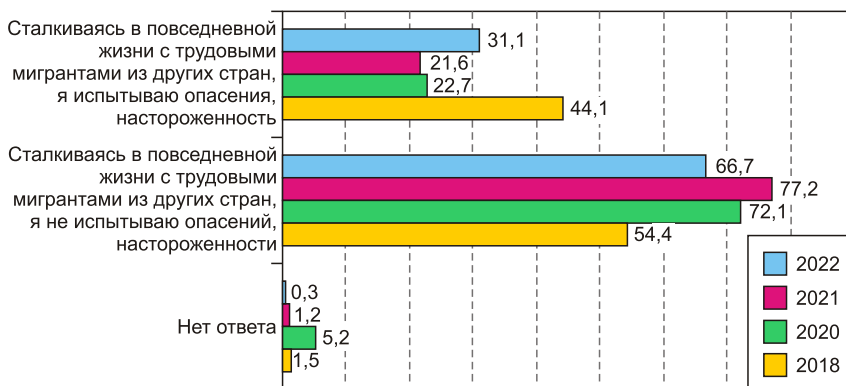

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «С каким из перечисленных суждений о мигрантах вы согласны в большей степени?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

вым мигрантам. Очевидно, что перед нами явное социальное дистанцирование, более того, его усиление. И важно определить те формы социального взаимодействия, которые оно порождает.

Анализ процессов формирования идентичности в последние два года показывает, что определенная часть общества стала более активно стремиться к социальной интеграции на основе национальной принадлежности (табл. 1). Сравним: если в 2021 г. близость с людьми своей национальности часто и иногда ощущали 63,2% участников обследования, то в 2022 г. – 72,9%. Более того, это ощущение солидарности имеет явное политическое основание: с людьми, близкими по политическим взглядам, в 2021 г. чувствовали общность часто и иногда 61,6%, в 2022 г. – 67,9% (см. табл. 1).

Таким образом, можно констатировать, что одна из форм социального взаимодействия, а именно объединение, получила в 2022 г. усиление. И это происходило в условиях роста ощущений опасения и настороженности при столкновении в повседневной жизни с трудовыми мигрантами.

Подобный характер социального взаимодействия сказался определенным образом на развитии отношений между людьми разных национальностей, что вполне закономерно. Анализ полученных в 2022 г. данных показывает, что 5,9% опрошенных оценивают отношения между людьми разных национальностей в Новосибирске как доброжелательные. Еще 51,1% оценивали отношения как нормальные, бесконфликтные, что в совокупности составило 57,0% (рис. 5). В 2021 г. 61,1% сочли межнациональные отношения нормальными и бесконфликтными. И вместе с оценками тех, кто оценил отношения как доброжелательные, такие оценки дали 67,2%.

Сравнение этих характеристик показывает заметное снижение количества положительных оценок: с 67,2% в 2021 г. до 57,0% в 2022 г. Напряженными, конфликтными межнациональные отношения в 2021 г. сочли 16,4%, в 2022 г. – 22,9%, взрывоопасными, способными перейти в открытые столкновения – 1,3 и 3,3% соответственно. Очевидно, что по сравнению с 2021 г. межнациональные отношения получили менее позитивные оценки. Фактически каждый четвертый респондент (26,2%) оценивает межнациональные отношения

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: это – мы?», 2021, 2022 гг., % от всей совокупности опрошенных

Вариант ответа	Часто		Иногда		Практически никогда		Трудно сказать		Нет ответа	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
С людьми моего поколения, возраста	57,5	52,0	24,8	32,9	6,4	5,6	9,1	8,1	2,3	1,3
С людьми той же профессии, рода занятий	52,5	44,5	24,9	34,9	7,2	8,9	12,7	10,4	2,7	1,2
Со всеми гражданами России	37,6	22,5	25,6	40,0	11,1	11,1	21,9	24,9	3,9	1,5
С жителями области, где я живу	38,9	22,0	24,5	40,4	10,1	12,5	22,5	22,7	3,9	2,4
С теми, кто живет в том же городе, что и я	46,0	27,2	21,9	41,1	9,7	9,9	18,3	19,6	4,1	2,3
С людьми моей национальности	38,3	35,6	24,9	37,3	9,7	8,4	23,6	16,4	3,5	2,3
С людьми такого же достатка	36,4	28,1	25,6	39,2	9,1	10,1	24,5	20,0	4,4	2,5
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	32,7	37,5	28,9	30,4	10,1	9,6	24,3	20,1	4,0	2,4
С людьми моей веры	33,2	31,4	22,5	27,7	10,4	11,3	30,3	27,3	3,6	1,9

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

в 2022 г. как конфликтные, тогда как в 2021 г. о таком их характере говорили 17,7% опрошенных (см. рис. 5).

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

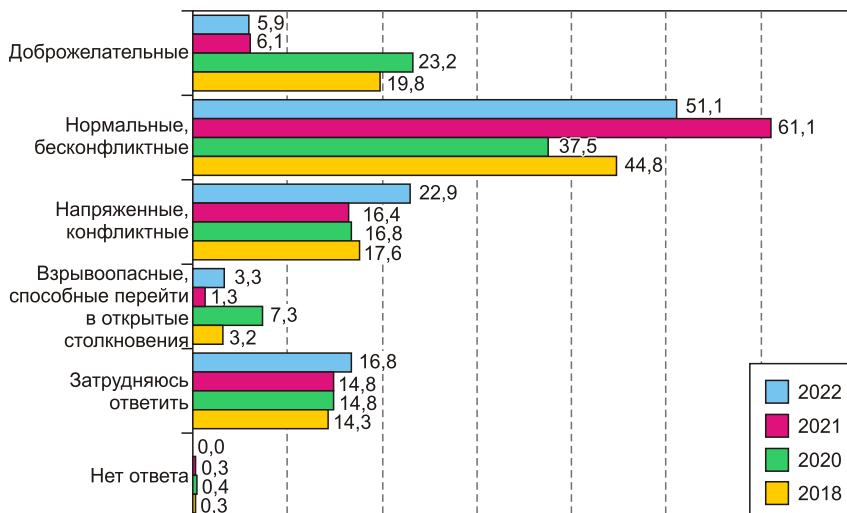

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, отношения между людьми разных национальностей в Новосибирске?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Реальность деструктивных процессов подтверждается оценками участников опросов. Оценивая изменения в межнациональном взаимодействии за последние годы в России в целом, в 2022 г.² 22,4% респондентов указали, что они были позитивными, еще 34,5% – что изменений не было, а негативными их сочли 40,5%, причем 9,7% – «однозначно негативными» (рис. 6). Анализируя динамику по отношению к 2021 г., необходимо признать, что фактически оценки существенно изменились. Возможно, такие изменения связаны с характером политических условий, который определялся проведением СВО и частичной мобилизацией, поскольку опрос шел с 1 по 10 ноября 2022 г. В 2021 г. негативными изменения назвали 23,4% респон-

² В предыдущих опросах речь шла о последних трех годах, а в 2022 г. оценивались изменения только за последний год с учетом принципиально новых событий для России.

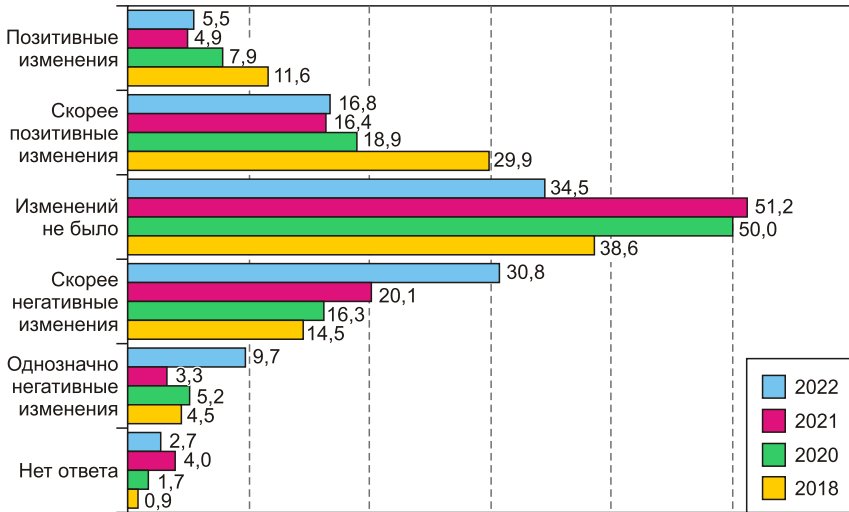

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, какие изменения в международных отношениях населения России произошли за последние три года?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

дентов. Скорее всего, в 2022 г. к негативным оценкам присоединились те, кто в 2021 г. считал, что изменений не было, так как удельный вес позитивно оценивающих изменения оказался практически одинаковым: в 2021 г. – 21,3%, в 2022 г. – 22,3%.

Оценки изменений в международных отношениях за последний год в Новосибирске заметно отличаются от общероссийских. Если в 2021 г. об их позитивном характере в Новосибирске сказали 19,4% опрошенных, то в 2022 г. – уже 20,1% (рис. 7). И главное, в Новосибирске существенно меньше уровень негативных оценок – 27,9%, тогда как по России в целом – 40,5%. Хотя по сравнению с 2021 г. удельный вес таких оценок вырос и здесь: с 22,0 до 27,9%. И если общероссийские процессы, очевидно, были связаны в значительной степени с внешними условиями, то изменения в «ближнем круге» имели другие основания.

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

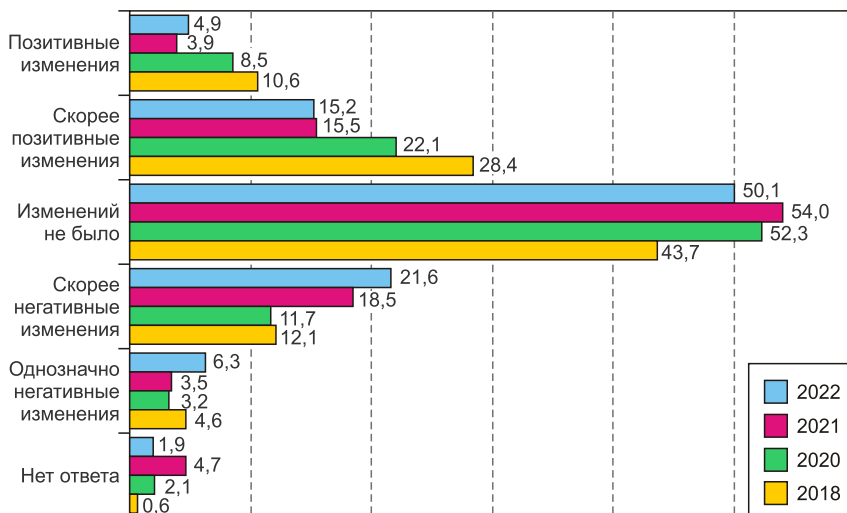

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, какие изменения в межнациональных отношениях населения в Новосибирске произошли за последние три года?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Прежде чем обсуждать с участниками обследования проблемы межнациональной напряженности и возможных конфликтов, им были заданы вопросы о личном опыте непродуктивных отношений на почве межнациональной неприязни. Как показали полученные результаты, в 2022 г. 6,8% опрошенных испытывали лично в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной принадлежности. По сравнению с 2021 г. число таких респондентов увеличилось с 3,6 до 6,8%, т.е., почти в 2 раза (рис. 8).

За этот же период выросла доля тех, кто не испытывал такого состояния: с 83,7 до 88,5%, т.е. на 4,8% (см. рис. 8). И существенно сократилось число затруднившихся ответить: с 12,3 до 4,1%, т.е. в 3 раза (см. рис. 8). Последнее явно свидетельствует о сложившейся

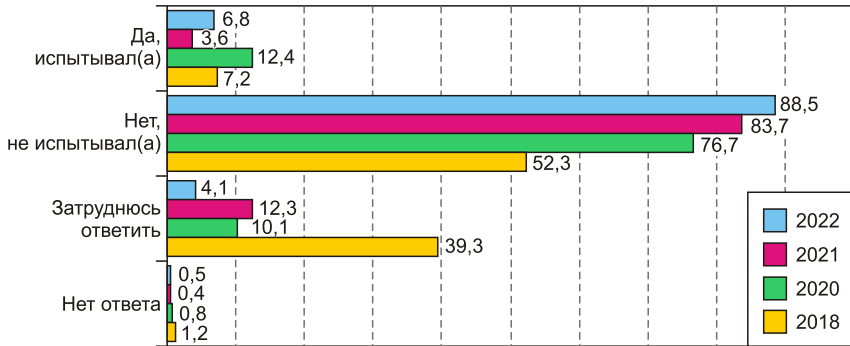

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Испытывали вы лично или не испытывали в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной принадлежности?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

и устойчивой системе отношений в этой сфере. И это следует считать позитивной тенденцией в развитии межнациональных отношений в сообществе Новосибирска. Но целый ряд других данных позволил зафиксировать также позиции, непродуктивные для развития межнациональных отношений: 27,9% опрошенных заявили о негативных изменениях в течение последнего года; более 26,2% респондентов сочли, что в настоящее время межнациональные отношения в Новосибирске напряженные, конфликтные и взрывоопасные. Все это требует более системного анализа.

Возможно, в данном случае речь идет лишь о стереотипах массового сознания. Оценки самих участников опросов относительно возможности межнациональных конфликтов подтверждают этот вывод. В ходе нашего опроса в 2022 г. только 16,8% респондентов твердо сказали, что конфликты на межнациональной почве в Новосибирске возможны, еще 26,7% – что они скорее возможны, 26,8% – что скорее невозможны, 6,8% – что невозможны, и 22,7% затруднились ответить (рис. 9).

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

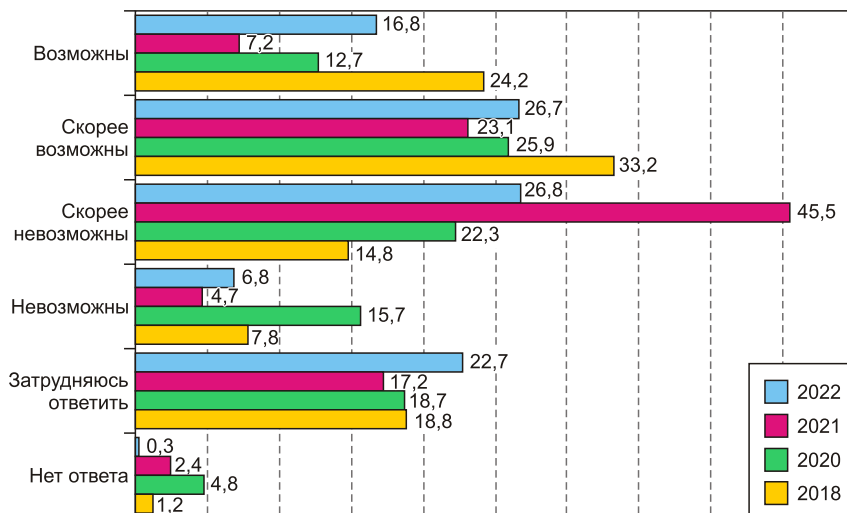

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, в Новосибирске возможны ли конфликты на межнациональной почве?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Однако по сравнению с 2021 г. число тех, кто говорил о возможности конфликтов такого типа, существенно выросло: с 30,3 до 43,5%. А удельный вес сторонников противоположной позиции существенно уменьшился: с 50,2 до 33,6% (см. рис. 9). Также выросло число тех, кто затруднился с ответом: с 17,2 до 22,7%. Таким образом, очевидна деструктивная тенденция в развитии межнационального взаимодействия. И скорее в ряде случаев непродуктивных оценок мы имеем дело не только со стереотипами, сформировавшимися в общественном мнении горожан, но и с некоторыми реальными явлениями. Важно было определить, как это связано с процессами миграции и возможностью конфликтов.

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В рамках настоящего исследования респондентам был впервые задан вопрос о том, где, как часто и в каком качестве они сталкиваются с мигрантами. В опросе было предложено 10 вариантов взаимодействия. В отличие от шкалы социальной дистанции, разработанной Э. Богардусом, авторами данной статьи детальнее определялось близкое общение.

Как показывают полученные данные, основное взаимодействие жителей города и мигрантов происходит в транспорте, на улице, при покупке товаров и при посещении социальных учреждений (табл. 2). Однако для более глубокого анализа характера социального взаимодействия целесообразно выделить три вида отношений.

Первый вид, который условно можно обозначить как близкое личностное общение, будет включать: состояю в браке (2,0%); встречаюсь в мечети, в православном храме, другом религиозном учреждении (3,1%); поддерживаю приятельские/дружеские отношения (10,3%); общаемся в подъезде, дворе как соседи (9,3%). В такой вид общения включены 24,7% опрошенных, т.е. *часто* так взаимодействует с мигрантами примерно каждый четвертый житель Новосибирска.

Второй вид – ролевое/профессиональное взаимодействие: работаю в одной организации (15,2%); учусь в одном вузе, колледже (7,5%). В такое взаимодействие *часто* включены 22,7% респондентов, т.е. примерно каждый пятый новосибирец.

Третий вид – это объективно обусловленное взаимодействие: встречаю их в транспорте, на улице (54,9%); покупаю у них товары (40,1%); встречаюсь в социальных учреждениях (детские сады, школы, поликлиники и т.д.) (30,5%); живу по соседству, но не общаюсь (21,9%). В этот вид взаимодействия включены практически все жители 18 лет и старше.

Интенсивность третьего вида взаимодействия по отношению ко второму виду составляет 6,5:1, к первому – 6:1. Таким образом, необходимо признать, что взаимодействие и его оценки формируются именно через объективно обусловленные формы, т.е. такие, которые

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «В каком качестве и как часто вам доводится общаться с мигрантами?», % от всей совокупности опрошенных, 2022 г.

Вариант ответа	Часто	Время от времени	Редко	Никогда	Нет ответа
Встречаю их в транспорте и на улице	54,9	29,2	11,5	4,0	0,4
Покупаю у них товары	40,1	39,5	14,5	5,1	0,8
Встречаюсь в социальных учреждениях (детские сады, школы, поликлиники и т.д.)	30,5	31,6	23,6	13,1	1,2
Живу по соседству, но не общаюсь	21,9	24,1	27,9	24,9	1,2
Общаемся в подъезде, дворе как соседи	9,3	18,7	29,0	40,9	1,2
Работаю в одной организации	15,2	14,0	22,0	47,3	1,5
Учусь в одном вузе, колледже	7,5	9,6	15,1	64,4	3,5
Поддерживаю приятельские/дружеские отношения	10,3	19,5	29,2	38,8	2,3
Встречаюсь в мечети, православном храме, ином религиозном учреждении	3,1	3,9	13,3	77,9	1,9
Состою в браке	2,0	1,5	2,3	92,0	2,3

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

невозможно избежать. Но именно это и приводит, как правило, к возникновению опасений и настороженности.

Крайние позиции в этом случае занимают те, кто лично сталкивался в последний год с нарушением своих прав или ограничением возможностей из-за своей национальности. Такие жители мегаполиса в 2 раза чаще других встречались в сообществе с проявлениями национализма и экстремизма (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы: «Случалось ли вам сталкиваться с проявлениями национализма и экстремизма в Новосибирске?» и «Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности?», % от всей совокупности опрошенных

Случалось ли вам сталкиваться с проявлениями национализма и экстремизма в Новосибирске? Вариант ответа	Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности? Вариант ответа				Всего
	Да, сталкивался(ась)	Нет, не сталкивался(ась)	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	
Ничего подобного не встречал	15,8	45,0	22,2	33,3	43,3
Иногда встречал	68,4	35,7	40,7	16,7	36,5
Часто встречаю	5,3	5,2	7,4	16,7	5,3
Затрудняюсь ответить	10,5	14,0	29,6	33,3	14,7
Нет ответа	–	0,1	–	–	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

Закономерно, что именно эта часть населения значительно больше других убеждена в возможности конфликтов на межнациональной почве (табл. 4). Более того, именно среди тех участников опроса, кто сталкивался с нарушениями своих прав из-за национальной принадлежности, фактически нет отрицающих возможность конфликтов на межнациональной почве. И при этом, как было показано выше, удельный вес такой группы за последний год увеличился. Очевидно, что рост социальной дистанции ведет к росту конфликтных настроений, а вслед за этим возможна и консолидация их носителей, что может послужить основой для реального социального конфликта.

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы: «Как вы считаете, возможны ли конфликты на межнациональной почве в Новосибирске в ближайшее время?» и «Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности?», % от всей совокупности опрошенных

Как вы считаете, возможны ли конфликты на межнациональной почве в Новосибирске в ближайшее время? Вариант ответа	Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности? Вариант ответа				Всего
	Да, сталкивался(ась)	Нет, не сталкивался(ась)	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	
Возможны	31,6	16,2	22,2	16,7	16,8
Скорее возможны	5,3	27,4	25,9	16,7	26,7
Скорее невозможны	31,6	26,5	25,9	50,0	26,8
Невозможны	–	7,0	3,7	16,7	6,8
Затрудняюсь ответить	31,6	22,6	22,2	–	22,7
Нет ответа	–	0,3	–	–	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

* * *

Таким образом, необходимо признать, что социальное дистанцирование, избранное в 2020 г. как модель поведения с целью недопущения распространения инфекции коронавируса COVID-19, привело к существенным изменениям в реальном социальном взаимодействии.

1. Заметно выросла социальная дистанция в отношениях с мигрантами. Теперь каждый третий житель мегаполиса испытывает опасения, сталкиваясь с ними в повседневной жизни.

2. Анализ процессов формирования идентичности показал, что в последние два года усилилось стремление к интеграции на основе национальной принадлежности. И следовательно, социальное дистанцирование способствовало объединению определенной части населения.

3. Вырос удельный вес тех, кто видит в межнациональных отношениях нарастание конфликтности. И если в России в целом это могло быть обусловлено внешними факторами, то в местном сообществе, таком как жители Новосибирска, который занимает четвертое место в стране по потоку мигрантов, это было результатом обостренного отношения к «другим» и «чужим».

4. Для социального взаимодействия такого уровня характерны три вида: близкое, личностное общение; ролевое/профессиональное взаимодействие; объективно обусловленное взаимодействие. В последний из них включены практически все жители 18 лет и старше, и именно это приводит, как правило, к возникновению опасений и настороженности.

5. Существует реальная почва для возникновения конфликтов на межнациональной основе. Все те, кто в последний год лично сталкивался с нарушениями своих прав из-за своей национальной принадлежности, в той или иной степени видят основания для таких конфликтных отношений, и лишь отсутствие консолидации пока не приводит к таким действиям. Очевидно, что социальное дистанцирование делает возможным и социальный конфликт.

Список источников

1. *Богардус Э.С.* Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реф. сб. / Отв. ред. Л.В. Гирко – М.: ИНИОН, 2003. – С. 179–186.
2. *Краснопольская И.И., Солодова Г.С.* Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 24–35.

3. *Маланчук И.Г., Марсова В.В.* Проблема социальной дистанции в психологических и филологических исследованиях. – URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013336> (дата обращения: 14.09.2023).

4. *Филиппов А.Ф.* Элементарная социология пространства. – URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1854-2011-05-01-02-36-30> (дата обращения: 21.02.2023).

5. *Castillo J.C., Bonhomme M., Miranda D., Iturra J.* Social cohesion and attitudinal changes toward migration: A longitudinal perspective amid the COVID-19 pandemic. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2022.1009567/full> (дата обращения: 04.09.2023).

6. *Johansson T.R.* In defence of multiculturalism – theoretical challenges. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03906701.2022.2045141> (дата обращения: 04.04.2023). DOI: 10.1080/03906701.2022.2045141.

7. *Lazëri M., Coenders M.* Dutch national identity in a majority-minority context: when the dominant group becomes a local minority. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2022.2104698> (дата обращения: 04.04.2023). DOI: 10.1080/1369183X.2022.2104698.

Информация об авторах

Вавилина Надежда Дмитриевна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований». Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6). E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru.

Шпигунова Юлия Михайловна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований». Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6). E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru.

DOI: 10.15372/REG20240304

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 75–97

N.D. Vavilina, Yu.M. Shpigunova

SOCIAL DISTANCING AS A PROCESS OF SOCIAL INTERACTION IN A METROPOLIS

This article examines social distancing as a process of social interaction among residents of Novosibirsk. The scientific and practical interest in this metropolis stems from its ranking as the fourth-highest city in terms of migrant inflow in Russia. Drawing on data from the ongoing sociological study “The State of the Social Situation, Interethnic and Interfaith Relations in Novosibirsk,” which has been conducted since 2018 using a multidimensional, stratified sampling model, the authors conclude that social distance in relations with migrants has increased in the city, alongside greater integration by nationality. The paper categorizes types of social interaction and proves that individuals who have personally experienced violations of their rights due to ethnicity see grounds for conflictual relationships and conflicts to a greater or lesser extent.

Keywords: social distancing; social interaction; social distance; inter-ethnic relations; migration; identity; tension; conflict

For citation: *Vavilina, N.D. & Yu.M. Shpigunova. (2024). Sotsialnoe distantsirovanie kak protsess sotsialnogo vzaimodeystviya v usloviyakh megapolisa [Social distancing as a process of social interaction in a metropolis]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 75–97. DOI: 10.15372/REG20240304.*

References

1. *Bogardus, E.S. (2003). Sotsialnaya distantsiya v gorode [Social distance in the city]. In: L.V. Girko (Ed.). Sotsialnoe prostranstvo: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: Ref. sb. [Social Space: Interdisciplinary Studies: Abstract collection]. Moscow, INION Publ., 179–186.*
2. *Krasnopolskaya, I.I. & G.S. Solodova. (2012). Vospriyatie chuzhaka gruppy v sotsiologii G. Zimmelya [Group perception of a stranger in G. Simmel sociology]. Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal], 4, 24–35.*

3. *Malanchuk, I.G. & V.V. Marsova.* (2015). Problema sotsialnoy distantsii v psikhologicheskikh i filologicheskikh issledovaniyakh [The problem of social distance in psychological and philological researches]. Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013336> (date of access: 14.09.2023).

4. *Filippov, A.F.* (2011). Elementarnaya sotsiologiya prostranstva [Elementary sociology of space]. Available at: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1854-2011-05-01-02-36-30> (date of access: 21.02.2023).

5. *Castillo, J.C., M. Bonhomme, D. Miranda & J. Iturra.* (2022). Social cohesion and attitudinal changes toward migration: A longitudinal perspective amid the COVID-19 pandemic. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2022.1009567/full> (date of access: 04.09.2023).

6. *Johansson, T.R.* (2022). In defence of multiculturalism – theoretical challenges. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03906701.2022.2045141> (date of access: 04.04.2023). DOI: 10.1080/03906701.2022.2045141.

7. *Lazëri, M. & M. Coenders.* (2022). Dutch national identity in a majority-minority context: when the dominant group becomes a local minority. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2022.2104698> (date of access: 04.04.2023). DOI: 10.1080/1369183X.2022.2104698.

About Authors

Vavilina, Nadezhda Dmitrievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Docent, Head of the Research Laboratory “Center for Sociological Research”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration (6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia). E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru.

Shpigunova, Yulia Mikhailovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Research Laboratory “Center for Sociological Research”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration (6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia). E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru.

Поступила в редколлегию 21.09.2023.

После доработки 07.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

© Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М., 2024

**И.С. Степусь, А.О. Аверьянов, Е.А. Хотеева,
А.В. Симакова, С.В. Шабаева**

МОТИВАЦИОННЫЕ ДРАЙВЕРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ (на примере молодежи Арктической зоны России)

В статье представлен подход к исследованию детерминации миграционных процессов, базирующийся на социально-психологической сути этого явления. Активность миграционных действий как результат взаимодействия факторов внешней среды и индивидуальных особенностей личности авторы предлагают рассмотреть, опираясь на комплексное понятие мотивационного драйвера миграции.

Для выявления мотивационных драйверов миграции разработана поэтапная методика, позволяющая определить сочетания внешних факторов и личностных характеристик, наиболее сильно коррелирующих с проявлением миграционной активности. Методика включает использование таких статистических методов, как факторный анализ, регрессионный анализ, тест на основе критерия независимости хи-квадрат, а также кластерный анализ и деревья решений. Апробация методики проведена на примере приоритетных геостратегических территорий Арктической зоны России для молодежной когорты населения. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса 8,6 тыс. чел. в возрасте 16–35 лет, проживающих на арктических территориях девяти субъектов РФ, входящих в состав Российской Арктики.

В результате исследования выявлено 10 мотивационных драйверов исходящей миграции молодежи из арктических регионов, сгруппированных по четырем типам факторов: профессиональная реализация, получение образования, климат и экология, социальные связи. Указаны струк-

турные компоненты мотивационных драйверов, проведена их содержательная интерпретация.

Результаты исследования обогащают имеющийся инструментарий изучения миграционных процессов, поскольку позволяют проанализировать сложную конфигурацию мотивационного драйвера миграции, складывающегося из сочетания условий внешней среды и особенностей личности, оказывающих нелинейное комбинированное воздействие на принятие решения о миграции. Выявление мотивационных драйверов миграции имеет практическую значимость при корректировании социально-экономической и миграционной политики, проводимой в регионе.

Ключевые слова: детерминанты миграции; мотивационные драйверы; миграция молодежи; мотивация; факторы и причины миграции; Арктическая зона России

Для цитирования: Степуть И.С., Аверьянов А.О., Хотеева Е.А., Симакова А.В., Шабеева С.В. Мотивационные драйверы миграции населения (на примере молодежи Арктической зоны России) // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 98–125. DOI: 10.15372/REG20240305.

ВВЕДЕНИЕ И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Миграционные процессы являются традиционной тематикой для исследований в области социально-гуманитарных наук. В последние годы актуальность таких исследований в условиях новых вызовов, а также глобальных экономических и политических изменений только возрастает. Немаловажными для изучения в России остаются и межрегиональные миграции населения, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития территории нашей страны [10].

Независимо от видов миграции ключевым аспектом в их изучении является вопрос о механизмах детерминации миграционных процессов. Исследование причин и мотивов переселений базируется на многообразии теоретических и концептуальных подходов, сформулированных западными исследователями. Наиболее известные среди них – законы миграции (Э.Г. Равенштейн), теория притягивающих/вытал-

квивающих факторов (Э. Ли), неоклассическая теория миграции (М. Фридман, П. Самуэльсон), теория новой экономической миграции (О. Старк, Е. Кац, Э. Тэйлор), сетевая теория миграции (Д. Массей), теория кумулятивной обусловленности (Г. Мюрдаль) и др. Сущностный обзор и сравнительный анализ этих подходов представлены в многочисленных работах по миграционной тематике [5; 19; 22; 24; и др.]. Эти классические миграционные теории, объясняющие различные аспекты миграционного поведения и причинно-следственные взаимосвязи в процессах миграции, не теряют своей актуальности по сей день [4].

Упомянутые теоретические подходы объясняют миграционное поведение преимущественно с точки зрения экономического, политического и социального контекста. Наибольшее значение, как правило, придается экономическим факторам и причинам, признанным главенствующими в данном вопросе согласно базовым законам миграции Э. Равенштейна. Однако очевидно, что далеко не всегда миграция стимулируется только экономическими силами. В 60-е годы XX в. отечественным социологом и экономистом Т.И. Заславской в механизм детерминации миграционных процессов был включен поведенческий (социально-психологический) фактор, в том числе сугубо индивидуальные особенности личности: материальные и духовные интересы, стремления и установки, ценностные ориентации [18]. Именно этот фактор позволяет получить ответ на вопрос, почему в идентичных внешних условиях одни люди мигрируют, а другие остаются на месте. Те особенности личности, которые в одних и тех же условиях приводят к дифференциации принимаемых решений о миграции, можно рассматривать в качестве субъективных факторов миграции [8]. Во взаимодействии с объективными социально-экономическими факторами внешней среды они запускают механизм миграции.

К настоящему времени российскими учеными накоплен серьезный опыт в исследовании мотивации миграции. Изучая детерминацию миграционных процессов, исследователи используют широкий спектр дефиниций: причины, факторы, мотивы и др. При этом сущность изучаемого явления не меняется. Критический взгляд на эту

проблему представлен в работе Л.Л. Рыбаковского [16]. Автор отмечает, что причина – это промежуточное звено между фактором и решением о миграции. Факторы, в свою очередь, выступают в качестве определенных компонентов объективных условий. Составу факторов миграции и их различным классификациям также посвящены многочисленные исследования [2; 15].

Если подходить к практической стороне вопроса, то для изучения мотивации миграции проводятся различные эмпирические исследования. Одно из направлений исследований основано на использовании массивов статистических данных. При этом эксперты в области миграции отмечают скудость отечественной миграционной статистики в сравнении, например, с зарубежными базами данных и регистрами населения, позволяющими детально изучать миграцию на микроданных [6]. Рассуждая о качестве статистического наблюдения за миграционными процессами на федеральном уровне, эксперты признают, что по ряду позиций аналитическая ценность такой информации очень невелика [20]. Это напрямую касается и такого важного показателя, как причины миграции. Очень большая часть переселений связана с достаточно неопределенными причинами («причины личного, семейного характера», «иные причины», «причина не указана»), формулировки которых либо слишком общие, либо вовсе не конкретизируют суть причины. Кроме того, около 30% всех внутристрановых перемещений объясняется причиной «возвращение после временного отсутствия». Это приводит к искажению информации о реальных причинах миграции [11].

В связи с этим в изучении детерминант миграции преобладают исследования, основанные на поиске зависимостей между показателями прибытия/выбытия населения и различными параметрами социально-экономического развития территорий с применением методов корреляционно-регрессионного анализа, построения многофакторных эконометрических моделей. Так, например, в статье Е.С. Вакуленко для выявления мотивов межрегиональной миграции в России с использованием данных Росстата строится гравитационная модель миграции, позволяющая оценить факторы притяжения и отталкивания. Автор приходит к выводу, что для современных мигрантов

важны не только экономические факторы, но и показатели качества жизни, инфраструктуры и экологии [1]. В работе зарубежных коллег с помощью пространственного панельного эконометрического анализа также доказано значимое влияние на миграцию в России уровня благосостояния, выражающегося в лучших условиях труда, более высоком качестве жизни и здравоохранения [23].

По мнению В.И. Мукомеля, в условиях ограниченности отечественной эмпирики социологические опросы и качественные методы становятся чуть ли не единственным источником информации о миграционных процессах в России [13]. В большей степени социологические исследования, где поднимаются вопросы о детерминации миграционных процессов, носят локальный характер, затрагивают отдельные регионы, населенные пункты, образовательные организации и отдельные категории населения [7; 17]. Масштабные социологические исследования по данной тематике не столь распространены в России. В исследованиях ВЦИОМ основной акцент делается на эмиграционных настроениях россиян¹, а также на трудовой миграции из-за рубежа². Одним из недавних крупных социологических проектов, охватившим более 5 тыс. чел. из 10 регионов России, стало исследование демографического самочувствия регионов страны [3]. Программа исследования позволила выявить главные причины внутророссийской миграции, которые в большинстве случаев связаны с работой и ее оплатой.

В последние годы получают распространение и качественные методы исследования мотивов миграции, реализуемые в формате интервью и фокус-групп. В статье Н.В. Мкртчяна и Ю.Ф. Флоринской на основе глубинных интервью с двумя группами мигрантов проанализировано действие притягивающих и выталкивающих мотивов миграции [12]. Для большинства мигрантов характерны экономические мотивы миграции, а также для них важны условия городской среды, качество инфраструктуры, возможности для личностного рос-

¹ См.: *Эмиграционные* настроения: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnyie-nastroenija-monitoring>.

² См.: *Иммигранты* в России: за и против. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>.

та и проведения досуга. Р.Э. Петраченков, опираясь на результаты фокус-группового исследования, приводит главные причины миграции молодежи из Республики Коми: неудовлетворенность развитием инфраструктуры, городской средой, архитектурой, благоустройством населенных пунктов, отсутствие перспектив, неудовлетворенность уровнем и темпами развития экономики в регионе [14].

Таким образом, детерминация миграционных процессов изучается с применением различных методов и подходов. Многие исследователи признают «неоднозначность и сложность как принятия решения о миграции, так и делимитации отдельных причин и мотивов, которыми руководствуются люди при смене места проживания» [12, с. 132]. В то же время проведенный обзор работ по данной тематике показал, что в основном в отечественных исследованиях решения о миграции интерпретируются в рамках определенных социально-экономических конструкций, которые влияют на эти решения. Изучению роли индивида как главного участника миграционного процесса не уделяется должного внимания [9].

В данной работе мы бы хотели акцентировать внимание не только на социально-экономических детерминантах миграционного поведения (которые, безусловно, являются доминирующими), а учесть также и поведенческий фактор, позволяющий индивидам в идентичных внешних условиях формировать различные миграционные установки. Целью исследования является теоретико-методологическое осмысление мотивации миграционных процессов, детерминированных взаимодействием условий внешней среды и особенностей личности. Для достижения поставленной цели решается ряд последовательных задач:

- 1) формирование концептуальной основы исследования, определение базовой дефиниции, характеризующей объект исследования;
- 2) разработка методики для проведения оценки взаимовлияния условий внешней среды и особенностей личности при принятии решения о миграции;
- 3) апробация разработанной методики, представление и интерпретация полученных результатов.

Для апробации разработанного инструментария выбраны приоритетные геостратегические территории Арктической зоны России, для которых характерна повышенная значимость миграционного вызова³. Миграционный отток вносит существенный вклад в сокращение численности населения арктических территорий, что в текущих условиях формирует серьезные риски для развития северных территорий страны и обеспечения ее национальной безопасности⁴. Комплексное исследование мотивации миграции будет проведено для молодежной когорты населения в возрасте 16–35 лет, которая представляет собой уникальный человеческий капитал для развития арктических территорий России.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

В зарубежной литературе для поиска ответов на вопрос, почему люди мигрируют, используется достаточно емкое понятие «миграционный драйвер» (migration driver⁵), которое предполагает, что миграция является результатом действия не одного фактора/причины, а сложной конфигурации множества взаимозависимых и взаимодействующих факторов, которые в конечном итоге приводят к решениям о миграции [21].

В данном исследовании мы решили рассмотреть миграционный драйвер с позиции социально-психологической сути миграционного процесса, согласно которой формирование миграционных решений является результатом взаимодействия особенностей личности и факторов окружающей среды. Факторы существуют объективно во внешней среде и, приобретая значимость для конкретного индивида в силу его потребностей и личностных характеристик, становятся

³ См.: *Степуть И.С., Гуртов В.А., Аверьянов А.О.* Миграции населения для развития Российской Арктики: особенности и возможности // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 73–103.

⁴ См.: *Хотеева Е.А., Степуть И.С.* Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8.

⁵ URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/migration-drivers> .

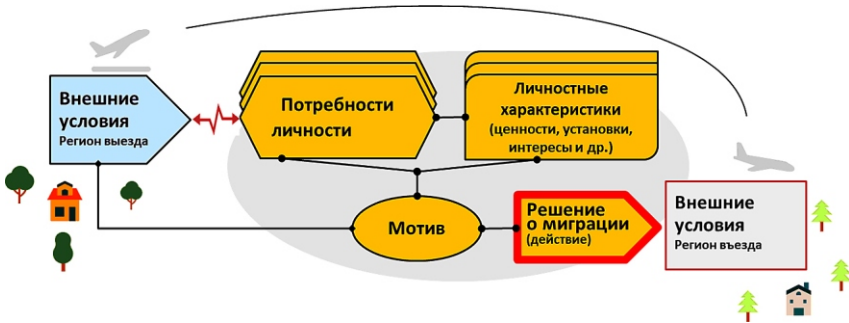

Рис. 1. Концептуальная схема мотивационного драйвера миграции

Источник: составлено авторами

движителем реализации миграционных намерений, возникших вследствие противоречия между потребностью личности и возможностями ее удовлетворения в среде (регионе). Таким образом, при взаимодействии сферы актуальных потребностей и личностных характеристик, с одной стороны, и условий внешней среды – с другой, возникает мотив, который приобретает индивидуальную значимость, направленность и действенность в принятии миграционных решений (рис. 1). В предложенной концепции мотивационный драйвер миграции представляет собой личностно ориентированную потребность, подкрепленную внешними факторами, выраженную в конкретных действиях индивида, направленных на принятие миграционных решений.

Для выявления мотивационных драйверов миграции нами разработана поэтапная методика, включающая использование таких статистических методов, как факторный анализ, регрессионный анализ и тест на основе критерия независимости хи-квадрат (рис. 2). Для

Рис. 2. Этапы выявления мотивационных драйверов миграции

Источник: составлено авторами

верификации наличия зависимостей между компонентами мотивационных драйверов используются такие инструменты, как кластерный анализ и деревья решений.

На первом этапе реализации методики осуществляется подготовка данных. В соответствии с предложенной концепцией сущностное содержание авторского определения мотивационного драйвера миграции состоит из трех основных элементов: представление о внешних факторах среды, внутренних характеристиках личности и миграционном действии, возникшем в результате взаимодействия первых двух феноменов. Это диктует требования к содержательному наполнению исходных данных и способу их получения – социологическому исследованию, в ходе которого формируется набор элементов для идентификации мотивационных драйверов миграции.

Эмпирической базой для настоящего исследования послужили результаты опроса молодежи (16–35 лет) методом анкетирования, проведенного в ноябре 2022 г. во всех районах и городах на арктических территориях девяти субъектов РФ, входящих в состав Российской Арктики. Анкета содержала блоки вопросов, в которых раскрывались личностные характеристики индивидов, оценка респондентами внешней среды и признаки миграционных действий, что позволило определить переменные, требуемые для выявления мотивационных драйверов миграции⁶. Выборочная совокупность сформирована отдельно по каждому региону пропорционально структуре молодежи по муниципальным образованиям и половозрастному признаку. Суммарно опрос охватил 8,6 тыс. респондентов. Тип выборки – комбинированная, квотная, на последнем этапе доступная. Предельная ошибка выборки по каждому субъекту Арктической зоны РФ составляет менее 5%, что показывает высокую достоверную вероятность проведенного исследования.

На втором этапе реализации методики устанавливаются тематические факторы, на основе которых различные причины миграции объединяются в группы и которые определяют направленность драйвера. Далее выявляются статистически значимые зависимости между

⁶ URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10432072> .

условиями внешней среды и личностными характеристиками индивида, с одной стороны, и индикатором наличия активных миграционных действий у индивида – с другой. На заключительном шаге осуществляется построение регрессионных моделей для выявления зависимостей между компонентами миграционного драйвера и проводится интерпретация результатов.

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ

В основе предлагаемой концепции лежит предположение о том, что наиболее активно миграционные действия проявляются при взаимодействии внешних и внутренних факторов, миграционное намерение может существовать в пассивной форме и не быть реализованным без соответствующего стимула. Исходя из этого было принято решение отобрать анкеты только тех респондентов, которые выразили готовность к миграционным действиям. На основе вопроса о миграционных намерениях респондента: «Хотели бы вы переехать жить в другое место?»⁷ для дальнейшего анализа были оставлены только те наблюдения, где было отмечено желание переехать за пределы региона проживания (ответы № 1, 2 и 3) – 5,2 тыс. чел.

Также на этом шаге была определена зависимая переменная, отражающая активность миграционных действий. На основе вопроса: «Насколько вы готовы к тому, чтобы переехать?»⁸ респонденты были разделены на две группы: наличие активных миграционных действий (ответы № 1 и 2) – *активное миграционное поведение*; отсутствие активных миграционных действий при желании уехать (ответы № 3, 4 и 5) – *пассивное миграционное поведение*. Соотношение наблюдений в классах составило 20 и 80% соответственно. Отметим, что такой дисбаланс классов является не критичной особенностью данных и не

⁷ Варианты ответа: 1 – в Москву или Санкт-Петербург; 2 – в другой регион России; 3 – в другой населенный пункт моего региона; 4 – в другую страну; 5 – никуда не хочу уезжать.

⁸ Варианты ответа: 1 – уже нахожусь в стадии переезда; 2 – принял(а) твердое решение уехать; 3 – обдумываю возможности переезда; 4 – иногда задумываюсь об этом; 5 – никогда не думал(а) об этом.

сказался на качестве полученных результатов, в отдельных тематических выборках в ходе тестирования итоговых моделей применялись различные алгоритмы сэмплинга.

На втором этапе реализации методики были определены факторы, которые группируют различные причины миграции. Для этого был проведен факторный анализ методом главных компонент (РСА) с использованием метода вращения *varimax*⁹. В результате были определены шесть основных факторов исходящей миграции молодежи. Итоговая таблица с факторными нагрузками представлена на рис. 3, значимые корреляционные связи отмечены цветом большей интенсивности.

Первый фактор – «профессиональная реализация», второй – «климат и экология», третий – «получение образования», четвертый – «стремление к самостоятельности», пятый – «семья», шестой – «социальные связи». Далее эти шесть факторов были использованы для выделения отдельных тематических выборок (подвыборок), в которых и проводился поиск мотивационных драйверов миграции.

Третий и четвертый этапы будут рассмотрены на примере подвыборки «Профессиональная реализация».

На третьем шаге внутри каждой из подвыборок отбирались отдельные показатели условий внешней среды и личностных характеристик индивида, которые бы влияли на миграционное поведение. Для определения наличия статистически значимой связи между переменными использовался критерий независимости хи-квадрат, в отдельных случаях для проверки применялись регрессионные модели (более двух значений у переменной). В таблице 1 представлены результаты теста хи-квадрат для бинарных переменных «наличие/отсутствие качества личности»¹⁰ и «активность/пассивность миграционных действий» (оставлены только значимые взаимосвязи).

За нулевую гипотезу принималось предположение о том, что переменные независимы: наблюдаемые и ожидаемые распределения

⁹ URL: https://factor-analyzer.readthedocs.io/en/latest/factor_analyzer.html (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁰ Вопрос № 13: «Отметьте, какие качества для вас являются наиболее значимыми, к чему в своем развитии вы стремитесь больше всего?».

Мотивационные драйверы миграции населения
(на примере молодежи Арктической зоны России)

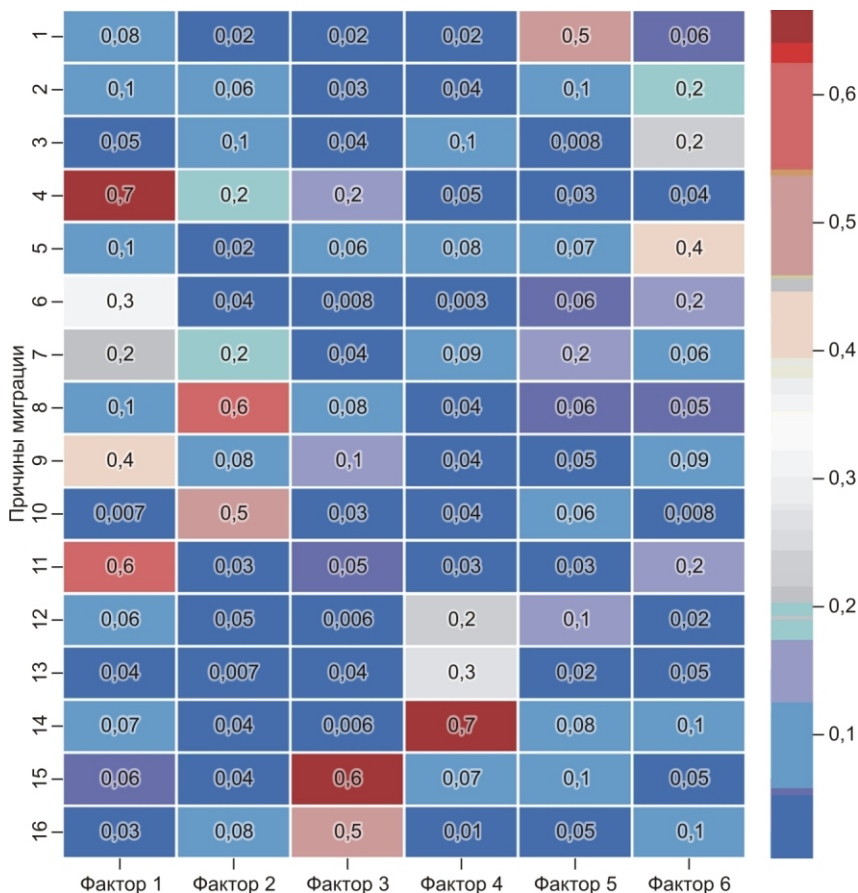

Рис. 3. Матрица факторных нагрузок причин миграции из регионов Арктики

Причины миграции: 1 – для обеспечения будущего детей; 2 – есть пример(ы) успешного переезда моих знакомых; 3 – там больше выбор развлечений и вариантов времяпрепровождения; 4 – там выше заработная плата; 5 – там есть родственники, друзья; 6 – там есть спрос на таких профессионалов, как я; 7 – там лучше здравоохранение, социальное обслуживание; 8 – там лучше климатические условия; 9 – там лучше условия для профессиональной реализации; 10 – там лучше экологическая обстановка; 11 – там можно найти достойную работу; 12 – тот город (страна) моей мечты; 13 – устрою там личную жизнь (переезжаю ко «второй половинке»); 14 – хочу жить отдельно от родителей и быть самостоятельным; 15 – хочу получить там качественное образование; 16 – хочу там продолжить учебу

Источник: составлено авторами по результатам расчета

Таблица 1

**Наиболее значимые личностные качества респондентов в подвыборке
«Профессиональная реализация»**

№	Качество личности	Statistic	p-value	Вероятность события		Отношение шансов
				Нет качества (p2)	Есть качество (p1)	
1	Амбициозность	22,85	0,000*	0,25	0,35	1,60
2	Лидерство	14,60	0,000*	0,24	0,31	1,48
3	Индивидуализм	10,58	0,001*	0,23	0,29	1,40
4	Честность	5,99	0,014*	0,40	0,34	0,79
5	Профессионализм	4,49	0,034*	0,58	0,53	0,82

Примечание: * – гипотеза о наличии статистически значимых различий подтвердилась на уровне p-value < 0,05.

Источник: составлено авторами по результатам расчета.

респондентов с активной миграционной позицией в группах с наличием/отсутствием качества личности не различаются. В результате исследования было выявлено пять характеристик личности, которые связаны с активностью миграционных действий: амбициозность, лидерство и индивидуализм – при наличии этих качеств вероятность и шанс отъезда повышаются; честность и профессионализм – вероятность и шанс отъезда уменьшаются. Дополнительно было рассчитано отношение шансов на активные миграционные действия в группах с наличием/отсутствием каждого из качеств по формуле

$$OR = \frac{p_1 / (1 - p_1)}{p_2 / (1 - p_2)}, \quad (1)$$

где OR – отношение шансов; p_1 и p_2 – вероятности наступления события в группах, под событием понимается активная миграционная позиция. Так, например, шанс на активные миграционные действия при наличии определенных амбиций выше в 1,6 раза, при наличии лидерских качеств – выше в 1,5 раза, а наличие такой характеристики,

как профессионализм, наоборот, снижает шанс на отъезд на 18%. Отдельно необходимо отметить, что при анализе качеств «амбициозность», «лидерство» и «индивидуализм» было зафиксировано их сильное влияние на активность миграционных действий почти во всех тематических подвыборках.

В качестве показателя условий внешней среды для подвыборки «Профессиональная реализация» была использована усредненная оценка возможности профессиональной реализации в месте проживания (вопрос № 8 анкеты). В таблице 2 приведено распределение числа ответов по оценкам возможности профессиональной реализации в группах с активным и пассивным миграционным поведением.

Из представленных данных видно, что чем выше оценка возможности профессиональной реализации, тем ниже доля респондентов с активным миграционным поведением. Для проверки статистической значимости выявленных различий был применен критерий независимости хи-квадрат ($\text{statistic} = 17,2$, $\text{p-value} = 0,001$, $\text{dof} = 4$): активность миграционного поведения в подвыборке «Профессиональная реализация» зависит от оценки возможностей профессиональной реализации.

Таким образом, в процессе выявления внутри каждой из тематических выборок статистически значимых зависимостей между усло-

Таблица 2

Распределение ответов респондентов с активным и пассивным миграционным поведением о возможности профессиональной реализации в месте проживания, %

Миграционное поведение	Оценка возможности профессиональной реализации в баллах					Всего респондентов, чел.
	1	2	3	4	5	
Пассивное	68,8	73,7	78,0	79,6	80,9	2 033
Активное	31,2	26,3	22,0	20,4	19,1	569
Всего респондентов, чел.	189	289	608	763	753	2 602

Источник: составлено авторами по результатам расчета.

виями внешней среды и внутренними ценностями индивида, с одной стороны, и индикатором активности миграционных действий у индивида – с другой, были выявлены предикторы будущих регрессионных моделей – мотивационных драйверов миграции.

На заключительном этапе разработанная методика предполагает построение биномиальных регрессионных моделей для выявления зависимостей между компонентами миграционного драйвера. В качестве инструмента используется обобщенная линейная модель (GLM) python-библиотеки Statsmodels¹¹. Эта реализация регрессионного анализа адаптирована для оценки моделей с дискретными зависимыми переменными. При расчетах использовалась следующая формульная запись модели (R-style notation)¹²:

$$Y \sim C(X_1):C(X_2), \quad (2)$$

где Y – бинарная переменная, отражающая наличие активных миграционных действий; X_1 – переменная, отражающая внутренние характеристики индивида; X_2 – переменная, отражающая оценку индивидом условий внешней среды; оператор C – обозначение категориальной переменной; оператор «:» – обозначение взаимодействия предикторов.

В основе использования предложенного метода лежит допущение, что взаимодействие переменной, отражающей условия внешней среды (предиктор 1), и переменной, оценивающей личностные качества индивида (предиктор 2), будет увеличивать шанс на проявление индивидом активных миграционных действий (зависимая переменная). Другими словами, шанс на активные миграционные действия будет увеличиваться по мере снижения оценки условий внешней среды и при переходе от отсутствия личностной характеристики к ее наличию. Для удобства восприятия результатов формирования мотивационного драйвера путем построения регрессионной модели в табл. 3 приведена доля респондентов по каждой комбинации вариантов ответов зависимой переменной и предикторов, где в качестве

¹¹ URL: <https://www.statsmodels.org/stable/index.html#> .

¹² Более детально интерпретация формул представлена в соответствующей документации (URL: <https://patsy.readthedocs.io/en/latest/formulas.html>).

Таблица 3

Распределение ответов в подвыборке «Профессиональная реализация»: миграционное поведение * «амбициозность, лидерство и индивидуализм» * оценка возможности профессиональной реализации, %

Миграционное поведение	Амбициозность, лидерство, индивидуализм	Оценка возможности профессиональной реализации в баллах				
		1	2	3	4	5
Пассивное	Нет	45,6	51,4	56,7	58,2	58,6
Активное		54,4	48,6	43,3	41,8	41,4
Всего респондентов, чел.		147	214	432	541	510
Пассивное	Есть	34,1	40,1	43,7	46,3	50,4
Активное		65,9	59,9	56,3	53,7	49,6
Всего респондентов, чел.		220	257	524	630	615

Источник: составлено авторами по результатам расчета.

зависимой переменной выступает показатель активности миграционного поведения, первый предиктор – наличие качеств «амбициозность», «лидерство» и «индивидуализм», второй предиктор – оценка возможности профессиональной реализации по пятибалльной шкале. Наличие личностных качеств определено по самооценке респондентов (вопрос № 13 анкеты), респонденты были отнесены к этой группе, если у них было отмечено одно или более из этих качеств.

В представленных данных прослеживается четкая закономерность: доля респондентов с активным миграционным поведением уменьшается при повышении оценки возможности профессиональной реализации в обеих группах по признаку наличия личностных качеств. Сравнивая эти группы по уровню оценки условий внешней среды, можно сделать вывод, что доля респондентов с активным миграционным поведением выше в группе с наличием личностных качеств (амбициозность, лидерство, индивидуализм). Отдельно следует отметить, что разница в доле респондентов с активной миграционной позицией в группах с оценкой внешней среды в 4 и 5 баллов

незначительная. Этот факт можно рассматривать как указывающий на необходимость доработки шкалы измерения оценки условий внешней среды.

В таблице 4 приведены коэффициенты регрессионной модели «возможности профессиональной реализации – амбициозность, лидерство и индивидуализм», рассчитанные в результате выполнения регрессионного анализа. Необходимо отметить, что для построения модели были использованы скорректированные данные, прошедшие процедуру сэмпинга на основе алгоритма SMOTE (увеличение числа примеров миноритарного класса) для устранения дисбаланса классов, с тем чтобы представленная модель более явно объясняла суть разработанной методики на примере табл. 3.

Применительно к модели логистической регрессии с порядковыми переменными коэффициенты уравнения являются натуральным логарифмом отношения шансов на событие между группами, под событием в данном случае понимается проявление активных миграционных действий. Отрицательные коэффициенты соответствуют отношению шансов меньше единицы и интерпретируются как уменьшение шанса на активные миграционные действия. Рассмотрим на примере отношение полученных коэффициентов со значениями, приведенными в табл. 3.

Точка пересечения (Intercept) является базовым значением, которое отражает натуральный логарифм шанса на активные миграционные действия при оценке условий профессиональной реализации в 1 балл и отсутствии личностных качеств. Значение коэффициента можно рассчитать по формуле

$$\text{Intercept} = \ln \frac{P}{1 - P}, \quad (3)$$

где P – вероятность события, в данном случае это вероятность активных миграционных действий в представленной группе. При вероятности, равной 0,54, шанс события составит 1,19, а логарифм шанса равен 1,77. Как видно из табл. 3, численная разница между долями респондентов с активной и пассивной позициями составляет чуть более 8%, шанс на событие в исследуемой группе выше на 20%,

Таблица 4

Коэффициенты регрессионной модели «возможность профессиональной реализации – амбициозность, лидерство и индивидуализм»

№	Взаимодействие переменных	Значение коэффициента	p-value
1	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (1 балл) (Intercept)	0,177	0,284
2	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (2 балла)	-0,233	0,277
3	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (3 балла)	-0,447	0,020*
4	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (4 балла)	-0,509	0,006**
5	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (5 баллов)	-0,526	0,005**
6	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (1 балл) : наличие качества личности * оценка внешней среды (1 балл)	0,482	0,027*
7	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (2 балла) : наличие качества личности * оценка внешней среды (2 балла)	0,458	0,014*
8	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (3 балла) : наличие качества личности * оценка внешней среды (3 балла)	0,523	0,000***
9	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (4 балла) : наличие качества личности * оценка внешней среды (4 балла)	0,478	0,000***
10	Отсутствие качества личности * оценка внешней среды (5 баллов) : наличие качества личности * оценка внешней среды (5 баллов)	0,332	0,006**

Примечание: * – значимость на уровне 0,05; ** – значимость на уровне 0,01; *** – значимость на уровне 0,001.

Источник: составлено авторами по результатам расчета.

соответствующее значение p -value ($>0,05$) говорит об отсутствии статистически значимой разницы между величинами.

Взаимодействие между переменными осуществляется по признаку оценки условий внешней среды (коэффициенты 2–5), а затем по признаку наличия личностных качеств (коэффициенты 6–10).

Полученные результаты соответствуют выдвинутой при разработке методики гипотезе: наибольшая доля респондентов, осуществляющих активные миграционные действия, выявлена в группе с проявлением личностных качеств и низкой оценкой условий внешней среды, наименьшая доля таких респондентов выявлена в группе с отсутствием личностных качеств и высокой оценкой условий внешней среды. В то же время обнаружены статистически значимые различия в изменении доли респондентов с активной миграционной позицией между группами, образованными по признакам наличия/отсутствия личностных качеств и вариативности оценки условий внешней среды. В обеих группах наблюдается снижение доли целевых респондентов в зависимости от величины оценки возможностей профессиональной реализации, в то же время наличие личностных качеств значительно увеличивает шанс на активные миграционные действия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате апробации представленной методики было выявлено 10 мотивационных драйверов миграции молодежи из арктических регионов. На рисунке 4 приведены их составляющие: условия внешней среды и личностные характеристики индивидов.

Интерпретация перечисленных драйверов соответствует примеру, приведенному в предыдущем разделе статьи. Каждый фактор миграции образует тематическую выборку, сформированную на основе причин, по которым респондент хотел бы переехать из арктического региона. Взаимодействие внешних условий и личностных качеств/характеристик увеличивает шанс на активные миграционные действия.

Приведем еще несколько примеров на основе представленных данных. Фактор миграции «получение образования» включает мотивационный драйвер «оценка качества образования – наличие учебных

Мотивационные драйверы миграции населения
(на примере молодежи Арктической зоны России)

Рис. 4. Мотивационные драйверы миграции молодежи из арктических регионов России

Источник: составлено авторами

достижений». Как и в случае с оценкой профессиональной реализации, доля респондентов с активной миграционной позицией снижается по мере возрастания оценки системы образования (пятибалльная шкала). Аналогичная тенденция наблюдается у респондентов с отсутствием/наличием достижений в учебе (участие во всероссийских олимпиадах по предметам; участие в региональных олимпиадах; высокие баллы ЕГЭ, выше 90 по одному из предметов). Наибольшая доля респондентов с активной миграционной позицией наблюдается при взаимодействии этих признаков: с одной стороны, низкая оценка качества образования в регионе, с другой – наличие учебных достижений.

Рассмотрим другой пример. В рамках фактора миграции «социальные связи» выявлен миграционный драйвер «миграционные намерения окружения – общительность» (в данном случае оба предиктора бинарные). Наличие в окружении респондента большого числа людей, которые хотели бы жить и работать за пределами региона, увеличивает шанс на его активные миграционные действия, а регулярные контакты с родственниками и друзьями из других регионов кратко увеличивают эту вероятность.

Результаты проведенного исследования подтверждают наличие мотивационных драйверов миграции, представляющих собой сочетания личностных характеристик индивида и особенностей внешней среды, побуждающих к активным миграционным действиям. Используемый нами подход позволяет не просто увидеть работу какого-то одного фактора миграции, а изучить сложное сочетание условий внешней среды и особенностей личности, оказывающих нелинейное комбинированное воздействие на принятие решения о миграции, что обогащает имеющийся инструментарий анализа миграционных процессов и актуализирует дальнейшие исследования в этом направлении.

В то же время необходимо отметить, что представленная методика и использованный инструментарий обладают потенциалом к совершенствованию. Одним из направлений их совершенствования является уточнение категорий и отдельных показателей, применяемых для оценки условий внешней среды и характеристик индивида в опросной анкете. Другим направлением развития методики является использование альтернативных математических инструментов. В частности, в ходе исследования хорошо себя показали, но не были включены в методику такие инструменты, как деревья решений (decision trees) и альтернативные методы классификации.

Разработанная методика может быть применена к отдельным территориям и регионам России, к различным категориям населения, она позволяет выявлять мотивационные драйверы не только исходящей миграции, но и входящей. Комплексное изучение детерминант миграции населения, учитывающее как условия внешней среды, так и индивидуальные особенности личности, имеет практическую значимость при корректировании социально-экономической и миграционной политики, проводимой в регионе.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков
человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы,
перспективы»*

Список источников

1. Вакуленко Е.С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. – 2019. – Т. 55. – С. 113–138. DOI: 10.24411/1993-7601-201910013.
2. Вячеславов В.Н. Типологизация факторов, влияющих на миграцию населения // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7 (27). – С. 1–11.
3. Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад-2021 / Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Абдульязнов А.Р. и др.; отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 138 с.
4. Долженко Р.А., Лобова С.В. Поиск базовых детерминант миграционного поведения молодежи // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 1 (105). – С. 97–118. DOI: 10.15372/REG20200105.
5. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 36–51.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.) // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2022. – Т. 86, № 3. – С. 353–373. DOI: 10.31857/S2587556622030074.
7. Латова Н.В. Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 429–450. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1692.
8. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. – Новосибирск: Наука, 1974. – 318 с.
9. Методология и методы изучения миграционных процессов: Междисциплинар. учеб. пособие / Центр миграционных исследований; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М., 2007. – 370 с.
10. Микрюков Н.Ю., Письменная Е.Е., Безвербный В.А., Рязанцев С.В. Современные тенденции межрегиональных миграций в России // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2020. – № 3-4. – С. 15–30. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-02.
11. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутривнутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
12. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России //

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – С. 130–153. DOI: 14515/monitoring.2020.5.1619.

13. *Мукомель В.И.* Миграционные исследования: социологическое измерение // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 200–210.

14. *Петраченко Р.Э.* Причины миграции молодежи Республики Коми (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Сер.: Теория и практика управления. – 2022. – № 4 (38). – С. 85–91.

15. *Рыбаковский Л.Л.* История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Экон-Информ, 2017. – 234 с.

16. *Рыбаковский Л.Л.* Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. – 2017. – Т. 20, № 2. – С. 51–61.

17. *Симакова А.В.* Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 134–144.

18. *Социальные проблемы трудовых ресурсов села: на материалах Западной Сибири* / Под ред. Т.И. Заславской. – Новосибирск: Наука, 1968. – 346 с.

19. *Трофимова О.В.* Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. – 2020. – № 5. – С. 53–66. DOI: 10.31857/S086904990011155-2.

20. *Чудиновских О.С., Степанова А.В.* О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. – 2020. – № 1. – С. 54–82. DOI:10.17323/demreview.v7i1.10820.

21. *Czaika M., Reinprecht C.* Migration drivers: Why do people migrate? // Introduction to Migration Studies: An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity / Ed. by P. Scholten. – Cham: Springer, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8_3.

22. *Kumpikaitė V., Zickute I.* Synergy of migration theories: Theoretical insights // Engineering Economics. – 2012. – No. 23 (4). – P. 387–394. DOI: 10.5755/j01.ee.23.4.1240.

23. *Wang L., Huang J., Cai H., Liu H., Lu J., Yang L.* A study of the socioeconomic factors influencing migration in Russia // Sustainability. – 2019. – No. 11 (6). – Article 1650. DOI: 10.3390/su11061650.

24. *Wickramasinghe A.A.I.N., Wimalaratana W.* International migration and migration theories // Social Affairs: A Journal for the Social Sciences. – 2016. – No. 1 (5). – P. 13–32.

Информация об авторах

Степуть Ирина Сергеевна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, заместитель директора Центра бюджетного мо-

ниторинга Петрозаводского государственного университета (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: stepus@petsru.ru.

Аверьянов Александр Олегович (Россия, Петрозаводск) – аспирант, ведущий специалист Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: aver@petsru.ru.

Хотеева Евгения Александровна (Россия, Петрозаводск) – аспирант, ведущий специалист Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: ehoteeva@petsru.ru.

Симакова Анна Васильевна (Россия, Петрозаводск) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: simakova@petsru.ru.

Шабеева Светлана Владимировна (Россия, Петрозаводск) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Управления научных исследований Петрозаводского государственного университета; заместитель директора ООО «Опти-Софт» (185035, Петрозаводск, просп. Ленина 31). E-mail: sigova@petsru.ru.

DOI: 10.15372/REG20240305

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 98–125

**I.S. Stepus, A.O. Averyanov, E.A. Khoteeva,
A.V. Simakova, S.V. Shabaeva**

**MOTIVATIONAL DRIVERS OF MIGRATION
(Case Study of Young People in Russia’s Arctic Zone)**

The article introduces an approach to studying migration determinants through the socio-psychological essence of this phenomenon. The authors propose viewing migration behaviors as outcomes arising from interactions between environmental factors and individual personality traits, conceptualized under the complex framework of motivational drivers of migration.

A step-by-step methodology has been developed to identify these motivational drivers, aiming to pinpoint combinations of external factors and personal characteristics most strongly correlating with migration activity. This method incorporates various statistical techniques such as factor analysis, regression analysis, chi-square independence tests, cluster analysis, and decision trees. It was applied to priority geostrategic territories among young people in Russia's Arctic Zone. Empirical data for the study were derived from a survey of 8,600 individuals aged 16–35 residing in Arctic regions across nine constituent entities of the Russian Federation.

The research identifies 10 motivational drivers influencing youth migration from Arctic regions, categorized into four groups: professional opportunities, educational prospects, climate and environmental factors, and social connections. The structural components of these motivational drivers are specified, and their significance is interpreted in depth.

These findings enhance existing tools for analyzing migration processes by enabling the examination of complex configurations of motivational drivers, wherein environmental conditions and personality traits interact nonlinearly to influence migration decisions. Understanding these drivers of migration holds practical implications for effectively adjusting regional socio-economic and migration policies.

Keywords: determinants of migration; motivational drivers; youth migration; motivation; factors and causes of migration; Russia's Arctic Zone

For citation: *Stepus, I.S., A.O. Averyanov, E.A. Khoteeva, A.V. Simakova & S.V. Shabaeva. (2024). Motivatsionnye drayvery migratsii naseleniya (na primere molodezhi Arkticheskoy zony Rossii) [Motivational drivers of migration (case study of young people in Russia's Arctic Zone)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 98–125. DOI: 10.15372/REG20240305.*

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects”

References

1. *Vakulenko, E.S. (2019). Motivy vnutrenney migratsii naseleniya v Rossii: chto izmenilos v poslednie gody? [Motives for internal migration in Russia: What has chan-*

ged in recent years?]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 55, 113–138. DOI: 10.24411/1993-7601-201910013.

2. *Vyacheslavov, V.N.* (2015). Tipologizatsiya faktorov, vliyayushchikh na migratsiyu naseleniya [Typology of factors influencing migration]. *Voprosy territorialnogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 7 (27), 1–11.

3. *Rostovskaya, T.K., A.A. Shabunova* (Eds.), *A.R. Abdulzyanov et al.* (2021). Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsionalnyy demograficheskiy doklad-2021. [Demographic Health of Russian Regions: National Demographic Report-2021]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, 138.

4. *Dolzhenko, R.A. & S.V. Lobova.* (2020). Poisk bazovykh determinant migratsionnogo povedeniya molodezhi [Determinants of migration behavior of youth and impact of migration for Altai Krai]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (105), 97–118. DOI: 10.15372/REG20200105.

5. *Ivakhnyuk, I.V.* (2015). Razvitie migratsionnoy teorii v usloviyakh globalizatsii [The development of migration theory in terms of globalization]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 1, 36–51.

6. *Karachurina, L.B., N.V. Mkrtychyan & M.S. Savoskul.* (2022). Novye dannye i traditsionnye podkhody: kak rossiyskie geografy izuchayut migratsiyu naseleniya (2010–2021 gg.) [New data and traditional approaches: How Russian geographer’s study population migration (2010–2021)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], Vol. 86, No. 3, 353–373. DOI: 10.31857/S2587556622030074.

7. *Latova, N.V.* (2021). Migratsionnye ustanovki i predpochteniya rossiyskikh spetsialistov v kontekste kontseptsii chelovecheskogo kapitala [Migration attitudes and preferences of Russian specialists in the context of the human capital concept]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4, 429–450. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1692.

8. *Zaslavskaya, T.I. & R.V. Ryvkina* (Eds.). (1974). Metodologicheskie problemy sotsiologicheskogo issledovaniya mobilnosti trudovykh resursov [Methodological Problems of Sociological Research on Labor Mobility]. Novosibirsk, Nauka Publ., 318.

9. *Zayonchkovskaya, Zh., I. Molodikova & V. Mukomel* (Eds.). (2007). Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: Mezhdistsiplinarnyye. ucheb. posobie [Methodology and Methods for Studying Migration Processes: Interdisciplinary manual]. Migration Research Center. Moscow, 370.

10. *Mikryukov, N.Yu., E.E. Pismennaya, V.A. Bezverbnyy & S.V. Ryazantsev.* (2020). Sovremennyye tendentsii mezhtsionalnykh migratsiy v Rossii [Modern trends of interregional migration in Russia]. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Scientific Review. Series 2: Human Science], 3–4, 15–30. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-02.

11. *Mkrtychyan, N.V.* (2020). Problemy v statistike vnutrirossiyskoy migratsii, porozhdennyye izmeneniyami metodiki ucheta v 2011 g. [Problems in the statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 7 (1), 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.

12. *Mkrтчyan, N.V. & Yu.F. Florinskaya.* (2020). Pochemu lyudi uezzhayut iz onidkh regionov i priezzhayut v drugie: motivy mezhregionalnoy migratsii v Rossii [Why some people leave certain regions in favor of others: Motives behind interregional migration in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5, 130–153. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1619.

13. *Mukomel, V.I.* (2018). Migratsionnye issledovaniya: sotsiologicheskoe izmerenie [Migration research: sociological dimension]. In: V.A. Tishkov (Ed.), B.A. Sinanov (Comp.). *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsionalnykh otnosheniy i istorii natsionalnoy politiki. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsionalnykh otnosheniy*, 19 dekabrya 2017g., g. Moskva [Scientific Research in the Field of Ethnicity, Interethnic Relations and the History of National Politics. Proceedings of the Session of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the Complex Problems of Ethnicity and Interethnic Relations, December 19, 2017, Moscow]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 200–210.

14. *Petrachenkov, R.E.* (2022). Prichiny migratsii molodyozhi Respubliki Komi (po rezultatam fokus-grupпового issledovaniya) [Causes of migration of young people of the Komi Republic based on the results of a focus group study]. *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Ser.: Teoriya i praktika upravleniya* [Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Administration. Series: Theory and Practice of Management], 4 (38), 85–91.

15. *Rybakovsky, L.L.* (2017). Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2: Migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty [History and Theory of Migration. Book 2: Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 234.

16. *Rybakovsky, L.L.* (2017). Faktory i prichiny migratsii naseleniya, mekhanizm ikh vzaimosvyazi [Factors and causes of migration, mechanism of their relationship]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 20, No. 2, 51–61.

17. *Simakova, A.V.* (2019). Migratsionnye namereniya molodezhi (post)promyshlennykh monogorodov Arkticheskoy zony Rossii: ostatsya ili uekhat? [Youth migratory intentions at (post) extractive Arctic mono-industrial cities: Live or leave?]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], Vol. 18, No. 2, 134–144.

18. *Zaslavskaya, T.I.* (Ed.). (1968). *Sotsialnye problemy trudovykh resursov sela: na materialakh Zapadnoy Sibiri* [Social Problems of Labor Resources in the Village (on the Materials of Western Siberia)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 346.

19. *Trofimova, O.V.* (2020). Evropeyskie podkhody k teoriyam migratsii: osobennosti formirovaniya [European approaches to theories of migration: Specifics of formation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 5, 53–66. DOI: 10.31857/S086904990011155-2.

20. *Chudinovskikh, O.S. & A.V. Stepanova.* (2020). O kachestve federalnogo statisticheskogo nablyudeniya za migratsionnymi protsessami [On the quality of the federal statistical observation of migration processes]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 7 (1), 54–82. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10820.

21. *Czaika, M. & C. Reinprecht.* (2022). Migration drivers: Why do people migrate? In: P. Scholten (Ed.). Introduction to Migration Studies: An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. Cham, Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8 3.

22. *Kumpikaite, V. & I. Zickute.* (2012). Synergy of migration theories: Theoretical insights. *Engineering Economics*, 23 (4), 387–394. DOI: 10.5755/j01.ee.23.4.1240.

23. *Wang, L., J. Huang, H. Cai, H. Liu, J. Lu & L. Yang.* (2019). A study of the socioeconomic factors influencing migration in Russia. *Sustainability*, 11 (6), Article 1650. DOI: 10.3390/su11061650.

24. *Wickramasinghe, A.A.I.N. & W. Wimalaratana.* (2016). International migration and migration theories. *Social Affairs: A Journal for the Social Sciences*, 1 (5), 13–32.

About Authors

Stepus, Irina Sergeevna (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director of the Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: stepus@petsru.ru.

Averyanov, Alexander Olegovich (Petrozavodsk, Russia) – postgraduate student, Leading Specialist at the Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: aver@petsru.ru.

Khoteeva, Evgenia Alexandrovna (Petrozavodsk, Russia) – Leading Specialist at the Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: ehoteeva@petsru.ru.

Simakova, Anna Vasilievna (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: simakova@petsru.ru.

Shabaeva, Svetlana Vladimirovna (Petrozavodsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher at the Department of Scientific Research, Petrozavodsk State University; Deputy Director of Opti-Soft LLC (31, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185035, Russia). E-mail: sigova@petsru.ru.

Поступила в редколлегию 06.09.2023.

После доработки 27.12.2023.

Принята к публикации 10.01.2024.

И.А. Кабашева, И.А. Рудалева

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ

Цель статьи – выявление взаимосвязи между качеством жизни населения в региональном пространстве и поведенческими характеристиками его здоровьесбережения. Проведен анализ поведенческих установок людей и характеристик их возможного выбора между стремлением быть здоровыми и реализуемыми или действиями по улучшению и сбережению собственного здоровья в различных группах регионов. Такой ракурс исследования позволяет раскрыть ресурсные механизмы, способствующие сохранению здоровья населения и достижению более высокой продолжительности жизни в зависимости от условий и качества жизни в регионе проживания.

В ходе исследования была проведена группировка регионов по качеству жизни. Эмпирической базой исследования послужили данные РМЭЗ НИУ ВШЭ. Основным способом тестирования гипотез являлась проверка статистически значимых различий респондентов между группами регионов. Установлено, что объективные показатели и субъективные оценки состояния здоровья населения выше в регионах с высоким и относительно высоким качеством жизни.

Анализ поведенческих характеристик здоровьесберегающего поведения показал следующее: жители регионов с высоким и относительно высоким качеством жизни в среднем чаще бывают на приеме у врача и участвуют в профилактических медосмотрах; мужчины менее ответственно, чем женщины, подходят к вопросам здоровьесбережения, склонны откладывать посещение врачей и медицинские осмотры; уровень физической активности любой интенсивности выше у жителей регионов с высоким качеством жизни, и, соответственно, наоборот. В регионах с относительно низким качеством жизни у населения фор-

мируется пассивная модель здоровьесберегающего поведения. Следование стратегии здоровьесбережения у мужчин сильнее влияет на ожидаемую продолжительность их жизни. Решение проблемы низкой продолжительности жизни видится в популяризации здорового образа жизни, в развитии необходимой доступной инфраструктуры, в совершенствовании организации занятий спортом, физической культурой и в профилактических медосмотрах.

Ключевые слова: здоровьесбережение; поведение населения; качество жизни; состояние здоровья; регионы; медицинское обслуживание; физическая культура

Для цитирования: Кабашева И.А., Рудалева И.А. Здоровьесберегающее поведение населения в регионах с разным качеством жизни // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 126–153. DOI: 10.15372/REG20240306.

ВВЕДЕНИЕ

Качество жизни является одной из основных концептуальных категорий в социально-экономической практике, обобщающей представления о деятельности активности людей и институтах, реализующих их потребности и интересы [1]. Категория «качество жизни» раскрывает содержательную характеристику жизнедеятельности людей, социальных групп и общества в целом, включая комплекс объективных и субъективных факторов: здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовой комфорт, психологический климат и т.д. [18]. Одновременно относительная стоимостная характеристика (материальная обеспеченность) их жизни, акцентирующая внимание на личном и общественном потреблении, раскрывается категорией «уровень жизни». Показатель качества жизни часто используется как показатель уровня социально-экономического развития в сравнительных исследованиях стран, регионов или социальных групп населения [3; 8]. Факторы воздействующие на качество жизни, весьма разнообразны, а с учетом наличия множества объективных и субъективных оценок в его трактовке это делает предмет нашего исследования особенно актуальным.

В научной литературе существуют разнообразные классификации факторов качества жизни населения: выделяют факторы внешние и внутренние, объективные и субъективные. Но в центре этого научного поиска находятся население региона и его динамика как конечный результат и стратегическая цель социально-экономического развития страны [6].

Результаты исследований указывают на то, что различные аспекты качества жизни в регионе имеют большое значение для формирования модели здоровьесберегающего поведения [37; 38] в его объективном и субъективном измерениях. Субъективная оценка качества здоровья представлена уровнем самоощущений и собственных представлений о возможностях выполнять повседневные функции и обязанности, реализовывать свои планы и намерения [19]. Одновременно принимаются во внимание удовлетворенность жизнью в целом и эмоциональная составляющая, позволяющая индивидам даже при объективно плохом самочувствии положительно оценивать уровень своего здоровья [12]. Таким образом, самооценка здоровья выступает весьма чувствительным индикатором качества жизни населения [21].

Поэтому предпринятое авторами данной статьи исследование актуально и предполагает выявление и оценивание взаимосвязи между здоровьесбережением населения и качеством его жизни в различных российских регионах. Сформулированные авторами гипотезы основываются на фундаментальных научных трудах представителей Института экономики РАН и ЦЭМИ РАН, которые экономико-математическими методами подтвердили взаимосвязь качества и уровня жизни населения с социально-экономическими характеристиками развития российских регионов [17], отношением россиян к здоровью и уровнем их материального благополучия, образованием, служебным положением, местом проживания и т.д. [4], высокой значимостью ценности здоровья россиян и их низкой ответственностью в практической реализации здорового образа жизни [14; 15].

Первая авторская гипотеза заключается в том, что проживание в экономически благополучных регионах определяет формирова-

ние здоровьесберегающего поведения населения. Вторая гипотеза предполагает бóльшую ответственность женщин по сравнению с мужчинами в вопросах здоровьесбережения.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Социально-экономические научные исследования по проблемам здоровьесбережения основное внимание сосредоточивают на выяснении причин и поведенческих характеристик действий индивидов по поддержанию своего здоровья [30]. Их авторы интересуются возможной мотивацией людей к поддержанию здорового образа жизни и изменению своих поведенческих привычек для достижения адаптивных результатов [22]. Основываясь на этой позиции, мы рассматриваем здоровьесбережение как систему поведенческих характеристик человека, направленных на сохранение и поддержание здоровья, в том числе на выявление ранней симптоматики с помощью профилактических мероприятий. То есть идея состоит в том, что приверженность здоровому образу жизни формирует соответствующие поведенческие установки индивида, вынуждающие его корректировать свою текущую, каждодневную жизнедеятельность в контексте приоритетности здоровья. Поэтому мы подвергнем анализу поведенческие установки людей и характеристики их возможного выбора между стремлением быть здоровыми и реализацией ими конкретных действий по улучшению и сбережению собственного здоровья. Такой подход позволит выявить потенциальные ресурсы субъекта жизнедеятельности, способствующие удовлетворительному самочувствию и повышению качества жизни.

Действительно, в процессе жизнедеятельности человека существует значительный разрыв между его заявлениями о высокой ценности здоровья и их практической реализацией в каждодневных решениях и действиях [2]. К тому же, учитывая то обстоятельство, что субъективное восприятие здоровья служит показателем качества жизни человека, необходимо отметить неоднозначность поведенческих реакций по улучшению своего здоровья. Так, человек, идентифицирующий себя как приверженец ЗОЖ, одновременно допускает на-

личие некоторых вредных привычек (нарушение режима питания, сна и отдыха, малоподвижный образ жизни и т.д.), не укладывающихся в рамки здоровьесберегающего поведения. Искаженное понимание принципов ЗОЖ выступает проявлением субъективных характеристик качества жизни населения. Это позволяет некоторым ученым заявлять о неустойчивости и размытости внутренних факторов самомотивации человека к здоровьесберегающему поведению [2], об «отсталом характере поведенческих стратегий» [10; 13]. Напротив, внешние факторы, такие как стереотипные установки о приоритетности здоровья в достижении жизненного успеха, современные стандарты красоты, социально одобряемое поведение, оказывают значительное влияние на здоровьесбережение. Субъективные показатели качества жизни человека с увеличением возраста подвержены значительному снижению, что совпадает с показателями ухудшения здоровья. И наоборот, здоровый образ жизни позволяет достигать высокого качества жизни, формируя перспективу будущего благополучия [11].

Здоровье человека подвержено воздействию весьма многообразных факторов: наследственности, образа жизни, окружающей среды, экологической обстановки и др. При этом научные исследования убедительно доказывают, что из всего многообразия факторов около половины приходится на образ жизни, иначе говоря, это поведенческие факторы [31; 36]. Воздействие факторов образа жизни, а именно низкой физической нагрузки, гиподинамии, курения табака, воздействия солнечного света, избыточного веса или ожирения, употребления алкоголя и др., всесторонне анализируется российскими и зарубежными учеными [39]. Результаты недавнего комплексного обследования пищевого поведения людей, оцениваемого с помощью диетического скрининга, показали низкую степень ответственности в отношении здоровья [25]. Отсюда можно предположить, что воздействуя на изменение факторов образа жизни, кроме не поддающихся модификации – старения и наследственных мутаций, можно значительно улучшить качество здоровой жизни.

И здесь остро встает вопрос о наличии возможностей для населения в выборе здоровьесберегающего поведения: о повышении осведомленности о факторах риска здоровью, профилактике и раннем

выявлении заболеваний, поощрении здорового образа жизни [39], обеспечении доступности современной высокотехнологичной медицины [7] и т.д. Зачастую при низкой грамотности российского населения в вопросах здоровья и при негативных поведенческих характеристиках жизнедеятельности люди бывают весьма осведомленными о возможных рисках нездорового поведения [35]. Пренебрежительное отношение россиян к своему здоровью, близорукость при принятии решений относительно собственного здоровья на практике проявляются в постоянстве вредных привычек, в отсутствии интереса к диспансеризации и профилактическим мероприятиям. Такой тип поведения присущ особенно мужской части российского населения [7]. И это при том, что именно неправильный образ жизни является основной причиной сверхсмертности у российских мужчин [15].

В научных исследованиях последних лет все больше дискуссий возникает по поводу первостепенного воздействия факторов окружающей среды на здоровьесбережение населения. Речь идет о местонахождении торговых точек по продаже высококалорийных продуктов с низким содержанием питательных веществ [26; 32], о продаже алкоголя [16; 27], о плотности ресторанов быстрого питания [23; 29], о слабой доступности объектов физической активности [24] и т.д. В зарубежных работах было показано возрастание риска ожирения из-за нездоровой пищевой среды (магазины, торгующие продукцией навынос, рестораны и кафе быстрого питания и др.) рядом с местом проживания людей [28; 33]. Это подтверждается результатами других исследований, свидетельствующими, что чем более широкий доступ к полезным для здоровья факторам окружающей среды (спортивные площадки, овощные и фруктовые киоски и т.д.) имеет человек, тем с большей вероятностью у него формируется и реализуется здоровьесберегающее поведение, и, соответственно, наоборот [34]. Однако надо заметить, что эти выводы не совсем однозначны, поскольку данные для анализа точных показателей воздействия окружающей среды весьма ограничены, например местонахождение дома можно рассматривать в качестве косвенного показателя здоровьесбережения.

Неоднозначна взаимосвязь между здоровьесбережением населения в части его репродуктивных установок и качеством жизни. Ка-

жающаяся очевидной взаимосвязь возрастания репродуктивных установок населения и увеличения рождаемости при повышении качества жизни и наоборот [5] ставится под сомнение выводами ученых о том, что высокая рождаемость может быть и при низком качестве жизни. Примером тому являются депрессивные российские муниципальные образования [9].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным способом тестирования сформулированных гипотез явилось сравнение моделей здоровьесберегающего поведения населения в выделенных группах регионов по качеству жизни (проверка статистически значимых различий между группами с помощью однофакторного дисперсионного анализа и сравнения средних).

Для проведения группировки регионов использовался рейтинг регионов России по качеству жизни за 2021 г., подготовленный РИА Рейтинг на основе данных Росстата, Минздрава, Минфина, Центробанка и данных из других открытых источников¹.

В качестве эмпирической базы исследования использованы репрезентативные данные 30-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, содержащие материалы обследования за 2021 г.² Объектом исследования выступили все респонденты репрезентативной выборки.

Объективными показателями, характеризующими состояние здоровья населения в регионах, являются общие коэффициенты смертности населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, доля инвалидов в общей численности населения. В качестве

¹ См.: *Рейтинг* регионов по качеству жизни – 2021. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения: 20.08.2023).

² См.: «*Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)*», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. – URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 20.08.2023).

субъективных факторов и показателей были выделены ответы респондентов, полученные в ходе опросов в рамках РМЭЗ.

При проведении исследования была использована программа IBM SPSS Statistics.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе данных рейтинга регионов России по качеству жизни за 2021 г. от РИА Рейтинг авторами была осуществлена группировка регионов с выделением четырех групп (квартилей) (новые регионы страны в рейтинг не вошли и в работе не рассматривались): I квартиль (0,76–1,00 балла) – три региона; II квартиль (0,51–0,75 балла) – 30 регионов; III квартиль (0,26–0,50 балла) – 51 регион; IV квартиль (0,00–0,25 балла) – один регион.

Регионы I квартиля (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область) ожидаемо являются наиболее привлекательными с позиции оценки качества жизни в них. IV квартиль представлен единственным российским регионом – Республикой Тыва. К группе регионов с относительно высоким качеством жизни (II квартиль) относятся регионы, богатые ресурсами, имеющие выход к морю, и регионы – соседи регионов I квартиля. Подтверждение этим выводам находим в работах [20; 37]. Считаем, что соседние регионы имеют возможности для меж- и внутриотраслевого сотрудничества, включения в цепочки добавленной стоимости, пространственного перелива роста, что позволит им в перспективе перейти в более высокий квартиль.

Начать анализ дифференциации уровня здоровья в квартилях целесообразно с агрегированных показателей (рис. 1).

Медиана продолжительности жизни в регионах I квартиля составляет 72,51 года, в то время как во II и III квартилях она значительно ниже – на уровне 69,00 года. Видно, что в сравнении со средними значениями в этих квартилях медиана ниже, а значит, в половине их регионов продолжительность жизни меньше – 69,16 и 69,02 года соответственно. Медиана общих коэффициентов смертности в регионах II и III квартилей также оказалась ощутимо выше (17,70

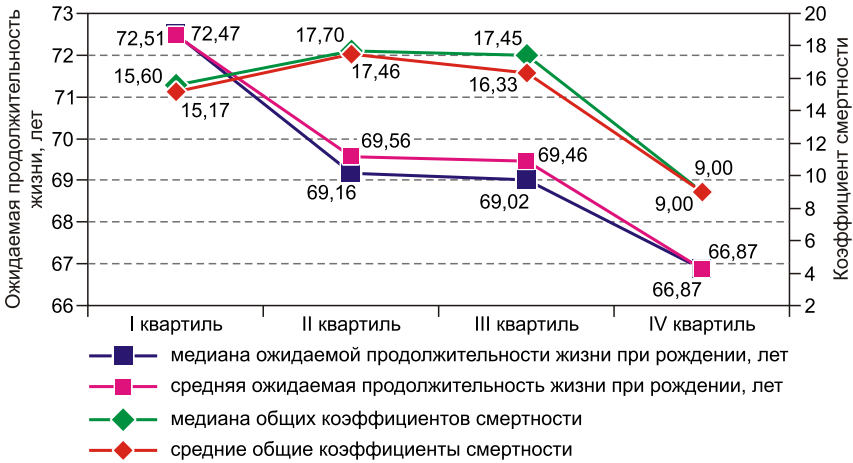

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (левая ось) и уровень смертности (правая ось) населения в квартилях регионов

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (см.: Регионы России: Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

и 17,45 года) в сравнении с регионами I квартиля. В Республике Тыва (IV квартал) коэффициент смертности низкий: 9,00. Вариация общих коэффициентов смертности по регионам III квартиля высокая: в половине регионов с относительно низким качеством жизни коэффициент смертности выше 17,45.

Затем были отобраны характеристики социально-экономического статуса респондентов и индикаторы, позволяющие идентифицировать уровень здоровья населения (табл. 1). При этом поскольку в базе РМЭЗ нет ответов респондентов, проживающих в регионе IV квартиля, в дальнейшем анализе он отсутствует.

В целом доля респондентов, оценивающих уровень своего здоровья как приемлемое, составляет более 85,0%. Если рассматривать данный показатель по квартилям, то можно увидеть, что в I квартиля эта доля самая высокая – 87,3%, во II – 85,4%, в III – 85,8%. При этом есть определенная вариация в оценках уровня здоровья (рис. 2).

Таблица 1

**Субъективные оценки состояния здоровья населения, количество
ответивших, чел., в скобках % по столбцу***

Самооценка здоровья	Все респонденты, n=12 069	I квартиль, n=2 010	II квартиль, n=4 005	III квартиль, n=6 054
Респонденты, оценивающие уровень своего здоровья как очень хорошее; хорошее; среднее, не хорошее, но и не плохое (ЗМЗ)**	10 274 (85,1)	1 755 (87,3)	3 421 (85,4)	5 098 (84,2)
Из них:				
мужчины	5 201 (43,0)	833 (41,4)	1 728 (43,1)	2 640 (43,6)
женщины	6 868 (57,0)	1 177 (58,6)	2 277 (56,9)	3 414 (56,4)
Мужчины, оценивающие здоровье как хорошее и очень хорошее	4 519 (86,8)	734 (88,1)	1 519 (87,9)	2 266 (85,8)
Женщины, оценивающие здоровье как хорошее и очень хорошее	5 940 (86,4)	1 035 (87,9)	1 929 (84,7)	2 976 (87,1)

Примечания: * – исключены ответы респондентов «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа»; ** – код вопроса анкеты.

Источник: составлено авторами по данным ПМЭЗ (URL: <http://www.hse.ru/rlms>).

Так, 4,7% населения регионов III квартиля оценивают состояние своего здоровья как отличное, в то время как в I квартиле таких оказалось лишь 1,6%, во II – 1,7%. В то же время доля оценок состояния здоровья как хорошего больше в I квартиле – 43,5%, что выше уровня регионов других квартилей, т.е. наблюдается незначительная вариация субъективных оценок состояния здоровья. Доля мужчин, положительно оценивающих свое здоровье, выше доли женщин с такими же оценками в I и II квартилях. Если рассматривать объективный показатель состояния здоровья населения «доля инвалидов», то выясняется, что в регионах III квартиля с относительно низким качеством жизни 16,2% опрошенных имеют личную группу инвалидности (в эту долю не вошли респонденты, у которых инвалидом

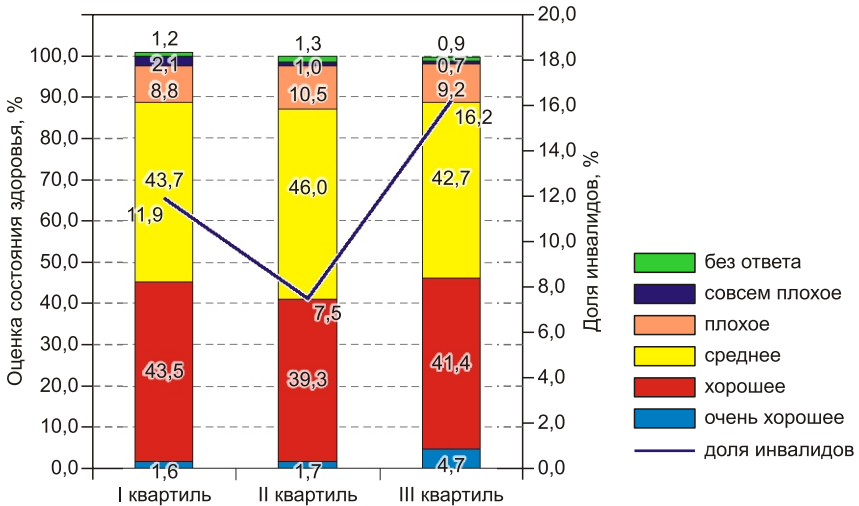

Рис. 2. Субъективная оценка состояния здоровья (левая ось) и уровень инвалидизации (правая ось) населения квартилей регионов

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ (URL: <http://www.hse.ru/rf/ms>)

является ребенок). Таким образом, и субъективные оценки респондентов, и объективные показатели свидетельствуют о том, что проживание в регионе с высоким качеством жизни положительно коррелирует с самочувствием и состоянием здоровья населения.

Рассмотрим далее частоту посещений врача в течение года – один из основных критериев оценки здоровьесберегающего поведения (табл. 2).

Проживающие в регионах с высоким и относительно высоким качеством жизни в среднем чаще бывают на приеме у врача. Так, 17,5% жителей регионов I квартиля делают это от одного до нескольких раз в месяц против 8,7 и 8,4% жителей регионов II и III квартилей соответственно. Последние, как правило, посещают врача до двух-трех раз в год (72,5 и 71,3%). Эти выводы подтверждают и данные по участию в профилактических медосмотрах: 26,7 и 21,6% во II и III квартилях против 20,1% в I квартиле. Доля обращающихся в медицинские учреждения при различных недомоганиях

Таблица 2

Субъективные оценки аспектов здоровьесберегающего поведения населения, количество ответивших, чел., в скобках % по столбцу*

№ п/п	Вопросы анкеты	Все респонденты, n=12 069	I квартиль, n=2 010	II квартиль, n=4 005	III квартиль, n=6 054
1	Частота посещения врача в течение года (ZL5.0)**: <ul style="list-style-type: none"> • несколько раз в месяц, один раз в месяц • два-три раза, один раз в течение года • реже одного раза в год 	1 214 (10,0) 8 459 (70,0) 2 244 (18,5)	352 (17,5) 1 233 (61,3) 406 (20,1)	349 (8,7) 2 905 (72,5) 719 (17,9)	513 (8,4) 4 321 (71,3) 1 119 (18,4)
2	В течение трех последних месяцев были для профосмотра у врача? (ZL26)**	3 013 (24,9)	633 (31,4)	1 071 (26,7)	1 309 (21,6)
3	Что вы сделали, чтобы решить проблемы со здоровьем? (ZL58)** <ul style="list-style-type: none"> • обращались в медицинские учреждения • не обращались к медработникам, занимались лечением самостоятельно 	1 780 (14,7) 2 672 (22,1)	445 (22,1) 414 (20,5)	544 (13,5) 1 019 (25,4)	791 (13,0) 1 239 (20,4)
4	Наличие договора ДМС (ZL2.2)**	366 (3,0)	87 (4,3)	90 (2,2)	189 (3,1)
5	Оплата ДМС работодателем (y13.1.2)**	293 (2,4)	79 (3,9)	71 (1,7)	143 (2,3)

Примечания: * – исключены ответы респондентов «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа»; ** – коды вопросов анкеты.

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ (URL: <http://www.hse.ru/rf/lms>).

также выше в I квартиле – 22,1%, в то время как во II квартиле – 13,5%, в III – 13,0%. Такое отношение к собственному здоровью не

позволяет своевременно диагностировать заболевания, эффективно при первых симптомах купировать их дальнейшее развитие и предотвращать переход в хроническую форму, что косвенно подтверждают выявленные нами ранее более высокий уровень смертности и низкая продолжительность жизни населения в таких регионах (см. рис. 1).

Определенное влияние на развитие здоровьесберегающего поведения может оказывать наличие полиса дополнительного медицинского страхования, который имеется у 4,3% населения регионов I квартиля, а к тому же оплаченный работодателем – у 3,9%. Жители регионов с относительно высоким и относительно низким качеством жизни почти не имеют таких возможностей. Только 2,2 и 3,1% респондентов соответственно являются обладателями таких полисов, и лишь для 1,7 и 2,3% их оплатил работодатель.

Рассмотрим гендерные различия в здоровьесберегающем поведении (табл. 3). Как мужчины, так и женщины в регионах I квартиля чаще обращаются за медицинской помощью в сравнении с жителями других регионов: 13,0% мужчин и 20,6% женщин посещают врача от одного до нескольких раз в месяц. В то время как в регионах II и III квартилей – около 7,0 и 10,0% соответственно. Доля прошедших профилактические медицинские осмотры также небольшая среди населения регионов с относительно низким качеством жизни: всего около 21,0% жителей обоих полов против 30,2% мужчин и 32,3% женщин в регионах I квартиля. Определенный вклад в развитие здоровьесбережения, как уже отмечалось, вносит наличие полиса ДМС, который преимущественно имеют 6,6% мужчин и 2,7% женщин из регионов I квартиля. В более отстающих регионах такой возможностью обладают незначительное число жителей: 2,5% мужчин и 2,0% женщин во II квартиле; 3,6% мужчин и 2,7% женщин в III квартиле.

На наш взгляд, более низкое качество жизни формирует пассивную модель здоровьесберегающего поведения. Обращаться за медицинской помощью при проблемах со здоровьем склонны 18,7% мужчин и 24,5% женщин в регионах с высоким качеством жизни, в регионах с относительно высоким качеством жизни – 11,1 и 15,4% соответственно, в регионах с относительно низким качеством жизни –

Таблица 3

Субъективные оценки аспектов здоровьесберегающего поведения мужчин и женщин, % распределения оценок

Показатель	Все респонденты, n=12 069		I квартиль, n=2 010		II квартиль, n=4 005		III квартиль, n=6 054	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Доля посещающих врача один или несколько раз в месяц	7,7	11,8	13,0	20,6	6,5	10,1	6,7	9,8
Доля посещающих врача один или несколько раз в течение года	67,2	72,2	60,7	61,7	68,4	75,6	68,4	73,6
Доля прошедших профосмотр у врача в течение трех последних месяцев	24,3	25,3	30,2	32,3	26,1	27,1	21,4	21,7
Доля имеющих договор ДМС	3,7	2,4	6,6	2,7	2,5	2,0	3,6	2,7
Доля обращающихся в медицинские учреждения при проблемах со здоровьем	11,9	16,8	18,7	24,5	11,1	15,4	10,4	15,1

Примечание: исключены ответы респондентов «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа».

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ (URL: <http://www.hse.ru/rlms>).

10,4 и 15,1%. Мужчины, таким образом, менее ответственно подходят к вопросам здоровьесбережения, склонны откладывать посещение врачей и медицинские осмотры.

Выявленные гендерные различия здоровьесберегающего поведения также были подтверждены данными статистического наблюдения Росстата по социально-демографическим проблемам³.

В наших расчетах в качестве зависимой переменной была использована ожидаемая продолжительность жизни при рождении,

³ См.: *Выборочное* наблюдение состояния здоровья населения – 2021. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html (дата обращения: 25.08.2023).

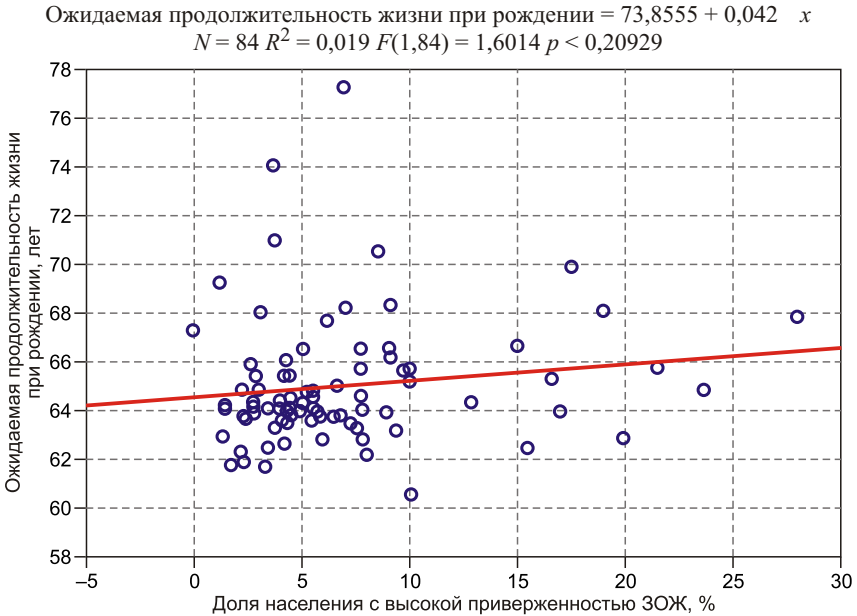

Рис. 3. Зависимость доли населения с высокой приверженностью здоровому образу жизни и ожидаемой продолжительности жизни при рождении (мужчины)

Источник: составлено авторами по данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения – 2021
(URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html)

в качестве независимой – доля населения с высокой приверженностью здоровому образу жизни. Мы получили разные зависимости для мужчин (рис. 3) и женщин (рис. 4). Но следует заметить, что на ожидаемую продолжительность жизни при рождении, помимо приверженности здоровому образу жизни, оказывают влияние многие другие факторы, которые предстоит оценить в наших дальнейших исследованиях.

Выбор мужчинами стратегии здоровьесбережения существеннее влияет на ожидаемую продолжительность жизни в сравнении с женщинами. Значимым элементом здоровьесберегающего поведения яв-

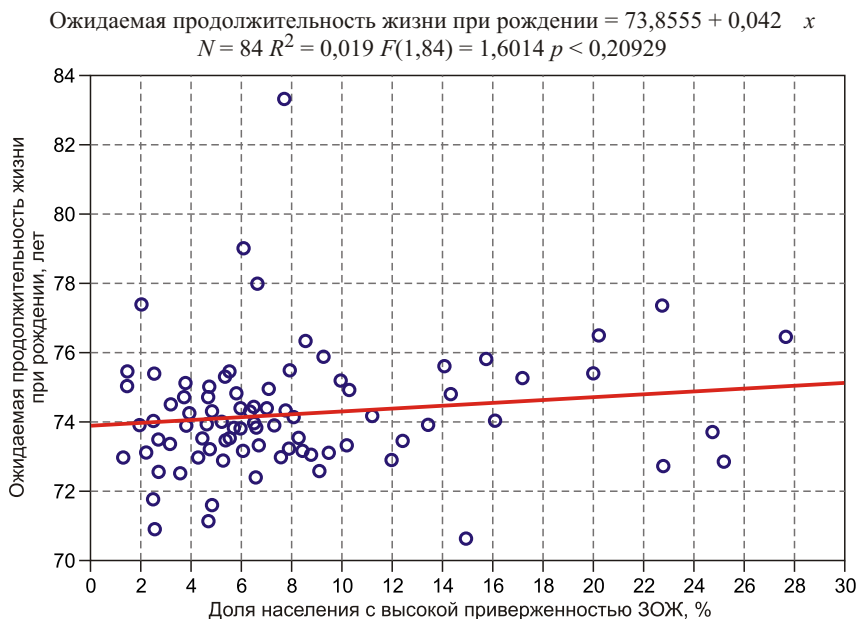

Рис. 4. Зависимость доли населения с высокой приверженностью здоровому образу жизни и ожидаемой продолжительности жизни при рождении (женщины)

Источник: составлено авторами по данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения – 2021
 (URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html)

ляются частота и интенсивность занятий физической культурой. На основе данных РМЭЗ рассмотрим распределение населения в квартилях регионов в зависимости от частоты и интенсивности занятий физкультурой (рис. 5).

В целом в стране 58,1% населения вообще не занимается физкультурой. Однако анализ по квартилям показывает, что доля не занимающихся физкультурой в I квартиле регионов составляет 50,5%, в то время как во II – 58,3%, в III – 60,6%. Легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю выполняют 15,8% жителей регионов I квартиля, тогда как в двух других кварти-

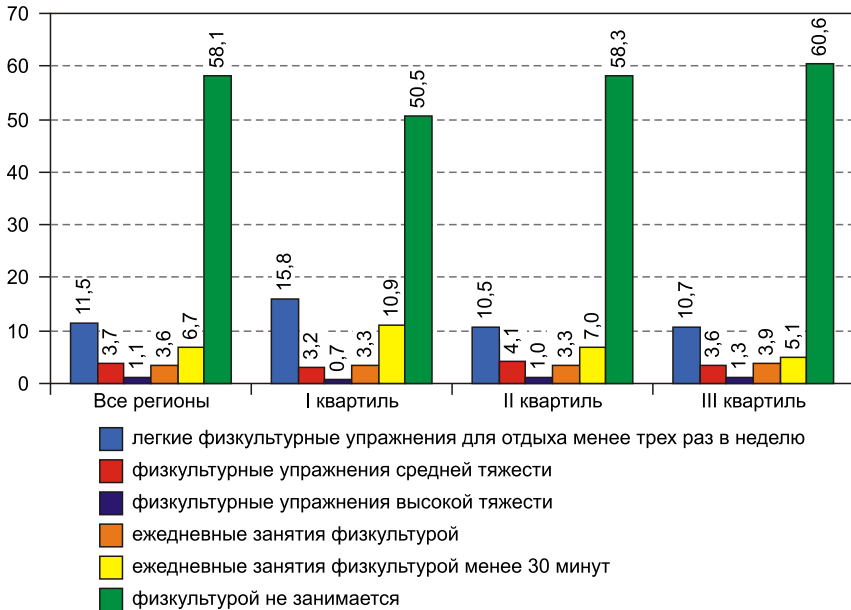

Рис. 5. Распределение населения в квартилях регионов по интенсивности занятий физической культурой, %

Примечание: исключены ответы респондентов «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа»

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ (URL: <http://www.hse.ru/rims>)

лях – только около 10%. Та же тенденция прослеживается и в соотношении ежедневных занятий физкультурой менее 30 минут в день. Уровень физической активности населения любой интенсивности выше в регионах с высоким качеством жизни.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ограничением проведенного исследования является то, что данные РМЭЗ, репрезентативные для страны в целом, не являются таковыми на уровне регионов, поэтому сделанные выводы не могут

претендовать на универсальность. Вместе с тем полученные результаты показывают, что население, проживающее в регионах с высоким качеством жизни, в целом более ответственно относится к собственному здоровью. Первая гипотеза: население, проживающее в экономически благополучных регионах I и II квартилей, имеет более высокий уровень здоровьесбережения – подтвердилась частично. Для регионов II и III квартилей отмечаются незначительные расхождения показателей, характеризующих здоровьесбережение.

Проживание в регионах I квартиля обеспечивает более высокую продолжительность жизни и более низкий уровень смертности в сравнении с проживанием в регионах с относительно высоким и относительно низким качеством жизни. Оценки самочувствия и состояния здоровья как у мужчин, так и у женщин в регионах I квартиля также высокие.

Мужчины менее ответственно подходят к вопросам здоровьесбережения. Рост продолжительности жизни у мужчин более тесно связан с приверженностью здоровому образу жизни в сравнении с женщинами. Решение проблемы низкой продолжительности жизни мужчин в стране видится в популяризации здорового образа жизни, в развитии необходимой доступной инфраструктуры, в совершенствовании организации занятий спортом и физической культурой, в профилактических медосмотрах.

Готовность в случае плохого самочувствия обращаться за медицинской помощью, частота посещений врачей в течение года, участие в профилактических медосмотрах, количество приобретаемых полисов ДМС выше в регионах I квартиля. Рост качества жизни влияет и на активность занятий физкультурой. Население в регионах с высоким качеством жизни имеет активную модель здоровьесберегающего поведения.

Результаты данного исследования могут быть использованы для управления качеством жизни населения в различных регионах Российской Федерации. Доказанная взаимосвязь здоровьесбережения и качества жизни позволит находить оптимальные механизмы воз-

действия для стимулирования рационального поведения российского населения по поддержанию здорового образа жизни. Детерминанты качества жизни человека постоянно изменяются, но непреложным остается выбор в пользу высокого уровня жизнеобеспечения и здоровья населения российских регионов.

Список источников

1. *Бобков В.Н., Вершинина М.А., Бобков Н.В.* К вопросу о теоретико-методологических основах идентификации категорий «качество жизни» и «уровень жизни населения» // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В.В. Локосов, В.Г. Доброхлеб, М.В. Беликова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – С. 281–284. DOI: 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.56.
2. *Вяткина Н.Ю., Рожков И.В.* Особенности приверженности жителей г. Москвы здоровому образу жизни: результаты анкетного опроса // Социология медицины. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 71–82. DOI: 10.17816/socm109425.
3. *Данилова И.В., Савельева И.П., Резепин А.В.* Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 31–48. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-3.
4. *Журавлева И.В., Лакомова Н.В.* Ответственность за здоровье: сравнительный анализ поведенческих практик // Journal of Science. Lyon. – 2023. – № 46. – С. 25–31.
5. *Зырянова М.А.* Рождаемость и репродуктивные установки населения до и после ухудшения эпидемиологической ситуации // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 4. – С. 903–923. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923.
6. *Колчина Н.О.* Факторы качества жизни регионального социума // Регионология. – 2010. – Т. 70, № 1. – С. 155–161.
7. *Липатова Л.Н., Градусова В.Н.* Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 310–329. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329.
8. *Мельникова Л.В.* Пространственный анализ динамики структурных сдвигов в экономике российских регионов в 2004–2019 гг. // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 54–79. DOI: 10.15372/REG20210303.
9. *Нештаев А.В.* Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 123–142. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142.

10. *Осипов А.М., Медик В.А.* Медико-социологические аспекты совершенствования системы охраны здоровья // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 163–169.

11. *Павлова Н.С., Сергиенко Е.А.* Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Психология. – 2020. – Т. 10, вып. 4. – С. 384–401. DOI: 10.21638/spbu16.2020.401.

12. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Здоровье в восприятии россиян и реальные медицинские практики // Здоровье населения и среда обитания. – 2021. – Т. 29, № 7. – С. 19–27. DOI: 10.35627/2219-5238/2021-29-7-19-27.

13. *Покровская С.Э.* Факторы, формирующие обращаемость за медицинской помощью // Социальные аспекты здоровья населения. – 2012. – Т. 25, № 3. – С. 2.

14. *Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В.В. Локосов, В.Г. Доброхлеб, М.В. Беликова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 378 с.*

15. *Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения: Научный доклад / Под ред. акад. РАН Б.Н. Порфирьева. – М.: Артик Принт, 2022. – 168 с. DOI: 10.47711/sr1-2022.*

16. *Скоков Р.Ю., Рогачев А.Ф.* Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 342–358. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358.

17. *Степанов В.С., Бобков В.Н., Шамаева Е.Ф., Одицова Е.В.* Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 450–465. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.3.

18. *Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Бобков В.Н., Бобкова Т.Е., Вершинина М.А. и др.; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 274 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022.*

19. *Фомин Э.А., Федорова Н.М.* Стратегии в отношении здоровья // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 35–40.

20. *Челенко А.В., Марин В.П.* Качество жизни формируется в промышленно развитых регионах // Качество и жизнь. – 2020. – № 4 (28). – С. 29–35. DOI: 10.34214/2312-5209-2020-28-4-29-35.

21. *Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В.* Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1.

22. *Abraham C., Kok G., Schaalma H.P., Luszczynska A.* Health promotion // IAAP Handbook of Applied Psychology / Ed. by P.R. Martin, F.M. Cheung, M.C. Knowles et al. – Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2011. – P. 83–111. DOI: 10.1002/9781444395150.ch4.

23. *Burgoine T., Alvanides S., Lake A.* Creating “obesogenic realities”; do our methodological choices make a difference when measuring the food environment? // International Journal of Health Geographics. – 2013. – Vol. 12. – Article 33. DOI: 10.1186/1476-072X-12-33.

24. *Christensen A., Griffiths C., Hobbs M., Gorse C., Radley D.* Accuracy of buffers and self-drawn neighbourhoods in representing adolescent GPS measured activity spaces: An exploratory study // Health & Place. – 2021. – No. 69. – Article 102569. DOI: 10.1016/j.healthplace.2021.102569.

25. *Cummings J.R., Wolfson J.A., Gearhardt A.N.* Health-promoting behaviors in the United States during the early stages of the COVID-19 pandemic // Appetite. – 2022. – No. 168. – Article 105659. DOI: 10.1016/j.appet.2021.105659.

26. *Erpecum C.-P., Zon S.K., Bültmann U., Smidt N.* The association between fast-food outlet proximity and density and Body Mass Index: Findings from 147,027 Lifelines Cohort Study participants // Preventive Medicine. – 2022. – No. 155. – Article 106915. DOI: 10.1016/j.ypmed.2021.106915.

27. *Hobbs M., Marek L., Wiki J., Campbell M., Deng B.Y., Sharpe H., McCarthy J., Kingham S.* Close proximity to alcohol outlets is associated with increased crime and hazardous drinking: Pooled nationally representative data from New Zealand // Health & Place. – 2020. – No. 65. – Article 102397. DOI: 10.1016/j.healthplace.2020.102397.

28. *Hobbs M., Stewart T., Marek L., Duncan S., Campbell M., Kingham S.* Health-promoting and health-constraining environmental features and physical activity and sedentary behavior in adolescence: a geospatial cross-sectional study // Health & Place. – 2022. – No. 77. – Article 102887. DOI: 10.1016/j.healthplace.2022.102887.

29. *Keeble M., Burgoine T., White M., Summerbell C., Cummins S., Adams J.* How does local government use the planning system to regulate hot food takeaway outlets? A census of current practice in England using document review // Health & Place. – 2019. – No. 57. – P. 171–178. DOI: 10.1016/j.healthplace.2019.03.010.

30. *Kirscht J.P.* The health belief model and predictions of health actions // Health Behavior / Ed. by D. Gochman. – N.Y.: Plenum Press, 1988. – P. 27–41.

31. *Knoops K.T., Groot L.C., Kromhout D. et al.* Mediterranean diet, lifestyle factors, and 10-year mortality in elderly European men and women: The HALE project // JAMA. – 2004. – Vol. 292 (12). – P. 1433–1439. DOI: 10.1001/jama.292.12.1433.

32. *Lin T.-T., Park C.G., Kapella M.C., Martyn-Nemeth P., Tussing-Humphreys L., Rospenda K.M., Zenk S.N.* Shift work domains and their interactions with empty calorie food/beverage consumption: A 14-day intensive longitudinal study // International

Journal of Nursing Studies. – 2023. – No. 141. – Article 104490. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2023.104490.

33. *Mason K., Pearce N., Cummins S.* Do neighborhood characteristics act together to influence BMI? A cross-sectional study of urban parks and takeaway/fast-food stores as modifiers of the effect of physical activity facilities // *Social Science & Medicine*. – 2020. – No. 261. – Article 113242. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113242.

34. *Myers C., Denstel K., Broyles S.* The context of context: Examining the associations between healthy and unhealthy measures of neighborhood food, physical activity, and social environments // *Preventive Medicine*. – 2016. – No. 93. – P. 21–26. DOI: 10.1016/j.ypmed.2016.09.009.

35. *Olisarova V., Kaas J., Staskova V., Bartlova S., Papp K., Nagorska M., Korucova R., Reifsnider E.* Health literacy and behavioral health factors in adults // *Public Health*. – 2021. – No. 190. – P. 75–81. DOI: 10.1016/j.puhe.2020.11.011.

36. *Prinelli F., Yannakoulia M., Anastasiou C.A. et al.* Mediterranean diet and other lifestyle factors in relation to 20-year all-cause mortality: a cohort study in an Italian population // *British Journal of Nutrition*. – 2015. – No. 113 (6). – P. 1003–1011. DOI: 10.1017/s0007114515000318.

37. *Prokazina N., Alekseenok A., Kaira Yu.* Differentiation of the quality of life in the regional space // *RUDN Journal of Sociology*. – 2021. – No. 20. – P. 509–526. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526.

38. *Puciato D., Rozpara M., Bugdol M., Borys T., Słaby T.* Socioeconomic determinants of health-related quality of life of entrepreneurs: A cross-sectional study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – No. 18 (22). – Article 12103. DOI: 10.3390/ijerph182212103.

39. *Tong S.W., Chui P.L., Chong M.C., Tang L.Y., Chan C.M.H.* Health-promoting behaviours and perceived lifestyle cancer risk factors among nurses // *Collegian*. – 2023. – No. 30 (1). – P. 32–38. DOI: 10.1016/j.colegn.2022.06.011.

Информация об авторах

Кабашева Ирина Александровна (Россия, Казань) – кандидат экономических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18). E-mail: kaba.73@mail.ru.

Рудалева Ирина Анатольевна (Россия, Казань) – кандидат экономических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18). E-mail: rudiran@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240306

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 126–153

I.A. Kabasheva, I.A. Rudaleva

HEALTH-PROMOTING BEHAVIORS ACROSS REGIONS DIFFERING IN QUALITY OF LIFE

The research objective is to reveal the relationship between the quality of life in regions and the health-promoting behaviors of their populations. To achieve this, we have analyzed behavioral attitudes and the characteristics of potential choices related to health, examining the balance between the desire to be healthy and the specific actions taken to improve and maintain health across various groups of regions. This dimension of research highlights the resource mechanisms that facilitate health-promoting and longer lifespans, depending on regional conditions and quality of life.

The study groups Russian regions based on their quality-of-life rankings. The empirical data is sourced from the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE). The main method for testing the hypotheses involves checking statistically significant differences among respondents from different regional groups. Both objective indicators and subjective assessments of health status show higher levels in regions with high and relatively high quality of life.

Analysis of health-promoting behaviors reveals that populations in regions with high and relatively high quality of life more frequently visit doctors and participate in preventive medical examinations. Men show less responsibility toward health-promoting matters than women, often postponing doctor visits and medical check-ups. The level of physical activity of any intensity is also higher among residents of regions with a high quality of life, and vice versa. In contrast, regions with relatively low quality of life exhibit a passive model of health-promoting behavior. An increase in the share of men choosing health-promoting strategies has a much stronger impact on life expectancy at birth. Addressing the issue of low male life expectancy in Russia involves popularizing healthy lifestyles, developing accessible infrastructure, and

improving the organization of sports, physical culture, and preventive medical examinations.

Keywords: health promotion; population behavior; quality of life; health status; regions; medical care; physical culture

For citation: *Kabasheva, I.A. & I.A. Rudaleva. (2024). Zdorovyebeseregayushchee povedenie naseleniya v regionakh s raznym kachestvom zhizni [Health-promoting behaviors across regions differing in quality of life]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 126–153. DOI: 10.15372/REG20240306.*

References

1. *Bobkov, V.N., M.A. Vershinina & N.V. Bobkov. (2022). K voprosu o teoretiko-metodologicheskikh osnovakh identifikatsii kategoriy “kachestvo zhizni” i “uroven zhizni” naseleniya [On the issue of theoretical and methodological foundations of identifying the categories of quality of life and standard of living of the population]. In: V.V. Lokosov, V.G. Dobrokhleb & M.V. Belikova (Eds.). Sbezrenhenie naseleniya Rossii: zdorovyie, zanyatost, uroven i kachestvo zhizni: Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V Rimashevskie chteniya (Moskva, 29 marta 2022 g.) [Preservation of the Population of Russia: Health, Employment, Living Standards, and Quality of Life: Materials of the International Scientific and Practical Conference V Rimashevskie Readings (Moscow, March 29, 2022)]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS Publ., 281–284.*
2. *Vyatkina, N.Yu. & I.V. Rozhkov. (2022). Osobennosti priverzhennosti zhitel'ey g. Moskvy zdorovomu obrazu zhizni: rezultaty anketnogo oprosa [Peculiarities of commitment of Muscovites to a healthy lifestyle: Results of a questionnaire survey]. Sotsiologiya meditsiny [Sociology of Medicine], Vol. 21, No. 1, 71–82. DOI: 10.17816/socm109425.*
3. *Danilova, I.V., I.P. Savyeleva & A.V. Rezepin. (2022). Vliyanie mezhterritorialnoy svyazannosti na razvitie ekonomicheskogo prostranstva regionov [Impact of inter-territorial cohesion on the development of regional economic spaces]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], Vol. 18, No. 1, 31–48. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-3.*
4. *Zhuravleva, I.V. & N.V. Lakomova. (2023). Otvetstvennost za zdorovyie: komparativnyy analiz povedencheskikh praktik [Responsibility for health: Comparative analysis of behavioral practices]. Journal of Science. Lyon, 46, 25–31.*
5. *Zyryanova, M.A. (2022). Rozhdaemost i reproduktivnye ustanovki naseleniya do i posle ukhudsheniya epidemiologicheskoy situatsii [Fertility and reproductive attitudes*

of the population before and after the epidemiological situation worse]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 30, No. 4, 903–923. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923.

6. *Kolchina, N.O.* (2010). Faktory kachestva zhizni regionalnogo sotsiuma [Factors for regional social living standards]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 70, No. 1, 155–161.

7. *Lipatova, L.N. & V.N. Gradusova.* (2019). Razvitie chelovecheskogo potentsiala Rossii: osnovnye dostizheniya i ugrozy [Human development in Russia: Major achievements and threats]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 27, No. 2, 310–329. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329.

8. *Melnikova, L.V.* (2021). Prostranstvennyy analiz dinamiki strukturnykh sdvigo v ekonomike rossiyskikh regionov v 2004–2019 gg. [Spatial analysis of structural shifts dynamics in economies of Russian regions from 2004 to 2019]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (111), 54–79. DOI: 10.15372/REG20210303.

9. *Neshataev, A.V.* (2023). Chelovecheskiy kapital na territoriyakh s raznym urovnem blagopoluchiya: izmerenie i vliyanie [Human capital in territories with different level of socio-economic well-being: Assessment and influence]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 31, No. 1, 123–142. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142.

10. *Osipov, A.M. & V.A. Medik.* (2017). Mediko-sotsiologicheskie aspekty sovershenstvovaniya sistemy okhrany zdorovya [Medical and sociological aspects of improving the healthcare system]. *Zdorovye – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the Basis of Human Potential: Problems and Solutions], Vol. 12, No. 1, 163–169.

11. *Pavlova, N.S. & E.A. Sergienko.* (2020). Subyektivnoe kachestvo zhizni, psikhologicheskoe blagopoluchie, otnoshenie k vremennoy perspektive i vozrastu u pensionerov, vedushchikh raznyy obraz zhizni [Subjective life quality, psychological well-being and attitude to the time perspective as well as age among pensioners leading different lifestyles]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Psikhologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Psychology], Vol. 10, No. 4, 384–401. DOI: 10.21638/spbu16.2020.401.

12. *Pokida, A.N. & N.V. Zybunovskaya.* (2021). Zdorovye v vospriyatii rossiyan i realnye meditsinskie praktiki [Health in the perception of Russians and real medical practices]. *Zdorovye naseleniya i sreda obitaniya* [Public Health and Life Environment – PH&LE], Vol. 29, No. 7, 19–27. DOI: 10.35627/2219-5238/2021-29-7-19-27.

13. *Pokrovskaya, S.E.* (2012). Faktory, formiruyushchie obrashchaemost za meditsinskoy pomoshchyu [Factors forming medical aid appealability]. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* [Social Aspects of Population Health], Vol. 25, No. 3, 2.

14. *Lokosov, V.V., V.G. Dobrokhleb & M.V. Belikova* (Eds.). (2022). Sbrezhenie naseleniya Rossii: zdorovye, zanyatost, uroven i kachestvo zhizni: Mat. Mezhdunar.

nauch.-prakt. konf. V Rimashevskie chteniya (Moskva, 29 marta 2022 g.) [Preservation of the Population of Russia: Health, Employment, Living Standards, and Quality of Life: Materials of the International Scientific and Practical Conference V Rimashevskie Readings (Moscow, March 29, 2022)]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS Publ., 378.

15. *Porfiryev, B.N.* (Ed.). (2022). *Sberezhenie naseleniya Rossii: problemy, zadachi, puti resheniya*: Nauchnyy doklad [Saving the Population of Russia: Problems, Tasks, Ways of Solution: Scientific report]. Moscow, Artik Print Publ., 168. DOI: 10.47711/sr1-2022.

16. *Skokov, R.Yu. & A.F. Rogachev.* (2022). *Chelovecheskoe razvitiye i potrebleniye alkogolya: sostoyaniye i vzaimosvyaz v rossiyskikh regionakh* [Human development and alcohol consumption: State and relationship in Russian regions]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 30, No. 2, 342–358. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358.

17. *Stepanov, V.S., V.N. Bobkov, E.F. Shamaeva & E.V. Odintsova.* (2022). *Postroyeniye modeli, svyazyvayushchey indikator urovnya zhizni naseleniya s kompleksom pokazateley sotsialno-ekonomicheskoy politiki v regionakh Rossii* [Building a model linking the indicator of the standard of living of the population with a set of indicators of socio-economic policy in the regions of Russia]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], Vol. 18, No. 4, 450–465. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.3.

18. *Bobkov, V.N.* (Ed.), *T.E. Bobkova, M.A. Vershinina et al.; N.V. Loktyukhina & E.F. Shamaeva* (Eds.). (2022). *Uroven i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot realnosti k proektirovaniyu budushchego* [Standard of Living and Quality of Life of the Russian Population: From Reality to Designing the Future]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS Publ., 274. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022.

19. *Fomin, E.A. & N.M. Fedorova.* (1999). *Strategii v otnoshenii zdorovya* [Health strategies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 11, 35–40.

20. *Chelenko, A.V. & V.P. Marin.* (2020). *Kachestvo zhizni formiruetsya v promyshlenno razvitykh regionakh* [Quality of life is formed in industrialized regions]. *Kachestvo i zhizn* [Quality and Life], 4 (28), 29–35. DOI: 10.34214/2312-5209-2020-28-4-29-35.

21. *Shabunova, A.A., L.N. Natsun & A.V. Korolenko.* (2021). *Ukrepneniye obshchestvennogo zdorovya: balans otvetstvennosti gosudarstva i grazhdanina* [Strengthening public health: Balance of responsibility of the state and a citizen]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], Vol. 25, No. 4, 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1.

22. *Abraham, C., G. Kok, H.P. Schaalma & A. Luszczynska.* (2011). Health promotion. In: P.R. Martin, F.M. Cheung, M.C. Knowles et al. (Eds.). *IAAP Handbook*

of Applied Psychology. Oxford, UK, Blackwell Publishing, 83–111. DOI: 10.1002/9781444395150.ch4.

23. *Burgoine, T., S. Alvanides & A. Lake.* (2013). Creating “obesogenic realities”; Do our methodological choices make a difference when measuring the food environment? *International Journal of Health Geographics*, 12, Article 33. DOI: 10.1186/1476-072X-12-33.

24. *Christensen, A., S. Griffiths, M. Hobbs, S. Gorse & D. Radley.* (2021). Accuracy of buffers and self-drawn neighbourhoods in representing adolescent GPS measured activity spaces: An exploratory study. *Health & Place*, 69, Article 102569. DOI: 10.1016/j.healthplace.2021.102569.

25. *Cummings, J.R., J.A. Wolfson & A.N. Gearhardt.* (2022). Health-promoting behaviors in the United States during the early stages of the COVID-19 pandemic. *Appetite*, 168, Article 105659. DOI: 10.1016/j.appet.2021.105659.

26. *Erpecum, S.-R., S.K. Zon, U. Bültmann & N. Smidt.* (2022). The association between fast-food outlet proximity and density and Body Mass Index: Findings from 147,027 Lifelines Cohort Study participants. *Preventive Medicine*, 155, Article 106915. DOI: 10.1016/j.ypmed.2021.106915.

27. *Hobbs, M., L. Marek, J. Wiki, M. Campbell, B.Y. Deng, H. Sharpe, J. McCarthy & S. Kingham.* (2020). Close proximity to alcohol outlets is associated with increased crime and hazardous drinking: Pooled nationally representative data from New Zealand. *Health & Place*, 65, Article 102397. DOI: 10.1016/j.healthplace.2020.102397.

28. *Hobbs, M., T. Stewart, L. Marek, S. Duncan, M. Campbell & S. Kingham.* (2022). Health-promoting and health-constraining environmental features and physical activity and sedentary behavior in adolescence: a geospatial cross-sectional study. *Health & Place*, 77, Article 102887. DOI: 10.1016/j.healthplace.2022.102887.

29. *Keeble, M., T. Burgoine, M. White, C. Summerbell, S. Cummins & J. Adams.* (2019). How does local government use the planning system to regulate hot food takeaway outlets? A census of current practice in England using document review. *Health & Place*, 57, 171–178. DOI: 10.1016/j.healthplace.2019.03.010.

30. *Kirscht, J.P.* (1988). The health belief model and predictions of health actions. In: D. Gochman (Ed.). *Health Behavior*. New York, Plenum Press, 27–41.

31. *Knoops, K.T., L.C. Groot, D. Kromhout et al.* (2004). Mediterranean diet, lifestyle factors, and 10-year mortality in elderly European men and women: the HALE project. *JAMA*, 292 (12), 1433–1439. DOI: 10.1001/jama.292.12.1433.

32. *Lin, T.-T., S.G. Park, M.C. Kapella, P. Martyn-Nemeth, L. Tussing-Humphreys, K.M. Rospenda & S.N. Zenk.* (2023). Shift work domains and their interactions with empty calorie food/beverage consumption: A 14-day intensive longitudinal study. *International Journal of Nursing Studies*, 141, 104490. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2023.104490.

33. *Mason, K., N. Pearce & S. Cummins.* (2020). Do neighborhood characteristics act together to influence BMI? A cross-sectional study of urban parks and take-

away/fast-food stores as modifiers of the effect of physical activity facilities. *Social Science & Medicine*, 261, Article 113242. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113242.

34. Myers, S., K. Denstel & S. Broyles. (2016). The context of context: Examining the associations between healthy and unhealthy measures of neighborhood food, physical activity, and social environments. *Preventive Medicine*, 93, 21–26. DOI: 10.1016/j.ypmed.2016.09.009.

35. Olisarova, V., J. Kaas, V. Staskova, S. Bartlova, K. Papp, M. Nagorska, R. Korucova & E. Reifsnider. (2021). Health literacy and behavioral health factors in adults. *Public Health*, 190, 75–81. DOI: 10.1016/j.puhe.2020.11.011.

36. Prinelli, F., M. Yannakoulia, C.A. Anastasiou et al. (2015). Mediterranean diet and other lifestyle factors in relation to 20-year all-cause mortality: a cohort study in an Italian population. *British Journal of Nutrition*, 113 (6), 1003–1011. DOI: 10.1017/s0007114515000318.

37. Prokazina, N., A. Alekseenok & Yu. Kaira. (2021). Differentiation of the quality of life in the regional space. *RUDN Journal of Sociology*, 20, 509–526. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526.

38. Puciato, D., M. Rozpara, M. Bugdol, T. Borys & T. Slaby. (2021). Socio-economic determinants of health-related quality of life of entrepreneurs: A cross-sectional study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (22), Article 12103. DOI: 10.3390/ijerph182212103.

39. Tong, S.W., P.L. Chui, M.C. Chong, L.Y. Tang & C.M.H. Chan. (2023). Health-promoting behaviours and perceived lifestyle cancer risk factors among nurses. *Collegian*, 30 (1), 32–38. DOI: 10.1016/j.colegn.2022.06.011.

About Authors

Kabasheva, Irina Aleksandrovna (Kazan, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at Kazan (Volga) Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia). E-mail: kaba.73@mail.ru.

Rudaleva, Irina Anatolievna (Kazan, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at Kazan (Volga) Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia). E-mail: rudiran@mail.ru.

Поступила в редколлегию 03.10.2023.

После доработки 17.11.2023.

Принята к публикации 24.01.2024.

© Кабашева И.А., Рудалева И.А., 2024

Е.В. Чикова, О.И. Бородкина

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(на примере Хабаровского и Приморского краев)**

В статье исследуются факторы, определяющие развитие сектора социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в двух дальневосточных регионах: Хабаровском и Приморском краях. Эмпирической базой исследования послужили данные из открытых источников, таких как реестры поставщиков социальных услуг, рейтинги развития СО НКО в субъектах РФ Минэкономразвития и агентства РАЕХ, а также экспертные интервью с руководителями и сотрудниками некоммерческих организаций г. Хабаровска и г. Владивостока, проведенные в 2022 г. Результаты исследования показывают, что основной вектор развития некоммерческого сектора социальных услуг на Дальнем Востоке направлен на активизацию собственных ресурсов и оказание помощи социальным группам, не получающим необходимых услуг в государственном секторе. Происходящая трансформация третьего сектора во многом связана со структурными изменениями в управлении регионом, а также с ротацией управленческих кадров на уровне отдельных субъектов. Отмечается, что в этих условиях произошло существенное сокращение спектра и объема государственной поддержки, что обращает некоммерческие организации к поиску альтернативных путей сохранения устойчивости. Перспективы развития некоммерческого сектора социальных услуг связаны с формированием единой сети ресурсных центров СО НКО и разработкой «дорожной карты» развития сектора, предполагающей устранение локальных дефицитов НКО с помощью экстраполяции успешных практик работы с бизнесом и добровольчес-

кими объединениями, создания внутрисекторных партнерств для реализации социальных проектов.

Ключевые слова: социально ориентированные НКО; органы власти; бизнес; территориальные общественные самоуправления; поставщик социальных услуг; дальневосточные регионы

Для цитирования: *Чикова Е.В., Бородкина О.И.* Актуальные проблемы развития третьего сектора социальных услуг на Дальнем Востоке (на примере Хабаровского и Приморского краев) // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 154–178. DOI: 10.15372/REG20240307.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация социальной сферы во многом связана с процессом перераспределения меры ответственности за социальное благополучие между гражданами, государством и рынком [15] и предполагает вовлечение в сферу социального обслуживания таких ключевых акторов, как социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), чей статус был закреплен в законе № 40-ФЗ в 2010 г.¹ Последние за счет ряда имеющихся у них преимуществ, таких как гибкость управления, возможность привлекать дополнительные ресурсы к решению социальных проблем, продолжать деятельность в условиях разного рода ограничений и концентрироваться на реализации индивидуального подхода применительно к удовлетворению потребностей клиентов [8], способны расширить спектр доступных населению социальных услуг, а также обеспечить необходимое их качество [16]. Тем не менее раскрытие потенциала социально ориентированных НКО во многом зависит от выстраивания партнерских отношений с государственными структурами, сохраняющими за собой роль административного и экономического регуля-

¹ Согласно Федеральному закону № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», социально ориентированными НКО признаются в том числе некоммерческие организации, включенные в такой вид деятельности, как социальная поддержка и защита граждан.

тора [10]. Очевидно и то, что особенности социально-экономического контекста в различных субъектах РФ во многом определяют направления и механизмы развития некоммерческого сектора [18].

В данной статье внимание фокусируется на изучении развития некоммерческого сектора социальных услуг в двух регионах – Хабаровском и Приморском краях, территориально принадлежащих к Дальневосточному федеральному округу. Выбор этих регионов обусловлен несколькими причинами. Прежде всего, ростом геостратегического значения Дальневосточного региона в масштабах страны в совокупности с наличием как у Хабаровска, так и у Владивостока в разные периоды статуса столицы федерального округа. Интерес представляет динамика изменения положения сектора НКО в упомянутых субъектах РФ начиная с 2017 г. По данным ежегодного регионального рейтинга поддержки СО НКО и социального предпринимательства Минэкономразвития России, за 5 лет Хабаровский край, бывший ранее среди регионов – лидеров по развитию СО НКО, опустился на два десятка пунктов, перейдя в группу субъектов РФ со средним уровнем развития, тогда как по Приморскому краю наблюдается обратная картина. В негосударственном некоммерческом секторе социальных услуг ДФО произошли значительные изменения. Цель настоящей статьи заключается в изучении факторов, обуславливающих изменения в третьем секторе социальных услуг. Реализация этой цели требует рассмотрения таких вопросов, как взаимоотношения организаций третьего сектора с властью и бизнесом, барьеры развития НКО как поставщиков социальных услуг, проблемы ресурсного обеспечения деятельности СО НКО, а также перспективы развития социально ориентированных некоммерческих организаций.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая рамка исследования представлена концепцией Л. Саламона и Х. Анхейера, согласно которой различия в траектории развития некоммерческого сектора в разных странах обусловлены его зависимостью от господствующих политических и экономических структур [19]. В соответствии с этой логикой некоммерческий сектор

социальных услуг в России в своем становлении прошел несколько этапов: от роли второстепенного игрока в условиях государственной монополии на оказание социальных услуг до закрепления за некоммерческим сектором со стороны государства роли партнера в решении важных общественных задач и одновременно одного из ключевых акторов сферы рыночных отношений [17]. При этом ценность социально ориентированных НКО определяется не только выполнением функции поставщика социальных услуг, но и их способностью накапливать социальный капитал, формируя сети неформального взаимодействия и повышая уровень доверия населения к деятельности негосударственных организаций, снимая при этом часть нагрузки с государственных учреждений социального обслуживания [7].

Исследования развития некоммерческого сектора в российских регионах продемонстрировали существенные различия в размерах этого сегмента. В работах С.В. Суловой и Е.С. Гордеевой [14] отмечается взаимозависимость количества НКО и показателей общего уровня социально-экономического развития региона. В то же время в исследованиях Ю.А. Скоковой и М.А. Рыбниковой [11] уделено внимание влиянию размера государственного финансирования и социальной активности граждан на развитие третьего сектора.

Отдельного внимания требуют исследования, посвященные вопросам взаимодействия органов власти и представителей некоммерческого сектора. С. Топлер, У. Папе и В.Б. Беневоленский [20] отмечают, что отлаженные процедуры взаимодействия с правительственными структурами способствуют росту сектора НКО, однако взаимодействие это не происходит в рамках какого-то единого шаблона. Фактором, укрепляющим партнерство между государством и НКО, на местном уровне оказывается политическая открытость государственных структур: их готовность поддерживать прямые контакты с представителями НКО или взаимодействовать с ними при участии посреднических структур [2].

Что же касается изучения специфики развития некоммерческого сектора социальных услуг на Дальнем Востоке, то следует выделить несколько работ. К.В. Вишнева [5] указывает, что лидерами ДФО по

численности НКО и СО НКО являются Приморский край, Хабаровский край и Республика Саха (Якутия). В то же время во всех регионах округа наблюдается крайне низкий процент вовлечения СО НКО как поставщиков социальных услуг. А.В. Старшинова и Л.А. Платонова [13] отмечают, что причиной этого является низкая эффективность реестра как меры поддержки СО НКО. И подобная ситуация с реестрами поставщиков социальных услуг остается типичной для многих субъектов Российской Федерации [9].

С одной стороны, это свидетельствует о слабости либо незрелости некоммерческого сектора социальных услуг на Дальнем Востоке, с другой – о возможных барьерах в действиях региональных властей, которые, проводя федеральную политику передачи части полномочий в некоммерческий сектор, вынуждены учитывать ограниченность ресурсов собственных регионов.

Анализ проведенных ранее исследований говорит об актуальности дальнейшего изучения развития третьего сектора социальных услуг, а кроме того, позволяет выделить те проблемные зоны, которые требуют особого внимания, и именно эти вопросы находятся в фокусе представленной работы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении настоящего исследования использовалась смешанная методология, которая позволяет сочетать количественные и качественные данные. Эмпирическую базу составили статистические данные из открытых источников, таких как реестры поставщиков социальных услуг Хабаровского и Приморского краев, отчеты Фонда президентских грантов о поданных и поддержанных заявках, региональные рейтинги третьего сектора «Регион-НКО» RAEX, а также ежегодные доклады о деятельности и развитии социально ориентированных НКО и рейтинг субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства Минэкономразвития.

Помимо этого, были проведены экспертные интервью с руководителями и сотрудниками негосударственных организаций Хабаров-

ска и Владивостока (N=15)², являющихся активными участниками сферы оказания социальных услуг. Выбор экспертов был обусловлен задачей изучить оказание социальной помощи в первую очередь представителям социально уязвимых групп, которые по различным причинам не могут получить весь спектр социальных услуг в государственных учреждениях социального обслуживания: лицам без определенного места жительства, детям и взрослым с расстройствами аутистического спектра, синдромом Дауна и т.д.

Основные вопросы, обсуждаемые в интервью, касались факторов, оказывающих непосредственное влияние на функционирование НКО, как то: уровень и разнообразие форм государственной поддержки, проблематика выстраивания взаимодействия с органами власти и бизнесом, ресурсное обеспечение СО НКО, их активность в отношении ведения грантовой и социально-предпринимательской деятельности, а также поиска иных источников финансирования и т.д. Дискутировались вопросы, связанные с процессом цифровизации организаций негосударственного сектора, в особенности на фоне COVID-19, а именно их готовность поставлять услуги клиентам с использова-

² Информант 1 – руководитель АНО реабилитационный центр, мужчина, Хабаровск, 2020; информант 2 – председатель краевой общественной организации, женщина, Хабаровск, 2020; информант 3 – директор АНО, оказывающей помощь лицам с инвалидностью, женщина, Хабаровск, 2020; информант 4 – председатель правления краевой общественной организации, женщина, Хабаровск, 2020; информант 5 – директор АНО, мужчина, Хабаровск, 2020; информант 6 – председатель правления краевой общественной организации, мужчина, Хабаровск, 2022; информант 7 – президент благотворительного фонда, женщина, Владивосток, 2022; информант 8 – директор краевой общественной организации социальной помощи, женщина, Владивосток, 2022; информант 9 – директор, АНО развивающий центр социальной адаптации детей и подростков, женщина, Владивосток, 2022; информант 10 – психолог, АНО развивающий центр социальной адаптации детей и подростков, женщина, Владивосток, 2022; информант 11 – руководитель Регионального ресурсного центра РАС ТНМР, женщина, Хабаровск, 2022; информант 12 – руководитель АНО КПО «Точка роста», женщина, Хабаровск, 2022; информант 13 – генеральный директор АНО ДПОиК «Развитие», женщина, Владивосток, 2022; информант 14 – председатель Регионального отделения ВОРДИ Хабаровского края, мужчина, Хабаровск, 2022; информант 15 – член правления Регионального отделения ВОРДИ Приморского края, женщина, Владивосток, 2022.

нием цифровых технологий. Представителей ресурсных центров дополнительно просили охарактеризовать деятельность, связанную с развитием инфраструктуры поддержки СО НКО, а также обозначить возможные векторы развития сектора СО НКО на Дальнем Востоке.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимодействие организаций третьего сектора с органами власти. Важнейшим фактором развития регионального некоммерческого сектора социальных услуг остается конструктивное взаимодействие СО НКО с органами власти. Еще в начале 2000-х годов в Хабаровском крае начала складываться система площадок межсекторного взаимодействия, курируемая комитетом по внутренней политике краевого правительства и фактически выполнявшая функции ресурсного центра для СО НКО. *«У нас было два совета: по поддержке СО НКО при губернаторе и в правительстве края в лице представителей из министерств. ...Они постоянно были на связи, понимали, как развивается сектор»* (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

Организации СО НКО могли пользоваться широким спектром мер региональной поддержки, среди которых были выплаты средств, выделяемых НКО на погашение расходов по коммунальным платежам, оплата сотрудникам некоммерческих организаций поездок, связанных с повышением квалификации, в центральную часть России и образовательные программы по грантрайтингу с участием приглашенных экспертов. На протяжении ряда лет начиная с 2015 г. организовывался конкурс по предоставлению региональных субсидий на поддержку ресурсных центров в русле общефедеральной тенденции к увеличению финансовой поддержки данных организаций³.

³ См.: *Доступ негосударственных поставщиков на рынок услуг в социальной сфере. Доклады, отчеты, рейтинги субъектов. 2015–2022.* Минэкономразвития. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/sonko/dostup_negosudarstvennyh_postavshchikov_na_rynok_uslug_v_socialnoy_sfere/.

Прямое влияние на развитие некоммерческого сектора социальных услуг со стороны правительства Хабаровского края было существенно ограничено в результате социально-политических процессов, связанных с переносом центра ДФО из Хабаровска во Владивосток, сменой в крае в течение короткого срока нескольких губернаторов и протестным движением в 2020 г. *«Это период, когда у нас больше 100 дней демонстрации шли. Не из-за какого-то губернатора. На самом деле это внешний фактор, то есть люди выступали за Дальний Восток, за Хабаровск, за обращение Москвы, органов власти к проблемам Дальнего Востока. Ну а транслировалось это как деятельность условно митинговая за отдельно взятого губернатора»* (руководитель НКО, Хабаровск).

Политические пертурбации в совокупности с нестабильной макроэкономической ситуацией привели к изменениям контекста сотрудничества органов власти и некоммерческого сектора в отдельных субъектах Дальневосточного федерального округа. Произошло сокращение спектра мер поддержки СО НКО при одновременном расширении таковых в пользу территориальных общественных самоуправлений (ТОС), реализующих социальные проекты.

Переориентация политики краевой администрации нашла отражение также в упразднении конкурса поддержки ресурсных центров СО НКО при параллельном создании Фонда «Краевой центр развития гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций», который должен был стать площадкой, выполняющей функции единого ресурсного центра для НКО и ТОС в крае. Руководители некоммерческих организаций обратили внимание на то, что данная структура ориентирована в основном на запуск социальных проектов и сопровождение начинающих НКО и в меньшей степени на поддержку уже действующих.

В Хабаровске также была предпринята попытка создания ассоциации НКО для выполнения представительских функций по отношению к органам власти, но ориентация на потребности разных целевых групп дезавуировала эту инициативу. Неудача с созданием ассоциации тем не менее поспособствовала организации так называемого «социального холдинга», включающего НКО, оказывающие помощь

детям и взрослым с ментальными нарушениями здоровья. Подобная кооперация позволила негосударственным организациям привлечь большой объем ресурсов на реализацию проектов, в том числе средства бизнес-сектора, а также использовать механизм межсекторного партнерства для построения системного взаимодействия с органами власти. *«Мы можем обсуждать, что нам нужно от органов власти, кто в какой совет войдет. И у каждого есть своя сеть. Вот я использую площадку минобра»* (руководитель ресурсного центра для детей с РАС, Хабаровск).

Интерес региональной и муниципальной администраций к сотрудничеству с социальным холдингом обусловлен сетевым характером деятельности организации, которая сотрудничает с филиалами Всероссийской организации родителей детей-инвалидов (ВОРДИ) по всей территории Дальнего Востока. Оказывая поддержку клиентам ВОРДИ, социальный холдинг охватывает услугами получателей, проживающих в малых населенных пунктах, решая актуальную проблему неразвитости системы социального обслуживания в местности за чертой крупных городов. *«Мы ехали по краю, и там ни медтехники нет, ни магазинов. Потом, они не знают, что есть сертификат. Никто не знает, как его оформить. Вот это работа, пожалуйста, министерства социальной защиты»* (директор краевой общественной организации, Владивосток).

Изменения, которые происходили в органах власти Дальневосточного региона, в том числе и персональные, неизбежно сказывались на развитии третьего сектора. *«Мы как представители некоммерческих организаций поняли, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Нужно как-то объединяться, как минимум держаться вместе, знать друг о друге»* (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

Если оценить в целом развитие взаимоотношений НКО с органами региональной власти, то есть все основания утверждать, что существующие проблемы привели отчасти к усилению самостоятельности и активности некоммерческого сектора.

Проблемы вхождения НКО в реестр поставщиков социальных услуг. Возможность получения доступа к бюджетному финанси-

рованию предполагает вхождение НКО в реестр поставщиков социальных услуг. Однако этот процесс во многих субъектах Российской Федерации сопровождается значительными трудностями, и дальневосточные регионы не оказались в этом отношении исключением. Сопровождение формирования реестра поставщиков социальных услуг в Хабаровском крае было делегировано сторонней структуре – АНО «Дальневосточный институт содействия общественному развитию», которая с 2015 г. на протяжении двух лет выполняла функции ресурсного центра. СО НКО, включенные в реестр, практически сразу столкнулись, с одной стороны, с невозможностью на должном уровне оказывать социальные услуги на средства, выделяемые в качестве компенсации за предоставление социальных услуг, а с другой – с усилением контроля за их деятельностью. Данные обстоятельства для многих некоммерческих организаций стали основанием для прекращения работы в статусе поставщика социальных услуг. *«Говорить о том, что возмещение услуг компенсирует все затраты организаций, – это смешно. Но к тем организациям, которые состоят в реестре, уже заходили с проверками. При этом они не являются получателями поддержки...»* (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

В Приморском крае процесс передачи части полномочий и ресурсов некоммерческим организациям оказался затруднен по причине первоначального скептического отношения властей к способности НКО выступать поставщиками социальных услуг. На тот момент государственные учреждения рассматривались как ключевые поставщики социального обслуживания, зарекомендовавшие себя у получателей социальных услуг, тогда как уровень доверия к некоммерческим организациям был чрезвычайно низким.

В последующие годы число СО НКО в реестре Приморского края выросло, что обуславливается в первую очередь дефицитом услуг для отдельных социально уязвимых групп в государственном секторе, а также давлением федерального центра на краевые органы власти в связи с низкими показателями реализации «дорожной карты» по поддержке доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере. *«В первую очередь они [министерст-*

во труда и социальной политики Приморского края] готовы отдавать то, что у них в дефиците. А в дефиците у них Альцгеймер, деменция и божжи. Сейчас они вынуждены передавать. ...Потому что это рейтинги, пилотные проекты» (руководитель ресурсного центра, Владивосток).

Обращение непосредственно к реестрам поставщиков социальных услуг в период начиная с 2019 г. показывает фактическое отсутствие динамики роста числа НКО в Хабаровском крае при сохранении превалирования государственных учреждений социального обслуживания (45 государственных учреждений, 21 НКО и три коммерческие организации), тогда как в Приморском крае четко наметилась тенденция к росту количества коммерческих поставщиков, которое за два года увеличилось в 8 раз⁴. Рост числа НКО как поставщиков социальных услуг во многом связан с попыткой негосударственных организаций, с одной стороны, диверсифицировать свои финансовые источники, а с другой – достичь определенной финансовой стабильности, которую отчасти обеспечивает получение государственных субсидий на оказываемые услуги.

Взаимодействие некоммерческого сектора социальных услуг с бизнесом. Одной из актуальных проблем развития некоммерческого сектора социальных услуг на Дальнем Востоке является построение конструктивного диалога с представителями бизнеса. Зачастую СО НКО и коммерческие структуры по-разному понимают суть социальных проектов [3]. За редким исключением устойчивые донорские связи с бизнесом имеют только организации, представляющие людей с инвалидностью и существующие более 20 лет. «*Некоммерческие организации сами плохо представляют, какие есть требования у бизнеса, для того чтобы получить какую-то поддержку*» (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

Тем не менее существуют и успешные практики вовлечения бизнеса в партнерскую сеть социально ориентированных НКО. Ранее

⁴ См.: *Реестр поставщиков социальных услуг Хабаровского края*. – URL: <https://socuslugi.mszn27.ru/portal> ; *Реестр поставщиков социальных услуг Приморского края*. – URL: <https://rpost.primorsky.ru/rpost/> .

упомянутый социальный холдинг смог привлечь в качестве донора крупную федеральную компанию, обосновывая само появление такой возможности двумя причинами. Во-первых, имелась грамотная стратегия организации переговоров, в рамках которых компания была ознакомлена с существующими наработками и возможностями социального холдинга, с концепцией готового проекта. Во-вторых, в пользу социального холдинга сыграла репутация организаций, его образующих. При этом редкостью для Хабаровского края, по словам информантов, является создание СО НКО социального бизнеса, который воспринимается ими как дополнительная нагрузка, риск и ответственность.

Проблема организации взаимодействия НКО с бизнесом внутри сектора сохранилась и после передачи полномочий административного центра Владивостоку. В предпринимательской среде наблюдается ориентация на создание собственных программ корпоративной социальной ответственности, которые не всегда оказываются эффективными, поскольку значительные средства расходуются не на структурные проекты, а на оказание целевой индивидуальной поддержки. *«У бизнеса нет ориентации на НКО. У очень многих до сих пор понимание, что нужно напрямую кому-то дать [средства]»* (руководитель ресурсного центра, Владивосток).

Следует отметить, что и многие СО НКО подходят к организации взаимодействия с бизнесом с потребительской точки зрения, рассчитывая на получение благотворительного транша. У них зачастую отсутствует стратегия развития партнерских отношений с коммерческими структурами с расчетом на то, что предложение о реализации совместной инициативы будет исходить от последних. Отсутствие устойчивой связи с бизнесом лишает СО НКО важного ресурса развития и во многом обуславливает такую характерную черту третьего сектора, как отсутствие крупных организаций.

В то же время в Хабаровском и Приморском краях наблюдается процесс постепенной коммерциализации социальной сферы, о чем свидетельствует значительный рост числа социальных предприя-

тий: двукратный в Хабаровском крае (с 43 до 102 единиц) и пятикратный в Приморском (с 74 до 382 единиц) в период с 2019 по 2022 г.⁵

На фоне сокращения спектра поддержки СО НКО и увеличения доли коммерческих предприятий в реестрах поставщиков социальных услуг можно предположить, что Приморский край реализует модель первичной институционализации [6] негосударственных поставщиков, которая подразумевает расширение реестра за счет включения в него преимущественно социальных предпринимателей. Косвенно эту гипотезу подтверждают и данные о доле социальных предприятий, получивших поддержку в рамках деятельности центров инноваций социальной сферы или организаций, входящих в состав центров «Мой бизнес», которая составляет в Хабаровском и Приморском краях соответственно 96 и 100%. Руководитель ресурсного центра СО НКО г. Владивостока отметила, что разворот государства в сторону поддержки социальных предпринимателей как поставщиков социальных услуг также связан с ростом числа обращений получателей услуг в коммерческие организации.

Проблема ресурсного обеспечения деятельности СО НКО. Основным финансовым источником, помимо разнообразных субсидий, на протяжении длительного времени для СО НКО оставались гранты [12], однако в последние несколько лет представители некоммерческого сектора сталкиваются с тенденцией сокращения количества поддержанных заявок и в целом объема средств, выделяемых грантодающими организациями. Причину подобного явления руководители ресурсных центров видят в увеличении числа некачественных заявок от новообразованных НКО при общем повышении уровня конкуренции в секторе. При этом статистика Фонда президентских грантов за 2017–2023 гг. по грантовому направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» показывает, что до 2022 г. сохранялся паритет между СО НКО Хабаровского и Приморского краев по числу поданных заявок. Однако некоммерческие организации Приморья начиная с 2018 г. чаще ста-

⁵ См.: *Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства*. Федеральная налоговая служба. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended>.

новились победителями конкурсного отбора, исключая результаты отбора победителей специального конкурса в 2020 г. А в 2023 г. число поданных ими заявок по итогам двух конкурсов превышало на треть число заявок, поданных СО НКО Хабаровского края⁶. Другой причиной может быть отсутствие у экспертов грантовых фондов понимания сложившейся в регионах ДФО специфической социально-экономической ситуации, описание которой не всегда присутствует в грантовой заявке.

Значительная часть средств краевого бюджета с недавнего времени расходуется на поддержку социальных проектов территориальных общественных самоуправлений, а не СО НКО. *«...Денежные средства, выделяемые правительством края на развитие ТОС, превышают в разы [поддержку НКО]»* (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

Информанты обращают внимание на то, что малый процент ТОС зарегистрированы как юридическое лицо, хотя они фактически могут рассматриваться как ядро будущих НКО. Тем не менее массовой трансформации ТОС в СО НКО не происходит по двум причинам. Первая из них – упрощенный процесс делопроизводства для территориальных самоуправлений по сравнению с СО НКО. Вторая причина – ограниченность интересов ТОС вопросами местного благоустройства, т.е. их ориентация на закрытие первичных потребностей, а не на системное решение проблем местного сообщества [4].

У некоммерческих организаций Хабаровского края пока слабо развит механизм привлечения финансовых ресурсов посредством фандрайзинга. Существует сравнительно небольшое число НКО, занимающихся сбором пожертвований, в том числе в онлайн-формате, причиной чему являются нехватка специалистов, которые могли бы сопровождать данный процесс, и невозможность привлечь таковых посредством аутсорсинга из-за бюджетного дефицита СО НКО.

В Хабаровском крае была предпринята неудачная попытка создать собственную краудфандинговую платформу. Не получила рас-

⁶ Сведения о проектах, на реализацию которых запрошено финансирование от Фонда президентских грантов начиная с 2017 г., см. на официальном сайте фонда <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards>.

пространения и практика использования действующих краудфандинговых платформ. «У нас одна организация зашла на эту площадку [Добро Mail.ru] и даже получила финансирование. И сказала: “Больше никогда в жизни”. Потому что это ресурсов физических, энергетических, вложенных в этот проект, было гораздо больше, чем полученных средств» (руководитель ресурсного центра, Хабаровск).

Причиной ограниченного применения инструмента фандрайзинга в онлайн-формате может быть и низкий уровень цифрового развития региона (73-е место)⁷, что в целом объясняет менее интенсивное использование цифровых сервисов.

По инициативе Краевого центра гражданских инициатив также рассматривался вопрос о создании в Хабаровске эндаумент-фонда для поддержки организаций третьего сектора, но идея не получила поддержки из-за отсутствия опыта организации подобных структур в субъекте.

В Приморском крае выстраивается кризисная модель поддержки сектора, апеллирующая к рациональному использованию тех ресурсов, которыми располагают СО НКО. Ресурсный центр Владивостока находится в процессе разработки стратегии развития сектора, которая предполагает проведение ряда исследований по изучению уровня развития инфраструктуры для НКО в каждом субъекте с дальнейшей экстраполяцией успешных практик работы с бизнесом, развития добровольчества, создания партнерств и сетевых проектов. Низкая степень цифровизации некоммерческого сектора осложняет работу в этом направлении. СО НКО не укомплектованы в полной мере нужным оборудованием, а их сотрудники плохо знают и понимают «цифру». Усугубляют ситуацию, по мнению информантов, проблемы с развитием инфраструктуры связи и, как следствие, перебои в работе сети Интернет и мобильной связи. Проблемы цифровизации сферы социальных услуг, однако, характерны для большинства российских регионов [1]. Данные Минэкономразвития свидетельствуют о том, что некоммерческий сектор все еще находится в кризисной ситуации: показатель числа СО НКО на 10 тыс. жителей не только не увели-

⁷ См.: Цифровизация регионов России. Минцифры. – URL: <https://goo.su/pg1y>.

чивается, но в некоторых субъектах, таких как Хабаровский край, уменьшается (с 15 до 14 СО НКО на 10 тыс. жителей в 2019–2021 гг.)⁸.

В качестве возможного вектора развития сектора рассматривается также интенсификация сотрудничества между крупными российскими компаниями и НКО. В последние годы коммуникационной площадкой для решения этого вопроса выступает ежегодный Восточный экономический форум. Результатом такого сотрудничества является грантовый конкурс для СО НКО, учрежденный компанией «Дальневосточное морское пароходство – Fesco», грантооператором которого стал ресурсный центр Владивостока.

Перспективы развития третьего сектора социальных услуг.

Новый этап и перспективы развития третьего сектора связаны с процессом переноса столицы ДФО из Хабаровска во Владивосток. Особенность современного этапа состоит в создании общей для социально ориентированных НКО сети ресурсных центров, которую возглавляет Дальневосточный ресурсный центр г. Владивостока (АНО ДПОиК «Развитие»). Приоритетной целью последнего является формирование не только стабильно действующей системы межсекторного партнерства, но и «дорожной карты», позволяющей изучить и устранить дефициты сектора. *«У нас амбициозная цель – создать “дорожную” карту развития некоммерческих организаций Дальнего Востока. Чтобы каждый субъект имел “свое место” и понимал, на что обращать внимание»* (руководитель ресурсного центра, Владивосток).

Информанты подчеркивали, что для развития НКО необходимо наличие прямого канала связи с представителями администрации и профильных ведомств, который дает больший результат, чем формальное участие в общественных и экспертных советах, особенно если дело касается сложных социальных случаев и конфликтных си-

⁸ См.: *Рейтинг* субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2021 г. Минэкономразвития. – URL: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details?id=190>.

туаций, в которых затрагиваются интересы клиентов СО НКО. *«Я, допустим, вхожу в общественный и экспертный совет по образовательной политике Приморского края при Минобразования. Пользуюсь ли я этим, когда свою задачу решаю? Нет, не пользуюсь. Но каникулы свои, когда мы проводим [летний лагерь для детей с синдромом Дауна], мы в обязательном порядке согласовываем это с Минобром»* (президент благотворительного фонда, Владивосток).

Повседневная же деятельность СО НКО опирается на единичные прямые контакты с представителями власти, поскольку это оказывается менее затратно в отношении времени и вложенных в решение проблемы ресурсов. В рамках формы прямого взаимодействия некоммерческие организации также имеют возможность системно и в ускоренном порядке получать некоторые виды помощи, например письма поддержки, используемые для оформления заявок на грантовые конкурсы, или консультации. Но когда внутри третьего сектора формируется запрос на какие-либо реформы, требующие соответствующего законодательного оформления, такого рода институции, как общественные и экспертные советы, оказываются достаточно эффективными. *«С министерством образования, с министерством внутренней политики – я всегда у них запрашиваю тоже письма поддержки. У нас контакты есть. Если есть какой-то вопрос, то я могу позвонить, спросить. Они всегда поддержат»* (директор СО НКО, социальный предприниматель, Владивосток).

Перспективы развития третьего сектора, как отмечали информанты, во многом связаны и с активностью местных жителей в отношении привлечения внимания Москвы к проблемам дальневосточных регионов, поскольку развитие последних, в том числе и в сфере социальных услуг, невозможно без поддержки со стороны центральной власти как ключевого держателя всей совокупности административного и финансового ресурса страны. Тогда как, несмотря на реализацию отдельных проектов, объединяющих дальневосточные СО НКО, таких как социальный холдинг, во многом социально ориентированные организации остаются разобщенными внутри сектора в условиях ресурсных ограничений собственных регионов, что, безусловно, ослабляет их позиции в системе социального обслуживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальний Восток является территорией с достаточно сложной социально-демографической ситуацией, связанной со значительной удаленностью от центральной части страны, низкой плотностью населения регионов, недостаточно развитой инфраструктурой, что безусловно отражается и на развитии сферы социального обслуживания. Вместе с тем проведенное исследование позволяет утверждать, что система социальных услуг в Дальневосточном регионе, как и в других субъектах РФ, формируется под давлением таких факторов, как доминирование государственных учреждений социального обслуживания, постоянный ресурсный дефицит в среде СО НКО и ограниченные возможности реестра поставщиков социальных услуг как механизма субсидирования деятельности последних, отсутствие за редким исключением устойчивых партнерских отношений между СО НКО и бизнесом. Почти повсеместно социально ориентированные НКО демонстрируют неготовность создавать коллаборации в той или иной организационно-правовой форме, которые позволяли бы им скомпенсировать собственные дефициты.

В то же время некоммерческий сектор социальных услуг в субъектах Дальнего Востока имеет и некоторые отличия. Здесь складывается благоприятная ситуация для развития коммерческих поставщиков социальных услуг, изначально ориентированных на свою деятельность как основной источник дохода и потому менее зависимых от внешнего финансирования. Существует вероятность того, что политика региональных властей станет более гибкой в отношении включения в реестры поставщиков социальных услуг негосударственных организаций, как это произошло, например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре или в Пермском крае. Там получила распространение практика массового становления в качестве поставщиков социальных услуг соответственно социальных предпринимателей и коммерческих предприятий [6]. В свою очередь, СО НКО могут, учитывая условия, переориентироваться на эту модель, открывая «дочерние» социальные предприятия или интенсифицируя деятельность, приносящую доход.

С другой стороны, конкуренцию социально ориентированным НКО составляют территориальные общественные самоуправления.

В последние годы на реализацию кратковременных социальных проектов ТОС, позволяющих относительно быстро закрыть первичные потребности населения, проживающего вне крупных городских агломераций, региональные власти направляют все больший поток финансирования.

На Дальнем Востоке среди СО НКО актуален спрос на государственную имущественную поддержку в виде безвозмездной аренды помещений, а также на субсидирование оплаты коммунальных услуг, поскольку в северных условиях эти расходы становятся чрезмерной нагрузкой для бюджета СО НКО. Необходимо повышать прозрачность конкурсных процедур в части распределения помещений для СО НКО.

Катализатором развития СО НКО в субъектах Дальнего Востока может стать совместная деятельность сети ресурсных центров, местных администраций и самих некоммерческих организаций по разработке «дорожной карты», которая позволит с большей результативностью использовать те ресурсы, которыми располагают организации сектора. Возрастает роль ресурсных центров в отношении реализации образовательных программ, консультирования, содействия в обеспечении льготного доступа специалистов НКО к сервисам бухгалтерского и кадрового производства.

Большой потенциал развития заложен в сфере сотрудничества СО НКО и коммерческих компаний. Его реализация, однако, во многом зависит от готовности некоммерческих организаций увеличивать степень прозрачности своей деятельности, брать на себя инициативу, переориентируя программы корпоративной социальной ответственности с краткосрочных проектов благотворительной и экологической направленности на долговременное сотрудничество.

Отдельным треком развития должна стать цифровизация сферы социального обслуживания, поскольку использование цифровых продуктов позволяет снизить финансовые и временные издержки СО НКО на образовательную, консультационную, отчетную деятельность, может содействовать формированию внутрисекторного партнерства, а также сообщества, лояльно оценивающего работу НКО, потенциальных доноров и волонтеров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализованного в СПбГУ

Список источников

1. *Актуальные* проблемы цифровизации социальных услуг / Архипова Е.Б., Бородкина О.И., Иванова М.М. и др. – СПб.: Скифия-принт, 2021. – 232 с.
2. *Архипова Е.Б., Старшинова А.В., Бородкина О.И.* Факторы развития негосударственного сектора социальных услуг в российских регионах // Мир России. – 2023. – № 32 (4). – 2022. – С. 96–118. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-96-118.
3. *Бизнес* и благотворительность: исследование партнерского потенциала некоммерческих организаций Хабаровского края. – URL: <https://ngo27.ru/ru/library/izba-chitalnya/biznes-i-blagotvoritelnost-issledovanie-partnerskogo-potentsiala-nekommercheskikh-organizatsiy-khaba/> (дата обращения: 20.11.2023).
4. *Булах Е.В., Леоненко Т.П., Цой В.Г.* Формы функционирования местного сообщества в рамках территориального общественного самоуправления на территории муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 34–42.
5. *Вишневая К.В.* Институционализация социально ориентированных некоммерческих организаций: особенности дальневосточных регионов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12 (2). – С. 163–167.
6. *Заболотная Г.М., Ларионов А.В.* Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 72–91.
7. *Каюмова Л.Х.* Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 192–202.
8. *Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б.* Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С. 7–26.
9. *Петровская Ю.А.* Модернизация системы социального обслуживания в контексте инновационного развития Российской Федерации: механизмы и барьеры // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 2. – С. 230–240.
10. *Романова В.В., Ханова Л.М.* Отдельные аспекты развития механизма государственного субсидирования НКО в разрезе субъектов Российской Федерации // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, № 6. – С. 128–137.

11. Скокова Ю.А., Рыбникова М.А. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – № 25 (1). – С. 70–102. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.3.
12. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – № 5. – С. 221–236. DOI: 10.15838/esc. 2022.5.83.12.
13. Старшинова А.В., Платонова Л.А. Развитие НКО как поставщиков социальных услуг в регионах Дальневосточного округа // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 4 (55). – С. 83–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/83-94.
14. Сулова С.В., Гордеева Е.С. Факторы региональных различий масштабов некоммерческого сектора в Российской Федерации // Вопросы статистики. – 2012. – № 4. – С. 51–57.
15. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. – СПб.: Норма, 2015. – 224 с.
16. Филитова А.В. Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 2. – С. 61–86.
17. Anheier H.K., Carlson L., Kendall J. Third sector policy at the crossroads: continuity and change in the world of nonprofit organizations // Third Sector Policy at the Crossroads: an International Nonprofit Analysis. – London, UK: Routledge, 2001. – P. 1–16.
18. Krasnopolskaya I., Skokova Y., Pape U. Government-nonprofit relations in Russia's regions: An exploratory analysis // Voluntas. – 2015. – No. 26 (6). – P. 2238–2266.
19. Salamon L.M., Anheier H.K. Social origins of civil society: Explaining the nonprofit sector cross-nationally // Voluntas. – 1998. – No. 9 (3). – P. 213–247.
20. Toepler S., Pape U., Benevolenski V. Subnational variations in government-nonprofit relations: A comparative analysis of regional differences within Russia // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. – 2020. – No. 22 (1). – С. 47–65. DOI: 10.1080/13876988.2019.1584446.

Информация об авторах

Чикова Евгения Викторовна (Россия, Екатеринбург) – старший преподаватель кафедры социальной работы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19). E-mail: chikova.evgenia@urfu.ru.

Бородкина Ольга Ивановна (Россия, Санкт-Петербург) – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы. Санкт-Петербургский государственный университет (191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд). E-mail: oiborodkina@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240307

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 154–178

E.V. Chikova, O.I. Borodkina

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL SERVICES THIRD SECTOR
IN THE FAR EAST
(Cases of Khabarovsk and Primorsky Krajs)**

The article investigates the factors influencing the development of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) in two Far Eastern regions: Khabarovsk and Primorsky Krajs. The empirical basis of the study includes data from open sources such as registers of social service providers, ratings of the constituent entities of the Russian Federation in terms of support for SO NPOs by the Ministry of Economic Development and the RAEX agency, as well as expert interviews with managers and employees of non-profit organizations in Khabarovsk and Vladivostok, conducted in 2022. The results of the study show that the primary development vector of the non-profit sector of social services in the Far East is aimed at mobilizing its own resources and assisting social groups that do not receive the necessary services in the public sector. The ongoing transformation of the third sector is largely associated with structural changes in regional management and the rotation of managerial personnel at the level of individual entities. It is noted that under these conditions, there has been a significant reduction in the range and volume of state support, prompting non-profit organizations to seek alternative ways to maintain sustainability. Prospects for the development of SO NPOs are linked to the formation of a unified network of resource centers for SO NPOs in the Far Eastern Federal District and the development of a “road map”

for the sector's development. This plan involves addressing local NPO deficits by extrapolating successful practices of working with businesses, volunteer associations, and creating intra-sector partnerships for implementing social projects.

Keywords: socially oriented NPOs; authorities; business; territorial public self-administration; social service provider; the Far East

For citation: *Chikova, E.V. & O.I. Borodkina. (2024). Aktualnye problemy razvitiya tretyego sektora sotsialnykh uslug na Dalnem Vostoke (na primere Khabarovskogo i Primorskogo krayev) [Current issues in the development of the social services third sector in the Far East (cases of Khabarovsk and Primorsky Krai)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 154–178. DOI: 10.15372/REG20240307.*

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, scientific project No. 19-18-00246-II "Challenges of the transformation of Welfare State in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services" at Saint Petersburg State University

References

1. *Arhipova, E.B., O.I. Borodkina, M.M. Ivanova et al. (2021). Aktualnye problemy tsifrovizatsii sotsialnykh uslug [Current Problems of Digitalization of Social Services]. St. Petersburg, Skifiya-Print Publ., 232.*
2. *Arhipova, E.B., A.V. Starshinova & O.I. Borodkina. (2023). Faktory razvitiya negosudarstvennogo sektora sotsialnykh uslug v rossiyskikh regionakh [Development factors in the non-governmental social services sector in the Russian regions]. Mir Rossii [Universe of Russia], 32 (4), 96–118. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-96-118.*
3. *Biznes i blagotvoritelnost: issledovanie partnerskogo potentsiala nekommercheskikh organizatsiy Khabarovskogo kraia [Business and Charity: Exploring the Partnership Potential of Non-Profit Organizations in Khabarovsk Krai]. Available at: <https://ngo27.ru/ru/library/izba-chitalnya/biznes-i-blagotvoritelnost-issledovanie-partnerskogo-potentsiala-nekommercheskikh-organizatsiy-khaba/> (date of access: 20.11.2023).*
4. *Bulakh, E.V., T.P. Leonenko & V.G. Tsoy. (2021). Formy funktsionirovaniya mestnogo soobshchestva v ramkakh territorialnogo obshchestvennogo samoupravleniya na territorii munitsipalnykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii [Forms of the local community functioning in the framework of territorial self-government on the territory of municipalities of the Russian Federation]. Vestnik Zabayskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Transbaikalian State University], 1, 34–42.*

5. *Vishneva, K.V.* (2020). *Institutsionalizatsiya sotsialno orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy: osobennosti dalnevostochnykh regionov* [Institutionalization of socially oriented non-profit organizations: Features of the Far Eastern regions]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 12 (2), 163–167.

6. *Zabolotnaya, G.M. & A.V. Larionov.* (2017). *Regionalnye praktiki institutsionalizatsii negosudarstvennykh postavshchikov sotsialnykh uslug* [Regional practices of institutionalization of non-governmental social welfare services' providers]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 3, 72–91.

7. *Kaiumova, L.Kh.* (2015). *Sotsialnyy kapital nekommercheskikh organizatsiy kak indikator sostoyaniya grazhdanskogo obshchestva* [Social capital of non-profit organizations as an indicator of the civil society state in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ser.: Obshchestvennye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Series: Social Sciences], 1 (33), 192–202.

8. *Mersiyanova, I.V. & V.B. Benevolenski.* (2016). *Preimushchestva NKO kak postavshchikov sotsialnykh uslug: aprobatsiya v rossiyskikh usloviyakh* [The comparative advantages of NPOs as social welfare services providers: An examination in the Russian context]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 4, 7–26.

9. *Petrovskaya, Yu.A.* (2019). *Modernizatsiya sistemy sotsialnogo obsluzhivaniya v kontekste innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: mekhanizmy i baryery* [Modernization of the social service system in the context of innovative development of the Russian Federation: Mechanisms and barriers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series: Philosophy. Psychology. Sociology], 2, 230–240.

10. *Romanova, V.V. & L.M. Khanova.* (2017). *Otdelnye aspekty razvitiya mekhanizma gosudarstvennogo subsidirovaniya NKO v razreze subyektov Rossiyskoy Federatsii* [Some aspects of development of the mechanism of state subsidies to NGOs across the administrative entities of the Russian Federation]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], Vol. 21, No. 6, 128–137.

11. *Skokova, Yu.A. & M.A. Rybnikova.* (2022). *Razmer nekommercheskogo sektora v regionakh Rossii: faktory razlichiy* [The size of nonprofit sector in Russian regions: Differentiating factors]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25 (1), 70–102. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.3.

12. *Starshinova, A.V. & O.I. Borodkina.* (2022). *Strategii ustoychivosti sotsialno-orientirovannykh NKO: mekhanizm grantovoy podderzhki* [Sustainability strategies of socially oriented NPOs: Grant support mechanism]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 5, 221–236. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.12.

13. *Starshinova, A.V. & L.A. Platonova.* (2020). *Razvitie NKO kak postavshchikov sotsialnykh uslug v regionakh Dalnevostochnogo okruga* [Development of NPOs as providers of social services in the regions of the Far Eastern District]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches], 4 (55), 83–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/83-94.

14. *Suslova, S.V. & E.S. Gordeeva.* (2012). Faktory regionalnykh razlichiy masshtabov nekommercheskogo sektora v Rossiyskoy Federatsii [Factors of regional differences on the scale of a non-commercial sector in the Russian Federation]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 4, 51–57.
15. *Tarassenko, A.* (2015). Nekommercheskiy sektor v stranakh Evropeyskogo Soyuzha i Rossii v kontekste transformatsii gosudarstva blagosostoyaniya [Nonprofit Sector in European Union Countries and Russia under Transformation of the Welfare State]. St. Petersburg, Norma Publ., 224.
16. *Philippova, A.V.* (2021). Finansovaya podderzhka sotsialno orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v regionakh Rossii [Financial support for socially oriented nonprofit organizations in Russian regions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2, 61–86.
17. *Anheier, H.K., L. Carlson & J. Kendall.* (2001). Third sector policy at the crossroads: continuity and change in the world of nonprofit organizations. *Third Sector Policy at the Crossroads: an International Nonprofit Analysis.* London, UK, Routledge, 1–16.
18. *Krasnopol'skaya, I., Y. Skokova & U. Pape.* (2015). Government-nonprofit relations in Russia's regions: An exploratory analysis. *Voluntas*, 26 (6), 2238–2266.
19. *Salamon, L.M. & H.K. Anheier.* (1998). Social origins of civil society: Explaining the nonprofit sector cross-nationally. *Voluntas*, 9 (3), 213–247.
20. *Toepler, S., U. Pape & V. Benevolenski.* (2020). Subnational variations in government-nonprofit relations: A comparative analysis of regional differences within Russia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 22 (1), 47–65. DOI: 10.1080/13876988.2019.1584446.

About Authors

Chikova, Evgeniya Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Senior Lecturer at the Department of Social Work, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Researcher at Saint Petersburg State University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia). E-mail: chikova.evgenia@urfu.ru.

Borodkina, Olga Ivanovna (Saint Petersburg, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Docent, Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University (ent. 9, 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, 191124, Russia). E-mail: oiborodkina@gmail.com.

Поступила в редколлегию 04.05.2023.

После доработки 28.11.2023.

Принята к публикации 01.12.2023.

© Чикова Е.В., Бородкина О.И., 2024

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 179–201

Г.Ф. Балакина, Е.Б. Кибалов, М.В. Пятаев, Д.Д. Шибикин

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПРОЕКТЫ СИБИРИ И ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье анализируются крупномасштабные проекты, в долгосрочной перспективе предполагающие создание «железнодорожной решетки» на территории Сибири и российского Дальнего Востока. В таком ракурсе рассматриваются меридиональные железнодорожные проекты, связывающие Республику Тыва с железнодорожной сетью России. Варианты являются детализацией идеи создания Евразийского транспортного коридора, интегрирующего российские меридиональные элементы решетки не только с ее широтными элементами, но и с железнодорожной сетью Китая посредством выхода на транспортный коридор мегапроекта «Один пояс – один путь». Применительно к транспортной проблеме Тывы интеграционный подход трактуется как необходимость обоснования вариантов использования ресурсов России в целом для осуществления железнодорожных проектов Тывы с точки зрения их общественной результативности – вклада в развитие транспортной железнодорожной решетки России. В качестве вариантов анализируются три проекта выхода через Монголию на железнодорожную сеть Китая. Эффективность вариантов понимается как сравнительная категория, призванная оценить достижение системы общероссийских стратегических целей разными железнодорожными проектами или их сочетаниями. Поддержка процедур оценки осуществляется программными продуктами ASPER 3 и GlobalD, разработанными Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН и Сибирским государственным университетом путей сообщения Росжелдора.

Ключевые слова: Тыва; железнодорожная проблема; Центрально-Евразийский транспортный коридор; крупномасштабные железнодорожные проекты; Сибирь; неопределенность; критерии теории принятия решений; «железнодорожная решетка»; системный анализ; программные продукты ASPER 3 и GlobalD

Для цитирования: Балакина Г.Ф., Кибалов Е.Б., Пятаев М.В., Шибикин Д.Д. Железнодорожные проекты Сибири и транспортная проблема Республики Тыва: системный анализ возможных решений // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 179–201. DOI: 10.15372/REG20240308.

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на церемонии открытия в Пекине 18 октября 2023 г. третьего Международного форума «Один пояс – один путь», сообщил: мы «работаем с зарубежными партнерами над прокладкой железнодорожных маршрутов из Центральной Сибири в южном направлении – в сторону Китая, Монголии, портов Индийского и Тихого океанов»¹. Действительно, еще в августе 2023 г. на совещании по вопросам социально-экономического развития Красноярского края президент поручил Правительству РФ рассмотреть вопрос о формировании Центрально-Евразийского транспортного коридора (Ц-ЕТК) и представить предложения о возможных мероприятиях по его формированию. Срок исполнения – февраль 2024 г.

В настоящей статье обсуждается сравнительная общественная результативность крупномасштабных железнодорожных проектов (мегапроектов, в западной терминологии), которые могут быть реализованы по маршрутам Ц-ЕТК, проходящим через территорию Республики Тыва.

¹ См.: В.В. Путин рассказал о работе над железнодорожными маршрутами в Монголию и Китай. – URL: <https://ria.ru/20231018/putin-1903500743.html> (дата обращения: 07.01.2024).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Выступление президента В.В. Путина на форуме в Китае образует современный контекст для системного рассмотрения истории тувинской железнодорожной проблемы. А именно, китайский мегапроект «Один пояс – один путь» (далее – «Пояс – путь»), с одной стороны, логично вписывается «в многосторонние усилия [России] по укреплению созидательного и конструктивного взаимодействия в масштабах всего мирового сообщества»², а с другой стороны, в нем предлагается средство укрепления взаимодействия – создание Ц-ЕТК. В указанных рамках *транспортная проблема Тывы* авторами настоящей статьи понимается как *развитие транспортной «железнодорожной решетки» России* в части ее меридиональных (центрально-сибирских) элементов, ведущих через территорию Тывы в Китай и стыкующихся в разных вариантах с железными дорогами «Пояса – пути».

Новизна такого подхода в исторической развертке видится следующим образом. В течение многих лет решение транспортной проблемы Тывы в разных форматах обсуждалось на самом высоком уровне, но до реализации намечаемых проектов дело так и не дошло³. Среди множества причин этого главными определялись две: отсутствие должного финансирования и отсутствие надежных методик оценки общественной (глобальной) эффективности локальных проектов типа железнодорожной ветки Кызыл – Курагино.

Сейчас ситуация существенно изменилась. Партнерство с Китаем, обладающим мощным инвестиционным потенциалом, является для России безусловным приоритетом не только экономическим, но также политическим и военно-стратегическим [4]. Это, в свою очередь, требует новых комплексных методик оценки эффективности намечаемых мероприятий и проектов, методологически ориентированных на системную парадигму Я. Корнаи [8]. В следующих сюжетах предлагается одна из возможных версий такого подхода, опирающегося на системный анализ, экспертные технологии и IT-технологии [6; 11].

² В.В. Путин рассказал о работе над железнодорожными маршрутами в Монголию и Китай.

³ См.: [1; 2; 3; 5; 9; 10; 13; 14]; <https://docs.cntd.ru/document/564652912>; <http://www.kremlin.ru/events/state-council/66968>.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Следуя логике вышеизложенного, начнем с двух исходных положений предлагаемого подхода к решению проблемы.

Первое положение относится к конкретизации объекта исследования – крупномасштабных железнодорожных проектов России. Конкретизация заключается в раскрытии агрегированного термина «крупномасштабные проекты» как системы мега-, гига- и терапроектов⁴, введенной в научный оборот в работах [7] и [15] еще в 2014 и 2018 гг. соответственно. Использование авторами настоящей статьи относительно новых терминов актуализировалось после опубликования текста выступления Президента РФ на форуме в Китае, когда стало ясно, что прокладка Ц-ЕТК через территорию России потребует реализации в долгосрочной перспективе многотриллионных железнодорожных проектов класса тера. Именно такие объекты, проходящие через территорию Тывы, нами рассматриваются далее.

Положение второе сформулировано в работах [11; 12], где в общем виде обосновывается эволюционное происхождение представлений об эффективности как составной части экономической рациональности человеческого поведения, а также о программно-целевом подходе как средстве реализации целевых установок лиц, принимающих решения. Применительно к транспортной проблеме Тывы рациональность требует рассмотрения и сравнения вариантов использования ресурсов России в целом для осуществления железнодорожных проектов Тывы с точки зрения их *результативности – вклада в развитие транспортной железнодорожной решетки России*, рачмочно описанной в работе [5]. В качестве вариантов нами анализируются три проекта выхода через Монголию на железнодорожную сеть Китая, результативность которых трактуется как *сравнительная категория, призванная оценить достижение одной и той же общероссийской цели разными проектами или их сочетаниями* (рис. 1).

Авторы данной статьи предлагают методику экспертной оценки крупномасштабных железнодорожных проектов. Методика разрабо-

⁴ Расходы на осуществление мегапроектов измеряются в миллионах, гигапроектов – в миллиардах, терапроектов – в триллионах долларов США.

Железнодорожные проекты Сибири и транспортная проблема Республики Тыва:
системный анализ возможных решений

Рис. 1. Карта-схема: возможные маршруты новых международных экономических коридоров

Источник: <https://www.sibacc.ru/mass/word.php> (дата обращения: 07.01.2024).

тана для использования на этапе обсуждения проектных замыслов, который обычно называется прединвестиционным этапом. На этом этапе часто возникает закрытость процедур выбора наиболее предпочтительного проекта. Этот фактор может привести к стратегическим ошибкам, которые невозможно исправить на более поздних этапах реализации проекта, таких как инвестиционный или эксплуатационный. Особенно опасна комбинация субъективных оценок экспертов с числовыми выкладками, которые не имеют смысла при оценке параметров проектов на длительные периоды, когда неясны направления проектов и их характеристики.

Проект I – сооружение железнодорожной линии от Кызыла до Курагино как продолжение Ц-ЕТК, выходящее через Монголию на восточный сектор железнодорожной сети Китая (Курагино – Кызыл – Хандагайты – Боршо – Кобдо – Такешкен – район Хами – Чанци-Хуэйский автономный округ – Урумчи).

Проект II – сооружение железнодорожной линии от Кызыла до Курагино как продолжение Ц-ЕТК, выходящее через Монголию на западный сектор железнодорожной сети Китая (Курагино – Кызыл – Цаган-Толгой – Арцсурь – Овот – Эрдэнэт – Салхит-Замын-Удэ – Эрлянь – Уланчаб – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь).

Проект III – создание расширенного варианта Ц-ЕТК как стержневой железнодорожной структуры от порта Сабетта в Обской губе до китайского Урумчи через Горно-Алтайск, т.е. в обход Кызыла, что фактически означает отказ от строительства железнодорожной ветки Кызыл – Курагино [5].

На данном этапе анализа проектов абсолютная сметная стоимость всех трех проектов оценивается как одинаковая. Но если по первому и второму проектам ранее велись дискуссии, то третья альтернатива реализации совершенно новая и предложена относительно недавно. Сегодня ведутся исследования именно в отношении маршрута примыкания железных дорог Западной Сибири к железным дорогам Северо-Западного Китая. Хотя по первым двум проектам и имеются некоторые оценки сметной стоимости, то по третьему проекту таких оценок нет, и в данной статье авторы, как и эксперты, исходят из предположения о равной стоимости всех трех проектов.

Все три проекта обсуждались начиная с 2007 г. В 2011 г. при участии Президента РФ было положено символическое начало строительству железной дороги Кызыл – Курагино: вбит золотой костыль в шпалу около г. Кызыла. Однако строительство не начато до сих пор из-за трудностей с финансированием. После пятнадцати лет обсуждений и поисков схем финансирования в 2022 г. органы исполнительной власти Тывы инициировали очередное обсуждение проекта (вне идеи Ц-ЕТК) с продолжением железной дороги Кызыл – Курагино к российско-монгольской границе и далее через Монголию в Китай. Стоимость реализации подобного межгосударственного проекта оценивалась более чем в 1 трлн руб., предполагаемая загрузка магистрали – 73 млн т грузов в год, что позволяло снизить нагрузку на Восточный полигон (БАМ и Транссиб) на 20%.

На рисунке 1 показан один из возможных наборов железнодорожных проектов по маршрутам Ц-ЕТК. Проект III рассматривается как альтернативный проектам I и II⁵.

Развивая постановку проблемы (с учетом истории вопроса), начнем с ее целевой структуризации при помощи оценочной структуры, центральным системообразующим элементом которой служит дерево целей (см. далее рис. 2). Станем считать это шагом 0, а все дальнейшие шаги по структуризации, квантификации и оцифровке сложной проблемы – последовательными процедурами системного анализа, направленными на раскрытие неопределенности последствий принимаемых решений.

Итак, шаг 0. Пусть по результатам системного анализа интересующей нас проблемы группой экспертов в назывной шкале описаны проекты I, II, III, сценарии A, B, C развития внешней среды проектов, дерево целей анализируемых проектов. Сформирована также оценочная матрица 3×3 , элементы которой – исходы взаимодействия пар «проект – сценарий».

Требуется определить наиболее предпочтительный проект в ситуации радикальной неопределенности, когда сценарии развития внешней среды проектов возникают спонтанно на невероятностной основе. Проект может быть подвержен различным внешним сцена-

⁵ См. официальный сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». – URL: <https://www.sibacc.ru/mass/word.php> (дата обращения: 07.01.2024).

риям, которые выходят за рамки полного контроля. Эти сценарии могут включать вероятностные неопределенности, опирающиеся на объективную статистику или на оценки экспертов. Среди этих сценариев могут быть как оптимистические, так и пессимистические, а также некоторые промежуточные варианты. В случае крайней неопределенности лицо, принимающее решение, «играет с природой», которая может породить непредсказуемые сценарии. Часто достаточно формулировать три сценария: пессимистический, оптимистический и наиболее вероятный промежуточный вариант. Названия этих сценариев уже указывают на их основу: пессимистический сценарий предполагает самые неблагоприятные условия для успешного выполнения проекта, в то время как оптимистический – наиболее благоприятные.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ

Решаем эту задачу пошагово двумя способами.

Способ первый

Исходы исчисляем как величины следующим образом. Пусть имеется сформированное экспертами дерево целей, генеральная цель 0 которого формулируется как максимизация общественной результативности сравниваемых проектов. Цель 0.1 второго сверху ряда дерева определяется как экономическая, цель 0.2 – как социальная, цель 0.3 – как военно-стратегическая. Цель 0.1 экономическая заключается в том, что реализация проекта приведет к увеличению темпов роста ВВП, ВРП в Сибирском федеральном округе, темпов роста фактического конечного потребления домашних хозяйств, а за счет перемаршрутизации грузовых потоков с Восточного полигона даст возможность российским экспортерам в полном объеме вывозить массовые грузы. Цель 0.2 социальная заключается в улучшении качества жизни населения за счет: улучшения транспортной доступности регионов в части пассажирского железнодорожного сообщения с соседними регионами; уменьшения неравенства, создания равных возможностей для жителей регионов Южной Сибири; увеличения

транспортной связанности и мобильности региона; содействия устойчивому развитию всех регионов Сибирского федерального округа; формирования возможностей для развития малого бизнеса, создания рабочих мест; улучшения в целом всей инфраструктуры. Цель 0.3 военно-стратегическая заключается в решении задач, связанных с обеспечением мобилизационной готовности транспортного комплекса и выполнением им военно-транспортной обязанности, с укреплением национальной безопасности, обороноспособности страны и ее территориального единства.

Структура дерева инвариантна во всех сценариях, но коэффициенты относительной важности второго (критериального) ряда подцелей неодинаковы в разных сценариях.

Шаг 1. Дерево целей проектов в сценарии А приведено на рис. 2, в сценарии В – на рис. 3, в сценарии С – на рис. 4.

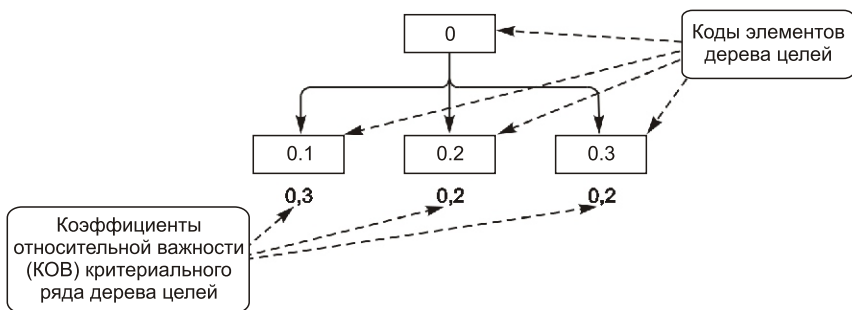

Рис. 2. Дерево целей проектов в сценарии А

Источник: составлено авторами

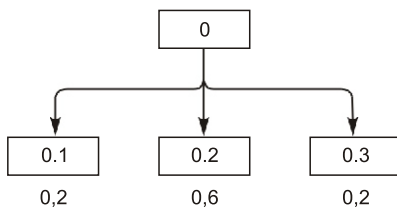

Рис. 3. Дерево целей проектов в сценарии В

Источник: составлено авторами

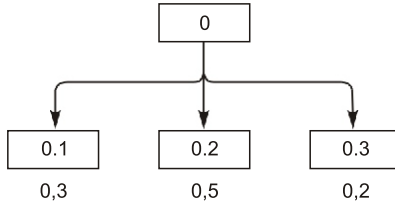

Рис. 4. Дерево целей проектов в сценарии С

Источник: составлено авторами

Шаг 2. Ранжируем проекты в порядковой шкале по их предпочтительности для достижения подцелей критериального ряда дерева целей и с помощью программы ASPER 3⁶ оцифровываем полученные ранжировки, а полученные величины нормируем к единице. Оценки степеней в сценариях А, В и С достижения подцелей критериального ряда приведены на рис. 5, 6 и 7 соответственно.

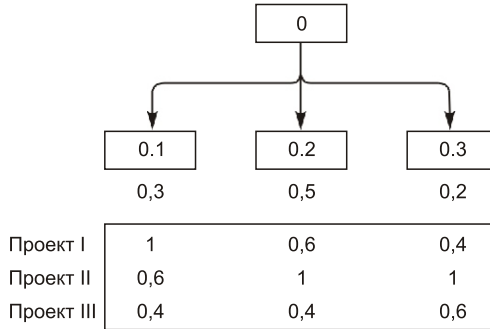

Рис. 5. Оценки степеней достижения подцелей критериального ряда сценария А

Источник: составлено авторами

⁶ См.: *Свидетельство* о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023663089 Российская Федерация. ASPER 3 – программное обеспечение для принятия многокритериальных решений в условиях неопределенности: № 2023662242: заявл. 13.06.2023; опубл. 19.06.2023 / М.В. Пятаев, И.А. Беспалов, Е.Б. Кибалов; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет путей сообщения». – EDN CLCJAG.

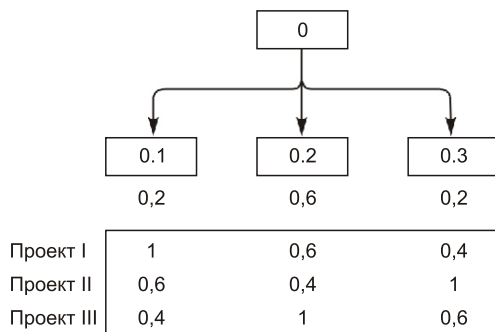

Рис. 6. Оценки степеней достижения подцелей критериального ряда сценария В

Источник: составлено авторами

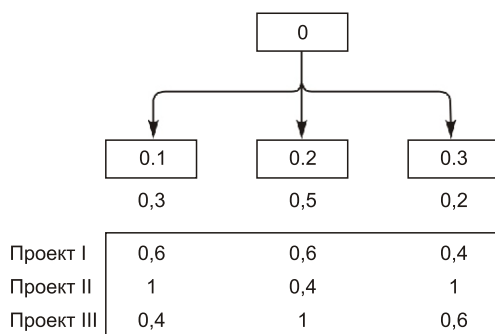

Рис. 7. Оценки степеней достижения подцелей критериального ряда сценария С

Источник: составлено авторами

Общая оценка проектов в сценарии А:

$$\text{проект I} = 0,3 \cdot 1,0 + 0,5 \cdot 0,6 + 0,2 \cdot 0,4 = 0,68;$$

$$\text{проект II} = 0,3 \cdot 0,6 + 0,5 \cdot 1,0 + 0,2 \cdot 1,0 = 0,88;$$

$$\text{проект III} = 0,3 \cdot 0,4 + 0,5 \cdot 0,4 + 0,2 \cdot 0,6 = 0,44.$$

В сценарии В:

$$\text{проект I} = 0,2 \cdot 1,0 + 0,6 \cdot 0,6 + 0,2 \cdot 0,4 = 0,68;$$

$$\text{проект II} = 0,2 \cdot 0,6 + 0,6 \cdot 0,4 + 0,2 \cdot 1,0 = 0,58;$$

$$\text{проект III} = 0,2 \cdot 0,4 + 0,6 \cdot 1,0 + 0,2 \cdot 0,6 = 0,74.$$

В сценарии С:

$$\text{проект I} = 0,3 \cdot 0,6 + 0,5 \cdot 0,6 + 0,2 \cdot 0,4 = 0,56;$$

$$\text{проект II} = 0,3 \cdot 1,0 + 0,5 \cdot 0,4 + 0,2 \cdot 1,0 = 0,70;$$

$$\text{проект III} = 0,3 \cdot 0,4 + 0,5 \cdot 1,0 + 0,2 \cdot 0,6 = 0,74.$$

Шаг 3. Формируем оценочную матрицу (табл. 1). В матрице нет доминирующих стратегий, поэтому приступаем к анализу в условиях неопределенности по критериям при помощи программного продукта GlobalD⁷, принимая:

- при критериях Гурвица, Ходжа – Лемана = 0,66;
- степень доверия для критерия Ходжа – Лемана составляет 0,34;
- распределение вероятностей актуализации сценариев А, В, С соответствует представленному в табл. 2.

Анализ табл. 3 показывает, что по семи из восьми критериев в качестве наиболее предпочтительного определяется проект II и только по критерию 8 наиболее предпочтителен проект III. Однако если

Таблица 1

Оценочная матрица С1

Проекты	Сценарии		
	А	В	С
I	0,68	0,68	0,56
II	0,88	0,58	0,70
III	0,44	0,74	0,74

Примечание: развернутая версия данного способа реализована в программном продукте GlobalD (см.: *Свидетельство* о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018660190 Российская Федерация. GlobalD: № 2018618087: заявл. 16.07.2018: опубл. 17.08.2018 / Д.Д. Шибикин. – EDN GJGBXR).

Источник: составлено авторами.

⁷ См.: *Свидетельство* о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018660190 Российская Федерация. GlobalD: № 2018618087: заявл. 16.07.2018: опубл. 17.08.2018 / Д.Д. Шибикин. – EDN GJGBXR.

Таблица 2

Распределение вероятностей актуализации сценариев

Сценарии	А	В	С
Вероятности актуализации сценариев	0,3	0,4	0,3

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Результирующая матрица «критерии – проекты» (первый способ расчета)

№	Критерии	Проекты		
		I	II	III
1	Вальда		*	
2	Максимакс		*	
3	Сэвиджа		*	
4	Гурвица		*	
5	Байеса		*	
6	Лапласа		*	
7	Ходжа – Лемана		*	
8	Гермейера			*

Источник: составлено авторами.

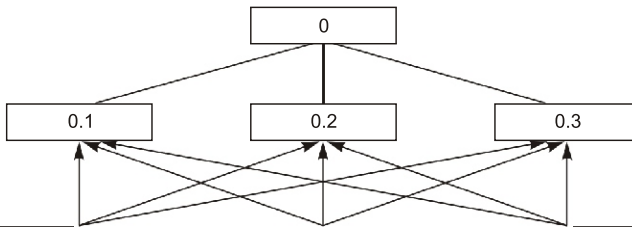
поменять корректирующие коэффициенты в критериях 5, 7, 8, то наиболее предпочтительным может оказаться другой проект. Это означает, что при разовом расчете неопределенность вскрывается лишь частично. Для увеличения возможности повысить степень вскрытия необходимо выполнять процедуру, описанную выше, в скользящем режиме по всем интервалам осуществления проектов. Здесь все зависит, во-первых, от технических возможностей инвестора и, во-вторых, от его системы стратегических ценностей.

Способ второй

Формируются пары: **1** – (проект I + сценарий А); **2** – (проект I + сценарий В); **3** – (проект I + сценарий С); **4** – (проект II + сценарий А); **5** – (проект II + сценарий В); **6** – (проект II + сценарий С); **7** – (проект III + сценарий А); **8** – (проект III + сценарий В); **9** – (проект III + сценарий С).

Таблица 4

Достижение проектами I, II и III подцелей критериального ряда дерева целей в сценариях А, В и С

Пара	Упорядочение	Коэфф. относит. важности	Нормир. приоритет	Упорядочение	Коэфф. относит. важности	Нормир. приоритет	Упорядочение	Коэфф. относит. важности	Нормир. приоритет
1	2	0,19	0,78	3	0,15	0,61	4	0,12	0,48
2	7	0,06	0,23	5	0,09	0,38	6	0,07	0,30
3	5	0,09	0,38	4	0,12	0,48	3	0,15	0,61
4	1	0,24	1,00	2	0,19	0,78	1	0,24	1,00
5	4	0,12	0,48	6	0,07	0,30	5	0,09	0,38
6	3	0,15	0,61	8	0,04	0,18	7	0,06	0,23
7	9	0,03	0,14	7	0,06	0,23	8	0,04	0,18
8	6	0,07	0,30	1	0,24	1,00	9	0,03	0,14
9	8	0,04	0,18	9	0,03	0,14	2	0,19	0,78

Источник: составлено авторами.

Упорядочиваем пары по степени их полезности для достижения подцелей дерева целей, обрабатываем программным продуктом ASPER 3⁸ и нормируем к единице. Результаты помещаем в табл. 4, где показаны степени достижения проектами I, II и III подцелей критериального ряда дерева целей в сценариях А, В и С.

Проект I в сценарии А имеет следующие степени достижения целей критериального ряда: 0,78, 0,61, 0,48.

Учитывая коэффициенты относительной значимости целей в сценарии А, находим степень достижения генеральной цели 0 (табл. 5).

Таблица 5

Степени достижения цели

Проект	Сценарий	Расчеты	Итого
I	A	0,78 0,3 + 0,61 0,5 + 0,48 0,2	0,69
I	B	0,23 0,2 + 0,38 0,6 + 0,30 0,2	0,33
I	C	0,38 0,3 + 0,48 0,5 + 0,61 0,2	0,48
II	A	1 0,3 + 0,78 0,5 + 1 0,2	0,89
II	B	0,48 0,2 + 0,3 0,6 + 0,38 0,2	0,35
II	C	0,61 0,3 + 0,18 0,5 + 0,23 0,2	0,32
III	A	14 0,3 + 0,23 0,5 + 0,18 0,2	0,19
III	B	0,3 0,2 + 1 0,6 + 0,14 0,2	0,69
III	C	0,18 0,3 + 0,14 0,5 + 0,78 0,2	0,28

Источник: составлено авторами.

⁸ См.: *Свидетельство* о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023663089 Российская Федерация. ASPER 3 – программное обеспечение для принятия многокритериальных решений в условиях неопределенности: № 2023662242: заявл. 13.06.2023; опубл. 19.06.2023 / М.В. Пятаев, И.А. Беспалов, Е.Б. Кибалов; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет путей сообщения». – EDN CLCJAG.

Таблица 6

Оценочная матрица С2

Проекты	Сценарии		
	А	В	С
I	0,64	0,33	0,48
II	0,89	0,35	0,32
III	0,19	0,69	0,28

Источник: составлено авторами.

Оценочная матрица теперь выглядит так, как представлено в табл. 6. Если принять для критериев Гурвица и Ходжа – Лемана коэффициент равным 0,66, степень доверия для критерия Ходжа – Лемана равной 0,34, распределение вероятности актуализации сценариев А – 0,03, В – 0,4 и С – 0,3, то таблица, отображающая предпочтительность проектов I, II, III примет вид табл. 7.

Таблица 7

Результирующая матрица «критерии – проекты» (второй способ расчета)

№	Критерии	Проекты		
		I	II	III
1	Вальда	*		
2	Максимакс		*	
3	Сэвиджа		*	
4	Гурвица		*	
5	Байеса		*	
6	Лапласа		*	
7	Ходжа – Лемана		*	
8	Гермейера			*

Источник: составлено авторами.

Из таблицы 7 следует, что по критерию 1 наиболее предпочтительным является проект I, в то время как по критерию 8 наиболее предпочтителен проект III. По остальным критериям в качестве наиболее предпочтительного определен проект II.

По сравнению с предыдущей оценочной матрицей (см. табл. 3) видно, что элементы матрицы изменились. В новой таблице увеличился разброс по строкам и по столбцам. Можно предположить, что второй способ расчета более чувствителен к различиям проектов и сценариев. Причина в том, что предъявляя экспертам девять пар, а не три раза по три проекта, мы отбираем у них больше информации. Например, о том, что подцель 0.1 в сценарии А проектом I достигается гораздо лучше, чем в сценарии С проектом II.

ВЫВОДЫ

Научные результаты, полученные в ходе анализа, проведенного авторами в рамках исследования проблемы, обозначенной в названии статьи, заключаются в следующем.

1. Предложены и прошли экспериментальную проверку методы оценки крупномасштабных железнодорожных проектов, целеориентированных на развитие транспортной инфраструктуры Зауральского макрорегиона России в долгосрочной перспективе.

2. Проверка показала, что комплексная методика – авторская версия системного подхода к решению сложной проблемы – создает возможность раскрыть исходную неопределенность проблемы лишь частично. Однако и такой скромный результат позволяет конструктивно сформулировать направления дальнейших научных исследований и практических организационных мероприятий.

3. Научные исследования, касающиеся крупномасштабных железнодорожных проектов (классов гига и тера), должны проводиться специализированными правительственными структурами с целью оценки общественной результативности сооружаемых объектов.

4. Процедуры оценки должны выполняться в скользящем режиме неангажированными экспертами по всему жизненному циклу проектов.

5. В нашем случае ОАО «РЖД» и правительственные структуры Республики Тыва должны, принимая целевые установки правительственных структур России как директивы, предлагать наименее затратные варианты их реализации.

6. Общеметодологической установкой при оценке крупномасштабных проектов (и не только железнодорожных) следует считать неоднократные замечания президента В.В. Путина о необходимости учитывать при принятии решений фактор неопределенности.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков в России и ее восточных регионах: методология, анализ, прогнозирование», № 121040100284-9

Список источников

1. Балакина Г.Ф. Возможности развития транспортной инфраструктуры Республики Тыва // Экономика и предпринимательство. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 414–416.

2. Балакина Г.Ф., Бегзи А.Д. Экономика Тувы: возможные стратегии развития / Отв. ред. Ю.Г. Полулях. – Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2016. – 380 с.

3. Бегзи А.Д. Железная дорога в Туву: тупиковая технологическая ветка или трансграничный коридор, обеспечивающий поворот экономики России на Восток // Азиатские исследования: история и современность. – 2022. – № 2 (2). – С. 118–130.

4. Быкадоров С.А., Кибалов Е.Б. К вопросу о стратегии развития железных дорог России в долгосрочной перспективе // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 114–125.

5. Дабиев Д.Ф. Экономическая оценка проекта строительства международной железной дороги Кызыл – Урумчи // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 8-2. – С. 320–326.

6. Кибалов Е.Б., Бузулуцков В.Ф., Глуценко К.П., Пятаев М.В., Сизов А.Н., Шибикин Д.Д. Оценка общественной эффективности крупномасштабных железно-

дорожных проектов в ситуации неопределенности: неосистемный подход / Предисл. К.Л. Комарова. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2020. – 155 с.

7. *Кибалов Е.Б., Нехорошков В.П.* Крупномасштабные железнодорожные проекты России: оценка общественной эффективности в ситуации неопределенности // Вопросы новой экономики. – 2018. – № 1 (45). – С. 60–68.

8. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–22.

9. *Лебедев В.И., Дабиев Д.Ф.* Возможности и перспективы развития Тувино-Монгольской магистрали // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 26 (377). – С. 39–46.

10. *Лебедев В.И., Дабиев Д.Ф.* Эколого-экономические аспекты освоения месторождений каменного угля Улуг-Хемского бассейна (Республика Тыва) // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: Мат. III-й Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию ТувИКОПР СО РАН и 45-летию академической науки в Туве / Под общ. ред. Г.Ф. Балакиной; отв. ред. В.О. Ооржак. – Кызыл, 2019. – С. 157–166.

11. *Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А.* Программно-целевое планирование: вчера, сегодня... Завтра? – URL: <https://institutiones.com/general/2880-programmno-celevoe-planirovanie.html> (дата обращения: 07.01.2024).

12. *Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А.* Эффективность в государственном секторе: иллюзия понимания и ее последствия // Terra Economicus. – 2021. – № 19 (1). – С. 17–35. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-17-35.

13. *Экономика* Тувинской АССР / Отв. ред. С.В. Клопов. – Кызыл, Тув. кн. изд-во, 1973. – 378 с.

14. *Balakina G., Kibalov E., Pyataev M.* System assessment of the Kyzyl – Kuragino railroad project as an element of Russia – Mongolia – China transport corridors // Transportation Research Procedia. – 2022. – No. 63. – P. 1817–1825. DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.199.

15. *Flyvbjerg B.* What you should know about megaprojects and why: An overview // Project Management Journal. – 2014. – Vol. 45, No. 2. – P. 6–19. DOI:10.1002/pmj.21409.

Информация об авторах

Балакина Галина Федоровна (Россия, Кызыл) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (667007, Кызыл, ул. Интернациональная, 117А). E-mail: balakina.gal@yandex.ru.

Кибалов Евгений Борисович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: kibalovE@mail.ru.

Пятаев Максим Викторович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент Сибирского государственного университета путей сообщения (630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191). E-mail: procedure@inbox.ru.

Шибикин Дмитрий Дмитриевич (Россия, Новосибирск) – старший преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения (630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191). E-mail: wanderer-di.di@ya.ru.

DOI: 10.15372/REG20240308

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 179–201

G.F. Balakina, E.B. Kibalov, M.V. Pyataev, D.D. Shibikin

**SIBERIAN RAILWAY PROJECTS AND TRANSPORT
CHALLENGES IN TUVA: SYSTEM ANALYSIS
OF POSSIBLE SOLUTIONS**

The article analyzes large-scale projects aimed at establishing a grid-like rail network in Siberia and the Russian Far East, aligning with a global trend. It focuses on meridional railway projects connecting the Tyva Republic (Tuva) with the Russian railway system. These projects explore the concept of creating a Eurasian transport corridor, which not only integrates the meridional and latitudinal elements of Russia's rail network but also connects with China's one through access to the Belt and Road Initiative megaproject transport corridor. The integration approach to the Tuvan transport problem emphasizes justifying the use of Russia's resources for implementing regional railway projects based on their visible social effectiveness in contributing to the development of the Russian grid-like rail network. Three project connections

through Mongolia to the Chinese railways are analyzed. The effectiveness of these options is assessed as a comparative category, evaluating the achievement of all-Russian strategy goals by different railway projects or their components. The study also supports the assessment procedures by software products ASPER 3 and GlobalD, jointly developed by the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS and the Siberian Transport University, Federal Agency for Rail Transport (Russia).

Keywords: Tuva; railway problem; Central Eurasian Transport Corridor; large-scale railway projects; Siberia; uncertainty; decision-making criteria; grid-like rail network; system analysis; software products ASPER 3 and GlobalD

For citation: *Balakina, G.F., E.B. Kibalov, M.V. Pyataev & D.D. Shibikin. (2024). Zheleznodorozhnye proekty Sibiri i transportnaya problema Respubliki Tyva: sistemnyy analiz vozmozhnykh resheniy [Siberian railway projects and the transport challenges in Tuva: System analysis of possible solutions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 179–201. DOI: 10.15372/REG20240308.*

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Integration and interaction of meso-economic systems and markets in Russia and its eastern regions: methodology, analysis, forecasting”, No. 121040100284-9

References

1. *Balakina, G.F. (2019). Vozmozhnosti razvitiya transportnoy infrastruktury Respubliki Tyva [Opportunities for development of transport infrastructure of the Republic of Tuva]. Ekonomika i predprinimatelstvo [Economics and Entrepreneurship], Vol. 13, No. 5, 414–416.*
2. *Balakina, G.F., A.D. Begzi & Yu.G. Polulyakh (Ed.). (2016). Ekonomika Tuvy: vozmozhnye strategii razvitiya [The Economy of Tuva: Possible Development Strategies]. Kyzyl, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS Publ., 380.*
3. *Begzi, A.D. (2022). Zheleznaya doroga v Tuvu: tupikovaya tekhnologicheskaya vetka ili transgranichnyy koridor, obespechivayushchiy povорот ekonomiki Rossii*

na Vostok [The railway to Tuva: A dead-end technological branch or a cross-border corridor that ensures the turn of the Russian economy to the East]. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost* [Asian Studies: History and Modernity], 2 (2), 118–130.

4. *Bykadorov, S.A. & E.B. Kibalov.* (2022). K voprosu o strategii razvitiya zheleznikh dorog Rossii v dolgosrochnoy perspektive [On the long-term development strategy of Russian railways]. *EKO [ECO]*, 7 (577), 114–125.

5. *Dabiev, D.F.* (2016). Ekonomicheskaya otsenka proekta stroitelstva mezhdunarodnoy zheleznoy dorogi Kyzyl – Urumchi [Economic evaluation of the project the construction of the international railway Kyzyl – Urumqi]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 8-2, 320–326.

6. *Kibalov, E.B., V.F. Buzulutskov, K.P. Gluschenko, M.V. Pyataev, A.N. Sizov & D.D. Shibikin.* (2020). Otsenka obshchestvennoy effektivnosti krupnomasshtabnykh zheleznodorozhnykh projektov v situatsii neopredelennosti: neosistemnyy podkhod [Assessment of Social Efficiency of Large-Scale Railway Projects in the Situation of Uncertainty: A Neosystem Approach]. Foreword by K.L. Komarov. Novosibirsk, Siberian Transport University Publ., 155.

7. *Kibalov, E.B. & V.P. Nekhoroshkov.* (2018). Krupnomasshtabnye zheleznodorozhnye proekty Rossii: otsenka obshchestvennoy effektivnosti v situatsii neopredelennosti [Large-scale railway projects in Russia: Assessing the public efficiency in a situation of uncertainty]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of New Economy], 1 (45), 60–68.

8. *Kornai, J.* (2002). Sistemnaya paradigma [The system paradigm]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 4, 4–22.

9. *Lebedev, V.I. & D.F. Dabiev.* (2014). Vozmozhnosti i perspektivy razvitiya Tuvino-Mongolskoy magistrali [Prospects and opportunities of construction of a Tuva-Mongolian main road]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 26 (377), 39–46.

10. *Lebedev, V.I. & D.F. Dabiev.* (2019). Ekologo-ekonomicheskie aspekty osvoiniya mestorozhdeniy kamennogo uglya Ulug-Khemsckogo basseyna (Respublika Tyva) [Environmental and economic aspects of coal deposits development in Ulug-Khemsckiy basin (Tuva Republic)]. In: G.F. Balakina, V.O. Oorzhak (Eds.). *Regionalnaya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura: Mat. III-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 25-letiyu TuvIKOPR SO RAN i 45-letiyu akademicheskoy nauki v Tuve* [Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure: Materials of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS and the 45th anniversary of academic science in Tuva]. Kyzyl, 157–166.

11. *Tambovtsev, V.L. & I.A. Rozhdestvenskaya.* (2024). Programmno-tselevoye planirovanie: vchera, segodnya... Zavtra? [Program-Target Planning: Yesterday, Today... Tomorrow?]. Available at: <https://instituciones.com/general/2880-programmno-celevoye-planirovanie.html> (date of access: 07.01.2024).

12. *Tambovtsev, V.L. & I.A. Rozhdestvenskaya.* (2021). Effektivnost v gosudarstvennom sektore: illyuziya ponimaniya i ee posledstviya [Efficiency in public sector: Illusion of comprehension and its consequences]. *Terra Economicus*, 19 (1), 17–35. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-17-35.

13. *Klopov, S.V.* (Ed.). (1973). *Ekonomika Tuvinskoj ASSR* [Economy of the Tuva ASSR]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 378.

14. *Balakina, G., E. Kibalov & M. Pyataev.* (2022). System assessment of the Kyzyl–Kuragino railroad project as an element of Russia – Mongolia – China transport corridors. *Transportation Research Procedia*, 63, 1817–1825. DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.199.

15. *Flyvbjerg, B.* (2014). What you should know about megaprojects and why: an overview. *Project Management Journal*, Vol. 45, No. 2, 6–19. DOI: 10.1002/pmj.21409.

About Authors

Balakina, Galina Fedorovna (Kyzyl, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher at Tuva Institute for Integrated Development of Natural Resources (117 A, Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia). E-mail: balakina.gal@yandex.ru.

Kibalov, Evgeny Borisovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: kibalovE@mail.ru.

Pyataev, Maksim Viktorovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at Siberian Transport University (191, Dusya Kovalchuk St., Novosibirsk, 630049, Russia). E-mail: procedure@inbox.ru.

Shibikin, Dmitry Dmitrievich (Novosibirsk, Russia) – Senior Lecturer at Siberian Transport University (191, Dusya Kovalchuk St., Novosibirsk, 630049, Russia). E-mail: wanderer-di.di@ya.ru.

Поступила в редколлегию 13.02.2024.

После доработки 04.04.2024.

Принята к публикации 12.04.2024.

УДК 339.9

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 202–221

Сунь Чжуанчжи

**ГАРМОНИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРАЗИИ
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ
«ПОЯС И ПУТЬ»¹**

В статье рассмотрен выбор постсоветскими странами Евразии моделей развития по пути модернизационных реформ. Показано, что в этих моделях сочетаются формальная «вестернизация» в политической сфере и «содержательная национализация». Проанализированы трудности модернизации в процессе построения национальных государств (несовместимость религиозных и культурных традиций со светскими политическими системами, риски, возникающие при внедрении сверхсильной президентской власти, риски политического плюрализма, проблемы реструктуризации систем социального управления и т.д.). Показано, что модернизация – это не просто готовая западная модель с акцентом на экономическом росте, она также должна быть направлена на социальное развитие и достижение общественной справедливости. Рассмотрены выстраивание стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и ее влияние на развитие постсоветских стран Евразийского макрорегиона (в том числе на основе совершенствования систем управления и совместного поиска новых возможностей для их развития).

¹ Статья является переводом на русский язык тезисов выступления профессора Сунь Чжуанчжи на VII Форуме аналитических центров российско-китайских экономических взаимодействий (г. Харбин, КНР, июнь 2023 г.), опубликованных в сборнике трудов форума. Редколлегия журнала «Регион: экономика и социология» выражает автору искреннюю признательность за согласие опубликовать статью на страницах журнала. Перевод осуществлен Т.Г. Завьяловой и Яо Сунюм.

Ключевые слова: Евразия; Евразийский макрорегион; постсоветские страны; модернизация; реформы; инициатива «Пояс и путь»; Шелковый путь; макрорегиональное управление; трансграничное сотрудничество; модели эндогенной и экзогенной модернизации

Для цитирования: *Сунь Чжуанчжи.* Гармонизация развития стран Евразии в контексте реализации и модернизации стратегической инициативы «Пояс и путь» // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 202–221. DOI: 10.15372/REG20240309.

Стратегическая инициатива «Один пояс – один путь»², выдвинутая в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином, направлена на реализацию общего развития стран Евразии и по своей сути является инновационной концепцией и моделью сотрудничества в рамках современных международных отношений. По мере того как социально-экономическое развитие КНР выходит на новый этап, руководство страны выступает за инновационное и «зеленое» развитие, придает большое значение социальной стабильности и безопасности, модернизирует систему управления и экономический потенциал Китая, что также влияет на направления внешнего сотрудничества.

Модернизация с китайской спецификой была замечена и высоко оценена в разных странах мира, особенно в евразийских. Учиться друг у друга, дополнять сильные стороны друг друга и добиваться общего развития – это реальный выбор пути для сотрудничества Китая с евразийскими странами.

Как подчеркивал председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на встрече на высшем уровне «Диалог КПК с политическими партиями мира» (CPC in Dialogue with World Political Parties High-level Meeting), проходившей в марте 2023 г., «мы должны объединить усилия для продвижения реформы и построения системы глобального управления, для содействия развитию международного порядка в более справедливом и разумном направлении. Мы также должны

² Далее в тексте будет использоваться также равнозначное название этой стратегической инициативы – «Пояс и путь» (*прим. науч. ред.*).

содействовать модернизации человеческого общества, прилагая постоянные усилия по обеспечению равенства в плане прав, возможностей и правил»³. Такие концепции и практики приобрели особое значение и привлекательность в Евразийском макрорегионе благодаря продвижению инициативы «Пояс и путь».

ВЫБОР СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ РЕФОРМ

Далее мы будем рассматривать страны Евразии, которые получили независимость после распада Советского Союза в 1991 г. (постсоветские страны). Уже более 30 лет они активно проводят модернизацию и реформы, выбирают путь развития в соответствии с собственными реалиями, стремятся к экономическому и социальному прогрессу в процессе построения новой политической и экономической системы, добились значительных успехов, но при этом столкнулись с множеством трудностей и потерпели ряд неудач, часто шли неверной дорогой. Модернизация – новая тема для этих молодых стран, и при выборе пути они сталкиваются со схожими проблемами.

Особенности процесса модернизации в странах Евразийского макрорегиона

В политической сфере реализуются формальная «вестернизация» и содержательная «национализация на основе интересов титульной нации». Первое направление – это подражание западным институтам путем создания профессиональных парламентов и принятия многопартийной системы; второе направление – повышение статуса титульной нации, акцент на построение унитарного демократического государства и стремление усилить сплоченность и укрепить чувство

³ См.: Программная речь Си Цзиньпина на встрече на высшем уровне «Диалог КПК с политическими партиями мира» (полный текст). 16 марта 2023 года. Сайт газеты «Жэньминь жибао». – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0316/c1002-32645437.html> .

собственного достоинства нового национального государства. По сути, это две конфликтующие политические парадигмы, которые в конечном итоге приводят лишь к формальному принятию западной системы при сохранении либо восстановлении в большей или меньшей степени традиционного стиля управления.

В экономической сфере стимулируются проведение масштабной приватизации и переориентация общества на внедрение рыночных отношений. Согласно ряду показателей, в советский период в этих странах уже были осуществлены индустриализация и урбанизация, создана относительно хорошая система социального обеспечения, уровень социально-экономического развития был выше, чем у соседних развивающихся стран, и часть из них можно было отнести к странам «первого мира». После обретения независимости традиционные экономические связи были разорваны, страны пережили глубокий кризис, наметилась тенденция к деиндустриализации и деурбанизации, в этих странах начался сложный процесс экономической трансформации, в ходе которого они столкнулись со многими трудностями и до сих пор прилагают усилия для их преодоления.

В социальной сфере наблюдаются «реурбанизация» и омоложение населения. Большинство постсоветских евразийских стран после обретения независимости столкнулись с масштабной миграцией населения, причем в некоторых из них произошли сокращение доли городского населения и увеличение доли сельского. В результате сильного давления фактора внутренней занятости и увеличения экспорта рабочей силы повысилась социальная мобильность, а бедность стала более выраженной. Для стран Центральной Азии и Южного Кавказа характерны высокая рождаемость, быстрый рост населения и значительные структурные изменения в экономике. Ослабление управления и самоуправления на местном уровне и большая зависимость от неправительственных организаций привели к отчуждению общества от государства.

В сфере общественного развития и культуры акцент делается на местных национально-религиозных особенностях и секуляризации. Постепенно «дерусифицируясь» и открываясь Западу, страны Центральной Азии и Азербайджан пытаются преодолеть идеологический

вакуум путем возрождения исламской культуры, в то время как на Украине, в Грузии и других странах преобладает православное христианство. Однако содействие возвращению традиционных культур и поощрение распространения религии породили новые вызовы экстремизма, оказавшие сильное влияние на светские институты стран.

Трудности модернизации и построение национальных государств

Можно заметить, что поиск путей модернизации в постсоветских евразийских странах представляет собой достаточно противоречивый процесс, в один и тот же временной промежуток в этой группе государств проявился конфликт между «модернизацией» и «современностью». Модернизация – это прогрессивный процесс, которого не может избежать ни одна страна, особенно в условиях глобализации, но он также может спровоцировать различные структурные перестройки, обострение соперничества между группами с различными интересами, требует постоянной корректировки и соблюдения баланса, а также адаптации надстройки к экономическому базису. Если не решить данную проблему должным образом, это может привести к беспорядкам.

По мнению С.Ф. Хантингтона, современность стабильна, а модернизация нестабильна, и евразийские страны уже обладают определенной современностью, которая не исключает интеграции в мировую экономику и восприятия опыта более развитых культур, но и институциональные преобразования, и выбранные модели развития нестабильны⁴.

В социально-политической сфере возникло еще больше трудностей, а модернизация в рассматриваемых странах породила еще больше факторов неопределенности.

Во-первых, создание унитарного национального государства происходит на зыбкой основе. Все евразийские страны многонациональны, и попытки новых евразийских государств изменить созданные

⁴ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2022. – 640 с.

в советский период национальные органы самоуправления привели к этническим и даже межгосударственным конфликтам.

Во-вторых, наблюдается несовместимость религиозных и культурных традиций со светскими политическими системами. Возрождение религиозных культур поощряется в целях укрепления национальной идентичности и легитимности, но это приводит к появлению религиозно-политических организаций, а в Центральной Азии – даже к политизации ислама, что угрожает политической стабильности этих стран⁵.

В-третьих, при внедрении сверхсильной президентской власти возникают риски, связанные с передачей власти. В большинстве стран, выбравших жесткую президентскую систему, лидеры сосредоточили власть в своих руках и оставались у власти в течение длительного времени, а некоторые реализовали систему кланового наследования. Страны, где возникли специфические политические конфликты, – это страны с мусульманским большинством.

В-четвертых, наблюдается «беспорядок» в правилах, вызванный политическим плюрализмом. В некоторых странах, для того чтобы решить проблему чрезмерной централизации власти и сбалансировать политические требования групп, имеющих различные интересы, была введена парламентская система, часто под влиянием европейской политической культуры или в качестве паллиативной меры в условиях чрезмерно обострившегося политического соперничества.

В-пятых, требуется реструктуризация систем социального управления. Систему социального обеспечения и методы управления на местном уровне, сформировавшиеся в советский период, стало невозможным сохранить, что привело к внедрению низового самоуправления. Некоторые страны продолжают усиливать социальный контроль, опираясь на силовые структуры или используя традиционные методы.

⁵ См.: *Панфилова В.* Ташкент снижает риск исламизации: Узбекистан по новой Конституции становится светским государством // Независимая газета. – 12.03.2023. – URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-12/5_8677_uzbekistan.html .

В-шестых, необходимо обеспечить суверенитет и устойчивость политического режима в условиях внешнего давления. Постсоветские страны Евразии неразрывно связаны многими отношениями с Россией, которая хочет сохранить свое всеобъемлющее влияние, тогда как Запад пытается продвигать в этих странах демократизацию и оказывает на них постоянное давление.

Образовавшиеся противоречия проявляются в межэтнических и межгосударственных конфликтах, которые часто также связаны с этническими проблемами. Примером может служить нагорно-карабахский конфликт между Азербайджаном и Арменией. В некоторых странах возникла проблема этнического разделения, что, в свою очередь, спровоцировало конфликты между этими новыми независимыми национальными государствами и Россией. Подобные проблемы есть у Грузии, Молдовы и даже Казахстана. Этнические противоречия подрывают основы политической стабильности и обостряют проблему неравенства в экономическом и социальном развитии, что негативно сказывается на процессах модернизации этих стран.

Выбор пути модернизации – большое испытание

В настоящее время международными критериями модернизации обычно служат экономические или социальные показатели, такие как объем производства на душу населения, доля городского населения, уровень образования, средняя продолжительность жизни и т.д., но для достижения их целевых значений необходимо увеличить потенциал и повысить уровень управления. В советский период евразийские страны достигли целевых показателей или приблизились к ним, но с распадом Советского Союза начался процесс возвращения к исходной точке, экономические и социальные условия вернулись к уровню развивающихся стран, и проявились тенденции, схожие с характерными для последних. В такой ситуации необходимо было, с одной стороны, решить задачу национально-государственного строительства, а с другой – осуществить модернизацию, укорененную в специфических национальных условиях и сопряженную с возможными культурными конфликтами.

Во времена Советского Союза модернизация была простым «трансплантатом», который часто не соответствовал местным условиям, и проблемы дисбаланса и неравенства были более заметны. После обретения независимости и в процессе строительства национального государства факторов, противоречащих «современности», становились все больше и больше. Это препятствовало открытию страны и ее интеграции в международную систему, что привело к относительному отставанию в экономическом и социальном развитии. Но на первом месте всегда стояли политические интересы правящих элит, связанные с сохранением политической власти. Такой разрыв в развитии привел к обострению социальной напряженности и росту общественного недовольства.

Сложность этнических проблем в новых независимых государствах, как унаследованных от прошлого, так и появившихся в ходе строительства современного национального государства, усугубляется тем, что в данном конкретном контексте обострились социальные проблемы, разногласия становились чем дальше, тем серьезней, непрерывно продолжали возникать конфликты. Успешно решать вопрос этнической принадлежности, затрагивающий политические права, экономическое положение, культуру, образование, социальную поддержку и другие стороны жизни общества, с трудом удается даже развитым странам, а для этих молодых республик, независимых чуть более 30 лет и еще не определивших направление своего национального развития, он является еще более серьезным вызовом.

Для реализации интеграционных механизмов в Евразийском макрорегионе, помимо решения проблем экономического и торгового сотрудничества, необходима координация политики модернизации⁶. Модернизация – актуальнейшая задача для этих стран, которые сделали разный выбор в плане государственного строительства и экономических реформ.

⁶ См.: *На городском завтраке РСМД обсудили перспективы развития ЕАЭС*. 2 марта 2023 г. Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/news/na-gorodskom-zavtrake-rsmd-obsudili-perspektivy-razvitiya-eaes/> .

СОВМЕСТНОЕ ВЫСТРАИВАНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И РАЗРЕШЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ И СТАБИЛИЗАЦИИ СОСТОЯНИЯ

Инициатива «Пояс и путь» может не только способствовать трансграничному и межрегиональному сотрудничеству, но и помочь поднять уровень межгосударственного, общегосударственного и регионального управления. Уже в своем выступлении в парламенте Узбекистана в июне 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул предложения по дальнейшему продвижению «Пояса и пути», подчеркнув готовность Китая объединить усилия со странами-партнерами для развития взаимовыгодного сотрудничества в различных формах между правительствами, предприятиями, социальными структурами и общественными объединениями, стимулировать предприятия к самостоятельному участию в этой инициативе и привлечь социальный капитал в проекты сотрудничества, чтобы помочь преодолеть трудные ситуации в государственном управлении и решить проблему дефицита бюджета управления⁷. Председатель Си Цзиньпин также выдвинул идею «четырёх фокусов внимания» в качестве важного дополнения к экономическому и торговому сотрудничеству и его поддержки. Эта идея обладает огромным потенциалом для улучшения макрорегиональной системы управления и помощи странам в укреплении их потенциала управления.

1. «Зеленый Шелковый путь» – это прежде всего углубление экологического сотрудничества между странами вдоль маршрута «Пояса и пути», реализация на практике концепции «зеленого» развития и активизация усилий по защите окружающей природной среды. Страны и регионы, расположенные вдоль маршрута, особенно внутренние районы Евразийского континента, экологически хрупкие и подвержены стихийным бедствиям, что требует согласованных действий

⁷ См.: *Выступление* Си Цзиньпина в Законодательной палате Верховного Собрания Узбекистана (полный текст). 23 июня 2016 г. Сайт информационного агентства Синьхуа. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-06/23/c_1119094900.htm .

для предотвращения деградации окружающей среды и климатических рисков. Инициатива «Пояс и путь» также может помочь евразийским странам активно развивать «зеленые» отрасли и использовать новые источники энергии, открывать новые виды торговли «зелеными» товарами, технологиями и услугами, повышать уровень экономической эффективности и всесторонней конкурентоспособности.

2. *«Здоровый Шелковый путь»* призван способствовать углублению сотрудничества в области медицины и здравоохранения между странами, расположенными вдоль маршрута «Пояса и пути», а также укреплению взаимовыгодного сотрудничества в сферах оповещения о вспышках инфекционных заболеваний, профилактики и контроля заболеваний, медицинского вспомоществования и традиционной медицины. В постсоветских странах Евразийского макрорегиона охват населения медицинским обслуживанием ограничен, бедность является одной из главных проблем, а эпидемии возникают часто, угрожая здоровью местного населения. После вспышки эпидемии нового коронавируса китайская сторона выдвинула инициативу сотрудничества между евразийскими странами в борьбе с эпидемией, а также предложила совместно создать единое сообщество гигиены и охраны здоровья. Кроме того, Китай предоставил противоэпидемические материалы и вакцины многим странам Евразии, а в рамках Шанхайской организации сотрудничества он сотрудничает со странами Центральной Азии в области исследований и разработки лекарств.

3. *«Интеллектуальный Шелковый путь»* предполагает углубление сотрудничества в области подготовки кадров в странах, расположенных вдоль маршрута «Пояса и пути», и Китай инициировал создание Альянса профессионально-технического сотрудничества «Пояс и путь» для подготовки всех видов специалистов. Подготовка кадров и создание кадрового резерва – это ключ к продвижению стратегии «Пояса и пути». С одной стороны, существуют различия между странами в плане развития талантливых кадров и научно-технического потенциала, и проблема кадрового голода в разной степени тяжести существует везде. С другой стороны, образование в каждой стране имеет свои отличительные особенности, страны располагают богатыми ресурсами в этой сфере, что обеспечивает хорошую взаим-

ную дополняемость. Здесь есть огромные возможности для сотрудничества.

4. «*Мирный Шелковый путь*» включает в себя углубление сотрудничества в области безопасности между странами, расположенными вдоль маршрута, реализацию общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой концепции безопасности в Азии, содействие построению модели управления безопасностью с азиатской спецификой, а также устранение рисков и проблем, возникающих в ходе реализации инициативы «Пояс и путь». Ряд стран Евразии сталкиваются с традиционными угрозами безопасности, такими как военные конфликты и пограничные споры, а также с более широким спектром нетрадиционных вызовов безопасности, включая терроризм, экстремизм, сепаратизм и транснациональную преступность. Актуальны также проблемы энергетической, финансовой, продовольственной и информационной безопасности.

Для развивающихся стран модернизация – это сложный процесс «догоняющего развития». Она не является результатом естественного развития и не может быть осуществлена за счет благотворительности со стороны развитых стран, она требует объединения всех собственных сил страны сверху донизу и по всей ее территории, а также систематического планирования и долгосрочных усилий.

Модернизация – это не просто готовая западная модель, она не может быть сосредоточена только на экономическом росте, необходимо учитывать и такие аспекты, как социальное развитие и общественная справедливость. Такой подход также является ценным опытом модернизации с китайской спецификой. Как подчеркнул председатель КНР Си Цзиньпин, модернизация страны должна не только идти в русле общих законов модернизации, но и соответствовать реалиям страны и иметь свои особенности. Модернизация по китайскому образцу имеет общие черты с процессами модернизации во всех странах, но также имеет и яркие отличительные черты, определенные национальной и государственной спецификой. Модернизация по-китайски – это модернизация страны с огромным населением, модернизация для достижения процветания всех ее граждан, модернизация, гармонизирующая материальную и духовную цивилизации, модерни-

зация, нацеленная на гармоничное сосуществование человека и природы, модернизация, идущая по пути мирного развития⁸.

Это важный источник вдохновения и ценностных ориентиров для стран – участниц инициативы «Пояс и путь», особенно для евразийских стран, имеющих тесные политические, экономические и культурные связи с Китаем. Благодаря совместной реализации «Пояса и пути» они смогут обменяться опытом модернизации, уточнить направления и приоритеты модернизации, а кроме того, совместно содействовать развитию через сотрудничество в различных областях, открывая хорошие перспективы для модернизации через сотрудничество в более широких горизонтах пространства и времени.

В процессе модернизации постсоветские страны Евразии формально подражали Западу, особенно в политических и экономических преобразованиях 1990-х годов. Эти преобразования проводились под влиянием Запада при определении основных планов и привели к неудачам, обошедшимся особенно дорого в экономическом отношении. В последние годы большинство этих стран приступили к реформированию своих административно-управленческих систем в соответствии с национальными условиями, а в экономическом плане они хотят использовать собственные сильные стороны и сосредоточиться на изучении опыта управления развивающихся стран за пределами Запада. И стратегия «Казахстан-2050», предложенная президентом республики Касым-Жомартом Токаевым, и конституционные реформы, продвигаемые президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым, направлены на модернизацию политических и социальных систем в соответствии с национальными условиями и в то же время опираются на широкий спектр успешного опыта, накопленного во всем мире.

Как древний Шелковый путь был не только путем торговли, но и путем распространения культур, так и нынешняя инициатива «Один

⁸ См.: Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия семинара по изучению и реализации духа XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, подчеркнув правильное понимание и энергичное продвижение модернизации с китайской спецификой. 07.02.2023. Сайт информационного агентства Синьхуа. – URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-02/07/c_1129345744.htm .

пояс – один путь» несет в себе новую миссию обмена концепциями и способами управления, взаимного обучения этим концепциям и способам, а также оказывает поддержку и помощь в модернизации всех участвующих в ней стран. Опыт Китая в области модернизации имеет уникальное значение в качестве модели и поможет евразийским странам, которые встали на этот путь позже, предотвратить в дальнейшем отклонения от правильного маршрута.

ЧЕРЕЗ ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОДЕЙСТВОВАТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ МЕЖСТРАНОВОГО, НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Одна из особенностей реализации проектов в рамках инициативы «Пояс и путь» – многоуровневое и многосубъектное сотрудничество и координация, которые могут способствовать взаимодействию между многосторонними механизмами сотрудничества разных стран и регионов. В то же время они могут также опираться на поддержку двусторонних и многосторонних механизмов, которые дополняют друг друга, что позволит достичь общего укрепления потенциала управления в Евразийском макрорегионе.

В своей программной речи на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского форума для Азии (БФА) в 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин дал понять, что он будет продолжать работать со всеми сторонами для высококачественного выстраивания «Пояса и пути», придерживаться принципа «Общее дело, общее строительство и общая польза», продвигать концепции открытости, экологичности и целостности, а также стремиться к достижению целей, касающихся высоких стандартов, обеспечения людям средств к существованию и устойчивости развития. Китай будет сотрудничать со всеми сторонами для укрепления «жесткой связности» в области инфраструктуры и «мягкой связности» в области правил и стандартов.

Согласно докладу Всемирного банка, ожидается, что к 2030 г. инициатива «Пояс и путь» поможет вывести 7,6 млн человек из состояния крайней бедности и 32 млн – из состояния умеренной бедности. В духе открытости и инклюзивности мы будем работать

вместе со всеми сторонами, желающими принять участие в проекте, чтобы превратить «Пояс и путь» в «Путь сокращения бедности» и «Путь роста»⁹.

Инициатива «Один пояс – один путь» открывает новое окно возможностей для развития стран макрорегиона

Основной фокус внимания в рамках инициативы «Пояс и путь» направлен на экономические и культурные связи и взаимодействия, на содействие свободному и удобному движению факторов производства и дружественным обменам между народами, на достижение взаимной выгоды и беспроигрышных результатов, а также на придание возрождению Шелкового пути более современного содержания.

Китайское руководство также выдвинуло новые концепции, такие как «Чистый Шелковый путь» и «Цифровой Шелковый путь», чтобы постоянно обогащать содержание сотрудничества. Все эти явления на практике связаны с улучшением политического и экономического управления странами Евразийского макрорегиона и с совершенствованием современной системы управления.

Модернизация систем управления поможет евразийским странам трансформировать нерациональную промышленную структуру, продвинуть эффективное политическое управление, улучшить деловую среду и повысить международную конкурентоспособность. Все это будет в большей степени соответствовать общим потребностям развития макрорегиона и откроет для его стран новое окно возможностей в плане реализации их взаимодополняющих преимуществ.

Казахстан, расположенный в Евразийском макрорегионе, был местом, где была впервые объявлена инициатива «Пояс и путь», и другие страны Евразии также являются ее активными участниками. Между евразийскими постсоветскими странами также существуют тесные социальные связи, и хотя эти страны отличаются культурным разнообразием, в них проживает большое количество трансгранич-

⁹ См.: Программная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума 2021 (полный текст). 20.04.2021. Сайт информационного агентства Синьхуа. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-04/20/c_1127350811.htm .

ных этнических групп, поэтому региональное сотрудничество имеет географические и институциональные преимущества. Совершенствование системы регионального управления предполагает, что различные многосторонние механизмы должны сочетаться друг с другом, обеспечивать гармонию и сотрудничество.

Во-первых, для совершенствования управления в Евразийском макрорегионе нужно укреплять взаимное доверие между его странами и уважать их институциональные и культурные различия.

Во-вторых, необходимо формировать стабильные отношения взаимозависимости и общего развития, повышать уровень сотрудничества между евразийскими странами через двустороннее и многостороннее сотрудничество стратегического характера.

В-третьих, следует создать всеми признаваемую систему правил и институтов и разработать эффективные механизмы для развития многостороннего сотрудничества. Китайское руководство предлагает организовать сообщество единой судьбы ШОС, сформировать благоприятные условия для дружбы народов государств-членов, создать сеть механизмов многостороннего сотрудничества и партнерства по различным ключевым направлениям, обогатить содержание сотрудничества, стать лидером и образцом в построении нового типа международных отношений, основанных на принципах взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, открытости и всеохватности. Одним из важнейших показателей успеха макрорегионального управления является то, может ли многостороннее сотрудничество действительно принести пользу народам всех стран Евразийского макрорегиона и действительно ли оно способно обеспечить их общее процветание.

Инициатива «Один пояс – один путь» будет способствовать позитивному взаимодействию между модернизацией, управлением и стабилизацией

Макрорегиональное управление предполагает несколько ключевых элементов. Во-первых, это целостность макрорегиона, использование его географических преимуществ. Во-вторых, взаимозависимость, когда страны Евразии имеют взаимодополняющие экономики

и сталкиваются с общими угрозами своей безопасности. В-третьих, чувство близости между народами, взаимное уважение культурных традиций друг друга. И в-четвертых, это роль механизмов и платформ, когда многосторонние механизмы выполняют функции защиты и координации.

Продвижение проектов в рамках инициативы «Пояс и путь» в Евразийском макрорегионе явно поможет организовать трансграничное сотрудничество в соответствующих областях и продвинуть процесс регионализации. Отличие макрорегионального управления от общего многостороннего сотрудничества заключается в том, что это не только сотрудничество в области политики и безопасности, но и нацеленность на долгосрочную стабильность и общее развитие макрорегиона, что требует участия правительственных ведомств, неправительственных организаций и общественных объединений, в частности усиления взаимодействия в социальной сфере и на местном уровне, чтобы сформировать «объемный» режим сотрудничества. Макрорегиональное управление на глубинных территориях Евразии имеет свои уникальные особенности и уникально тем, что оно также нацелено на политическую, экономическую и культурную близость и даже интеграцию на всех уровнях. В то же время межстрановая интеграция сталкивается с очень сложными проблемами.

«Пояс и путь» – это самый важный продукт публичной дипломатии, который Китай создал для мира, и самая важная задача сейчас – сделать так, чтобы были разрушены искусственные барьеры, препятствующие экономическим и гуманитарным обменам, реализованы на практике взаимодействие и взаимосвязанность, включая как «жесткую связность» с точки зрения инфраструктуры, так и «мягкую связность» с точки зрения правил и систем.

Как подчеркнул председатель КНР Си Цзиньпин в своей важной речи в ходе диалога «Партнерство для расширения взаимосвязи и взаимодействия» в ноябре 2014 г., взаимосвязь и взаимодействие, которые мы хотим построить, должны основываться на трех принципах: взаимных консультаций, совместного строительства и совместного использования. Они обеспечиваются наличием инфраструктуры, институтов и правил, а также контактов между людьми и преду-

смаатривают пять основных областей реализации: политическую коммуникацию, взаимосвязь инфраструктурных объектов, беспрепятственную торговлю, финансовую интеграцию и связь между народами, которые должны развиваться одновременно. Это всесторонняя, трехмерная, сетевая связь и открытая система, наполненная жизненной силой, а также разумом и усилиями масс.

Если инициативу «Пояс и путь» сравнить с двумя крыльями взлетающей ввысь Азии, то взаимосвязь и взаимодействие – «плоть и кровь» этих крыльев¹⁰. В своем выступлении председатель Си Цзиньпин пригласил другие страны ехать вместе с Китаем в его «скоростном поезде развития», создавать базовый каркас для развития взаимосвязей и взаимодействия на основе экономических коридоров, добиваться получения ранних результатов в развитии взаимосвязей и взаимодействия путем достижения рекордов в организации транспортной инфраструктуры, установить приоритетность проектов по строительству железных и автомобильных дорог между Китаем и его соседями. Китай создает экономические коридоры со странами Евразии, такие как Новый континентальный мост Азия – Европа, и планирует строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, что будет способствовать развитию взаимосвязи и взаимодействия между рядом евразийских стран.

Инициатива «Один пояс – один путь» поможет улучшить благосостояние всех стран

Согласно западной теории модернизации, модернизация – это исторический процесс, включающий переход от традиционной экономики к современной, от традиционного общества к современному, от традиционной политики к современной и от традиционной цивилизации к современной. Модель модернизации и развития, основанная на опыте развития передовых стран Запада, известна в научных кругах как «модель эндогенной модернизации и развития на ранних этапах»,

¹⁰ См.: Си Цзиньпин проводит диалог по укреплению партнерских взаимосвязей и взаимодействий, выступает с ключевыми замечаниями 8 ноября 2014. Сайт газеты «Жэньминь жибао». – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/1108/c1024-25997235.html> .

в отличие от «модели экзогенной модернизации и развития на поздних этапах», практикуемой странами с поздним развитием.

Хотя западные ученые также признают, что модернизация не была успешной в некоторых обществах и что ситуации в странах, движущихся к модернизации, сильно различаются, они в целом согласны с тем, что неуспешная модернизация и различия – лишь временные явления и что различия в модернизации исчезнут, когда она будет завершена. Поэтому страны, осуществившие модернизацию, обязательно будут иметь некоторые характеристики, присущие развитым западным странам, такие как рыночная экономика, экономический рост, демократическая политика, урбанизация и т.д. В западной модели модернизации провозглашенные ценности на самом деле ориентированы на капитал и интересы развитых стран, а развивающиеся страны находятся в подчиненном положении.

Модернизация с китайской спецификой полностью отличается от западной, прежде всего тем, что опирается на идею главенства народа и имеет «человеческий» характер. Будет ли путь к модернизации в конечном итоге гладким и ровным, зависит главным образом от того, будет ли модернизация основываться на подходе, при котором народ занимает центральное место. По некоторым данным, в период с 2013 по 2019 г. в рамках инициативы «Пояс и путь» в странах-участницах было создано более 200 тыс. рабочих мест, а Китай заключил экономические и торговые соглашения с более чем 30 странами, что благоприятно сказалось на экономическом развитии и улучшении условий жизни людей в странах – участницах инициативы.

В связи с обострением кризиса на Украине мировое экономическое развитие вступило в очень сложный период, характеризующийся разрывами цепочек поставок и производства, дефицитом или даже кризисом энергоносителей и продовольствия, а также постоянно растущей инфляцией, что делает макрорегиональное экономическое управление все более востребованным. В Евразии такие региональные организации, как Шанхайская организация сотрудничества и Евразийский экономический союз, уделяют все больше внимания торговому и инвестиционному сотрудничеству, ставят на повестку дня вопросы содействия модернизации экономик государств-членов, уве-

личения объемов расчетов в национальных валютах, противодействия внешним рискам и т.д. Доля торговли в национальных валютах государств – членов ЕАЭС уже достигла 75%¹¹. Это отражает явное изменение ориентиров в управлении Евразийским регионом в новой ситуации.

Информация об авторе

Сунь Чжуанчжи (Китай, Пекин) – доктор наук, профессор, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (No. 3, Zhangzizhong Road, Beijing, 100007, PRC). E-mail: sunzz@cass.org.cn.

DOI: 10.15372/REG20240309

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 202–221

Sun Zhuangzhi

HARMONIZING EURASIAN DEVELOPMENT THROUGH THE IMPLEMENTATION AND MODERNIZATION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE¹²

The article examines the development models chosen by post-Soviet Eurasian countries as they pursue modernization reforms. It highlights how they blend formal “westernization” in the political sphere with “substantive natio-

¹¹ См.: Шаймерденова С. Итоги саммита ВЕЭС и председательство России в ЕАЭС в 2023 году. Сайт Российского совета по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/CIS-NSO-MGIMO/itogi-sammita-vees-i-predsedatelstvo-rossii-v-eaes-v-2023-godu/>.

¹² The article is a Russian translation of Professor Sun Zhuangzhi’s speech at the Seventh High-level Sino-Russian Economic Cooperation Think Tank Forum, held in Harbin, China, in June 2023, which was published in the Forum’s Proceedings. The editorial board of the journal *Region: Economics and Sociology* expresses its sincere gratitude to the author for agreeing to publish the article in the journal. Translated by T.G. Zavyalova and Yao Sun.

nalization.” Here we analyze the challenges of modernization in nation-building (including the incompatibility of religious and cultural traditions with secular political systems, risks from the introduction of super-powerful presidential authority, risks of political pluralism, issues in restructuring social governance systems, etc.). It is shown that modernization should not be seen merely as adopting a Western model focused on economic growth but should also aim for social development and social justice. The article also examines the construction of the strategic Belt and Road Initiative and its impact on the development of post-Soviet countries in the Eurasian macro-region, particularly through improving governance systems and jointly seeking new opportunities for development.

Keywords: Eurasia; Eurasian macroregion; post-Soviet countries; modernization; reforms; Belt and Road Initiative; Silk Road; macroregional governance; cross-border cooperation; models of endogenous and exogenous modernization

For citation: *Sun Zhuangzhi.* (2024). Garmonizatsiya razvitiya stran Evrazii v kontekste realizatsii i modernizatsii strategicheskoy initsiativy “Poyas i put” [Harmonizing Eurasian development through the implementation and modernization of the Belt and Road Initiative]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 202–221. DOI: 10.15372/REG20240309.

About Author

Sun Zhuangzhi (Beijing, China) – Doctor of Sciences, Professor, Director of the Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (No. 3, Zhangzizhong Road, Beijing, 100007, PRC). E-mail: sunzz@cass.org.cn.

Поступила в редколлегию 12.04.2024.

После доработки 28.06.2024.

Принята к публикации 01.07.2024.

© Сунь Чжуанчжи, 2024

УДК 502.3:504.1

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 222–250

Д.Ю. Верченко, А.И. Пыжев, М.В. Курбатова

**ФАКТОРЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОЗДУХА
ОТ СТАЦИОНАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ
РЕГИОНОВ СИБИРИ**

Проблема загрязнения воздуха российских городов не утрачивает своей актуальности как один из важнейших вызовов социально-экономического развития страны. В статье представлены результаты исследования факторов загрязнения атмосферного воздуха от стационарных источников в муниципальных образованиях Сибирского федерального округа в 2008–2020 гг. С использованием эконометрического моделирования панельных данных, в том числе с контролем возможной эндогенности, установлено положительное влияние объема отгруженной продукции и инвестиций в основной капитал на загрязнение атмосферного воздуха. Затраты на охрану окружающей среды на данном этапе развития муниципальных образований не сопровождаются сокращением загрязнений, что может свидетельствовать о дефицитах инвестиций в природоохранные мероприятия. Увеличение числа источников теплоснабжения приводит к росту выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников. Выявлен разрыв в загрязнении между территориями с разными типами преобладающих производств; установлена различная степень влияния указанных факторов в зависимости от типа и отраслевой специализации муниципального образования.

Развитие исследований социально-экономических причин загрязнения атмосферного воздуха на муниципальном уровне необходимо для формирования эффективных стратегий оптимизации выбросов загрязняющих веществ в рамках государственной экологической политики.

Ключевые слова: загрязнение воздуха; стационарные источники загрязнения воздуха; муниципальные образования; Сибирь; социальные и экономические факторы экологической обстановки; эконометрическое моделирование

Для цитирования: *Верченко Д.Ю., Пыжжев А.И., Курбатова М.В.* Факторы загрязнения воздуха от стационарных источников в муниципальных образованиях регионов Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 222–250. DOI: 10.15372/REG20240310.

ВВЕДЕНИЕ

Улучшение качества атмосферного воздуха не случайно является одной из национальных целей социально-экономического развития в Российской Федерации¹. По данным Росгидромета, почти половина городского населения России живет в условиях высокого и очень высокого уровня загрязнения атмосферного воздуха². При этом большая часть российских городов с наиболее высокой экологической нагрузкой расположены в относительно малонаселенных по сравнению с европейской территорией страны регионах Сибири и Дальнего Востока³.

В городах с более высоким совокупным уровнем загрязнения население чаще болеет гриппом и ОРВИ [2]. Однако наиболее негативные эффекты проявляются для специфических смертельно опасных заболеваний органов дыхания. Например, в г. Красноярске, где загрязнение атмосферы за последние пять лет характеризовалось Рос-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/128943/>.

² См.: *Обзор* состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2021 год. – М., 2022. – URL: <http://downloads.igce.ru/publications/reviews/review2021.pdf>.

³ См.: *Ежегодник: Состояние загрязнения атмосферы в городах на территории России за 2018 г.* – СПб., 2019. – URL: http://voeikovmgo.ru/images/stories/publications/2019/ejegodnik_zagr_atm_2018.pdf.

гидрометом как «высокое» и «очень высокое»⁴, жители в два раза чаще умирают от рака легких, чем в других городах [28]. Повышенные концентрации диоксида серы и азота приводят к более частым, по сравнению с менее загрязненной территорией, обращениям жителей за медицинской помощью в связи с различными болезнями органов дыхания [19]. Повышение концентраций взвешенных частиц РМ⁵ в воздухе связывают с увеличением рисков развития сердечно-сосудистых заболеваний [13; 25], дополнительная смертность от которых в России оценивается в 140 тыс. случаев в год⁶, или около 7% от всех смертей [23].

Серия работ, посвященных расчетам недополученного ВРП регионов нашей страны, выявляет влияние онкологических заболеваний для всех субъектов на уровне 1% ВРП, болезней системы кровообращения – на уровне от 4 до 15%. Эти результаты могут быть заниженными, так как существующие методики оценки стоимости человеческой жизни позволяют получать лишь самые простые оценки [16; 17]. По некоторым расчетам, экономические издержки для здоровья населения, связанные с загрязнением воздуха и воды, составляют не менее 4–6% ВВП России [30]. Например, в работе [18] были подсчитаны потери ВРП Пермской области и бюджета г. Перми от загрязнения атмосферного воздуха. Для региона в целом они составили в среднем 3,5% за период 2009–2011 гг., причем 80% из них приходится на стационарные источники загрязнения. В потерях бюджета г. Перми, наоборот, больший удельный вес (60%) приходится на

⁴ См.: *Категории* качества атмосферного воздуха в городах России. – URL: <http://voeikovmgo.ru/index.php/izmenenie-klimata-v-rossii-v-xxi-veke?id=1047>. Также Красноярск является одним из 12 городов – участников национального проекта «Чистый воздух», направленного на улучшение экологической обстановки и снижение объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух до 78% от уровня 2017 г. (URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/chistyj-vozduh/?ysclid=199n38ag39652449274>).

⁵ РМ (англ. Particulate Matter) – смесь твердых и жидких частиц в атмосферном воздухе.

⁶ В 2016 г., согласно данным Росстата, в России умерли около 1 900 тыс. чел. (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).

передвижные источники; ежегодно бюджет города теряет около 4,5% своих доходов.

Исследования экономических факторов загрязнения атмосферного воздуха чаще всего выполняются на национальном [32], наднациональном [20] или региональном уровнях [7; 8]. Было выявлено, что объемы выбросов на территории зависят от структуры экономики [10; 32] и увеличиваются с ростом ВВП (ВРП) на душу населения [6; 8; 10]. Рост численности населения сопровождается увеличением загрязнения атмосферы, при этом в регионах с высоким уровнем урбанизации (от 80%) выбросов будет сравнительно меньше. Снижению выбросов способствует рост инвестиций, направленных как на охрану окружающей среды, так и на приобретение машин и оборудования в целом [8–10]. Очевидно также влияние модернизации [7] и повышения энергоэффективности предприятий [32]. Среди неочевидных и трудноизмеримых факторов можно отметить уровень контроля над коррупцией [6].

Методологические проблемы использования агрегированных показателей заключаются в том, что полученные оценки не всегда репрезентативны. В пользу этого говорят не только статистические доводы о возможной утрате существенной информации, но и особенности пространственного размещения эффектов загрязнения воздуха: высокие значения уровней загрязнения на одной части территории могут компенсироваться низкими на другой [24]. В работе [27] объясняющая способность моделей, описывающих зависимость между состоянием воздуха и заболеваемостью в субъектах РФ, оказалась относительно низкой; авторы предполагают, что причиной этого стало отсутствие в модели факторов, описывающих специфику территорий. Обычно для получения несмещенных оценок факторов в межрегиональных исследованиях применяют классификацию. Один из ее вариантов – в зависимости от среднедушевых доходов населения: регионы с более низким подушевым ВРП обычно имеют более низкие показатели загрязнения. В регионах с высокими показателями подушевого ВРП обычно присутствует развитый промышленный сектор, который предполагает высокую нагрузку на окружающую среду [29]. Классификация также может производиться в зависимости от струк-

туры экономики региона [8; 9]. Еще одним способом является территориальное разбиение. Одни исследователи сравнивают между собой совокупные показатели по федеральным округам [1; 5; 30], другие выбирают совокупность субъектов, расположенных в одном федеральном округе, и сравнивают их показатели с показателями соседней страны [11]. Но Россия – огромная страна с разнообразнейшими природно-климатическими условиями, которые могут серьезно различаться даже внутри одного региона [26]. Поэтому целесообразно использовать для анализа данные и по муниципальным образованиям.

Гораздо меньше исследований по влиянию загрязнения воздуха на здоровье и заболеваемость сосредоточено на местном (муниципальном) уровне [4; 18; 31]. Среди методологических трудностей в работе с муниципальными данными можно назвать

- неравномерное представление данных по разным регионам, наличие информации за разные промежутки времени [4; 26];
- неточности в данных, что требует более тщательной их проверки [7];
- несовершенство методик расчета выбросов на территории. В агрегированном виде для региона или страны в целом это не играет существенной роли, но становится значимым для отдельного муниципалитета. Например, для г. Красноярска выявлено существенное расхождение между среднегодовыми расчетными и инструментально наблюдаемыми концентрациями [12];
- сложности в адаптации методик расчета. Большинство экологических показателей требуют данных, которые не публикуются для муниципальных образований.

Целью настоящей работы является анализ зависимостей между объемом выбросов загрязняющих веществ и некоторыми факторами социально-экономического развития муниципальных образований. С использованием Базы данных показателей муниципальных образований Росстата (БД ПМО) были собраны и обработаны данные по 326 муниципалитетам Сибири за период с 2008 по 2020 г. (всего 4 238 наблюдений). С учетом доступности статистики и опыта преды-

дущих работ были отобраны показатели, которые будут использованы для эконометрического моделирования.

Предметом исследования является загрязнение атмосферного воздуха только от стационарных источников. Несомненно, выбросы от передвижных источников с годами стали составлять все большую долю в структуре загрязнения [14; 22; 33; и др.]. Проблема высокой автомобилизации и связанного с этим загрязнения воздуха более актуальна для крупных городов. Например, в исследовании [33] такими считаются города с населением от 300 тыс. жителей. Данному критерию соответствуют всего восемь городов СФО из 31, по которым проведены расчеты объемов выбросов от передвижных источников. По этой причине исследование в указанном направлении продолжаться не будет. Доля выбросов от стационарных источников снижается, но в абсолютных значениях объемы загрязнения в последнее десятилетие в целом по России остаются стабильно высокими, и это требует изучения [21].

РАЗРАБОТКА НАБОРА ДАННЫХ

В сформированную статистическую выборку вошли муниципальные образования трех типов: городские округа (один или несколько населенных пунктов, не менее двух третей населения которых проживают в городских поселениях), муниципальные районы (включают в себя несколько муниципальных образований – сельских поселений) и муниципальные округа (входящие в них сельские поселения не являются муниципальными образованиями; образуются из соответствующих районов). Статистика по городским и сельским поселениям, входящим в состав округов и районов, существует только за ограниченный период и лишь по некоторым показателям, поэтому не будет использована для анализа.

В качестве зависимой переменной будет использован показатель «объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников». Выбросы распределены по муниципальным образованиям неравномерно (рис. 1): в половине из них суммарные годовые выбросы в 2019 г. не превышают 1 тыс. т, еще в чет-

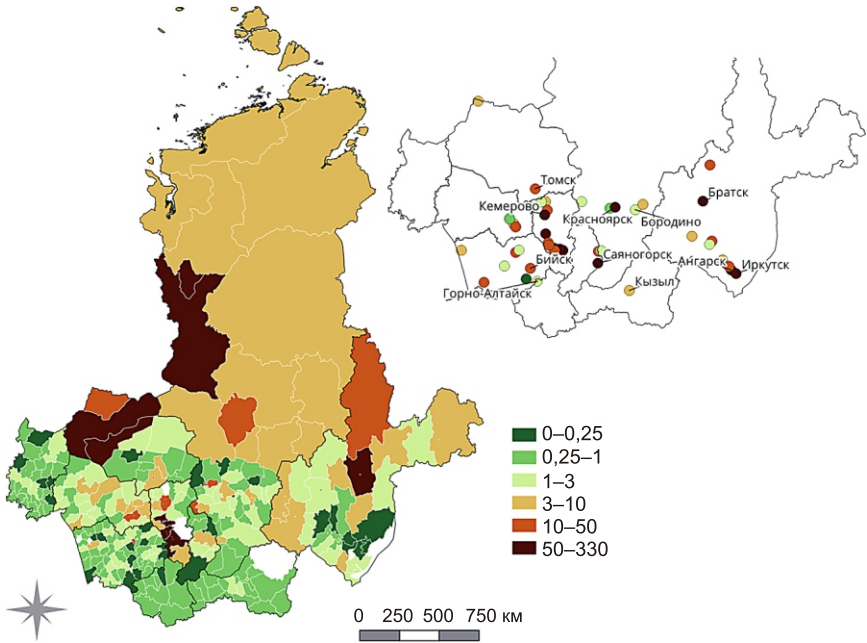

Рис. 1. Пространственное распределение выбросов загрязняющих веществ по муниципальным образованиям регионов Сибирского федерального округа, 2018 г., тыс. т

Источники: данные Росстата; расчеты и картографическая визуализация авторов

верти составляют от 1 до 3 тыс. т. Объем выбросов свыше 100 тыс. т наблюдается лишь в 10 муниципальных образованиях, среди них те, в которых расположены угольные шахты и разрезы Кузбасса, и города, включенные в федеральный проект «Чистый воздух». Абсолютный максимум с 1,8 млн т зафиксирован в г. Норильске.

Согласно проведенным ранее исследованиям, основным фактором, определяющим объем загрязнения воздуха, является уровень экономической активности на территории, обычно измеряемый с помощью показателя ВВП (ВРП). Для проверки зависимости на муниципальном уровне логично было бы использовать аналогичный показатель – валовой муниципальный продукт, но он не рассчитывается

Росстатом. Существуют различные методики оценки ВМП, например с помощью оценки вклада производств, расположенных в конкретном муниципалитете, в региональный показатель [33]. Такие оценки существуют для крупных городов, получить их для всех МО региона не представляется возможным. Другая методика предлагает рассчитывать ВМП по методике ВРП, но с использованием доступной статистики по МО [15]. Большинство компонентов ВМП получают равными нулю, поскольку необходимые данные для их оценки отсутствуют, а основной вклад вносит показатель «объем отгруженной продукции». Именно его мы будем использовать в качестве заместителя показателя ВМП (рис. 2).

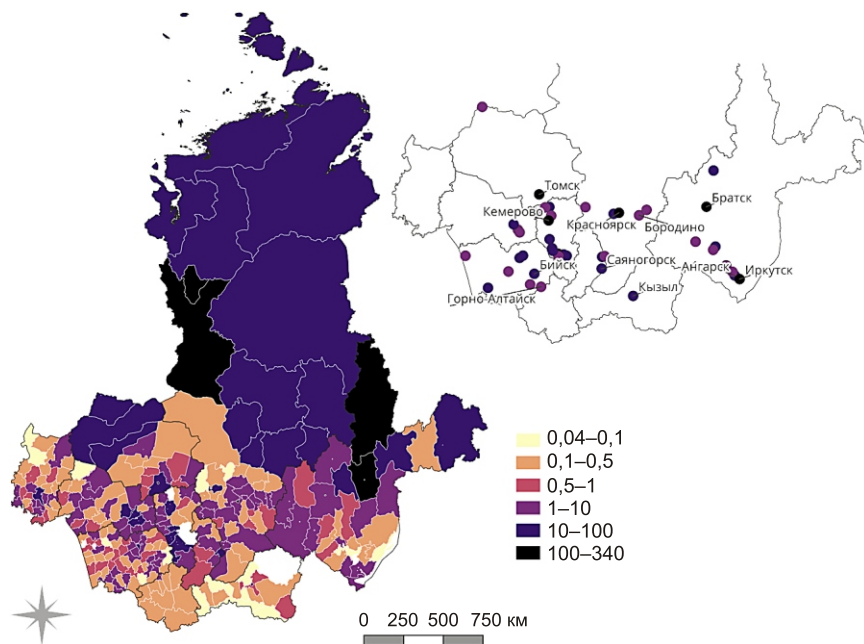

Рис. 2. Пространственное распределение объемов отгруженной продукции по муниципальным образованиям регионов Сибирского федерального округа, 2019 г., млрд руб.

Источники: данные Росстата; расчеты и картографическая визуализация авторов

В качестве других факторов в исследовании будут использованы объем инвестиций в основной капитал, текущие затраты на охрану окружающей среды и количество источников теплоснабжения.

Описательная статистика для всех переменных представлена в табл. 1. Все показатели имеют ненормальное распределение, характеризуются правосторонней асимметрией. Для уменьшения эффекта масштаба они были переведены в относительные (на 1000 жителей), а затем прологарифмированы. Стоимостные показатели приведены в ценах 2008 г.

Объем выбросов от стационарных источников напрямую связан с наличием на территории муниципального образования предприятий, оборудованных такими источниками загрязнений. К ним относятся все «непередвижные технологические агрегаты, выделяющие в процессе эксплуатации загрязняющие атмосферу вещества»⁷. В исследованиях по странам и регионам это легко учесть, рассчитав долю промышленности в ВВП (ВРП). Для муниципальных образований провести такие расчеты невозможно из-за недостатка статистических данных. В качестве альтернативы на основании отчетов о реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований⁸ была выделена преобладающая отрасль производства для каждого МО в соответствии с ОКВЭД2. Для дальнейшего анализа муниципальные образования были разделены по этому признаку на группы. Согласно статистике о выбросах по России в целом, по некоторым видам экономической деятельности производится значительно больше выбросов, чем по другим (табл. 2, рис. 3). При построении модели этот фактор будет использован как бинарная переменная, отражающая отраслевую специализацию МО.

Предварительный анализ также показал наличие существенных различий между муниципальными образованиями разных типов:

⁷ См.: *Охрана* атмосферного воздуха. Основные понятия. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DPZGRx3Y/ohrana-air_met.html .

⁸ См., например: *Отчет* о реализации Стратегии социально-экономического развития Шарыповского района до 2030 года в 2021 году. – URL: https://www.shr24.ru/images/docs/FEU/SER/real_strat_2021.docx?ysclid=la72jd52w67353129 .

Факторы загрязнения воздуха от стационарных источников
в муниципальных образованиях регионов Сибири

Таблица 1

Описательная статистика переменных

Переменная	Описание	Среднее	Станд. отклонение	Медиана	Минимум	Максимум	Всего наблюдений (из них восстановлено)
Emis	Выбросы загрязняющих веществ, тыс. т	16,7	108,7	1,3	0,001	1 957,9	4 238 (1 380)
Prod	Объем отгруженной продукции, млрд руб.	11,9	44,4	1,0	0,01	566,2	4 238 (2 089)
Inv	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	1,8	6,0	0,2	0,00001	75,7	4 238 (1 146)
Env	Затраты на охрану окружающей среды, млрд руб.	0,1	0,6	0,001	0	10,3	4 238 (1 359)
Heat	Кол-во источников теплоснабжения, ед.	33	21	30	0	121	4 238 (766)
Pop	Численность населения, чел.	51 530	140 769	20 780	3 214	1 625 631	4 238 (426)
S	Площадь, кв. км	13 101	66 188	3 618	19	879 931	4 238 (0)
Ind	0 – для МО из группы А 1 – для МО из группы В	–	–	–	–	–	–
Type	0 – для городских округов 1 – для муниципальных районов/округов	–	–	–	–	–	–

Примечание: в группу А входят МО со специализацией на отраслях, в которых производят много выбросов, в группу В – МО со специализацией на более «чистых» отраслях, практически не имеющих источников загрязнения атмосферного воздуха.

Источники: данные Росстата; расчеты авторов.

Таблица 2

Структура муниципальных образований Сибирского федерального округа по отраслевой специализации

Группа А			Группа В		
Отрасль	% от выбросов в РФ	Кол-во МО	Отрасль	% от выбросов в РФ	Кол-во МО
Добыча металлических руд	14,1	27	Сельское, лесное хозяйство	2,5	237
Добыча нефти и природного газа	13,8	16	Производство прочих транспортных средств и оборудования (локомотивов)	0,2	5
Производство металлургическое	8,8	14			
Добыча угля	8,1	4	Производство машин и оборудования	0,1	5
Производство кокса и нефтепродуктов; химических веществ и продуктов	6,5	7	Другое (в т.ч. туризм)	–	11

Источники: данные Росстата; расчеты авторов.

городские округа при прочих равных обычно имеют более высокие абсолютные показатели выбросов, чем муниципальные районы (округа). При моделировании это также будет учтено как бинарная переменная.

Проверка построенной модели, учитывающей все муниципальные образования, на структурные сдвиги относительно типа МО и его специализации показала, что предпочтительно разделить выборку на группы по данным признакам.

Группа I – муниципальные районы (округа) со специализацией на добыче полезных ископаемых. Группа состоит в основном из северных районов Красноярского края, нефтедобывающих районов Иркутской области и угольных районов Кемеровской области. Эти тер-

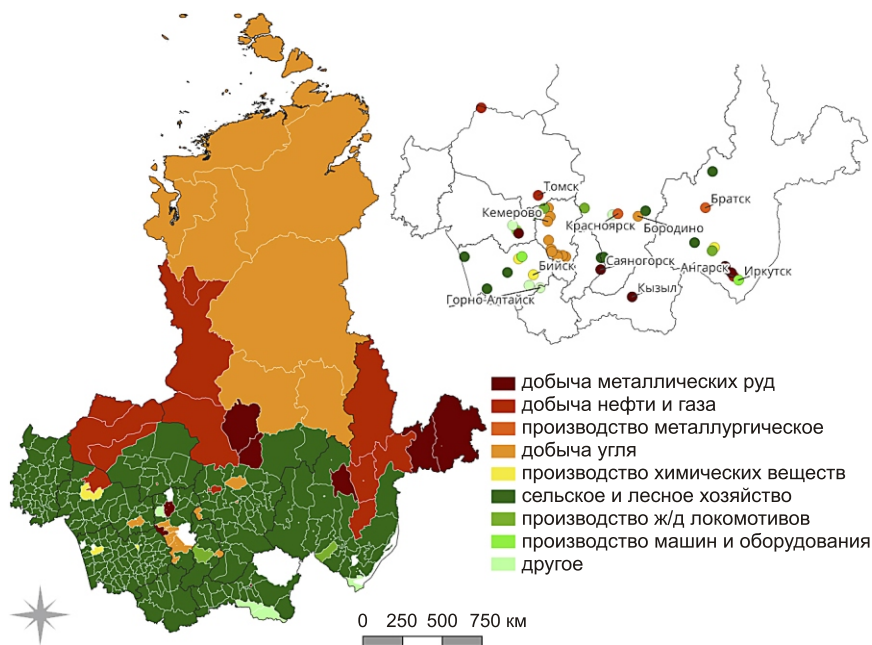

Рис. 3. Пространственное распределение преимущественной специализации муниципальных образований регионов Сибирского федерального округа, 2019 г.

Источники: отчеты муниципальных районов; расчеты и картографическая визуализация авторов

ритории относительно слабо заселены: в половине из них плотность населения не превышает 1 чел./кв. км. Относительные показатели выбросов на 1000 жителей из-за этого получаются выше, чем на остальных территориях. Наличие на территории предприятий добывающей отрасли подтверждается сравнительно более высоким объемом отгруженной продукции (в 20 раз в абсолютных и в 4 раза в относительных значениях по сравнению с районами, не связанными с добычей полезных ископаемых).

Группа II – городские округа, специализирующиеся на переработке полезных ископаемых. Сюда входят почти все города Кемеров-

ской области и Республики Хакасии; связанные с производством химических веществ города Алтайского края, а также некоторые города Иркутской области и Красноярского края, в первую очередь г. Норильск. Они характеризуются высокой плотностью населения (от 100 до 3000 жителей на 1 кв. км). В абсолютном выражении их показатели

Таблица 3

Распределение муниципальных образований Сибирского федерального округа на группы и их характеристики на 2019 г.

Показатель	Группа I – муниципальные районы/ округа со специализацией на добыче полезных ископаемых	Группа II – городские округа со специализацией на переработке полезных ископаемых	Группа III – городские округа со специализацией на сельском хозяйстве и машиностроении	Группа IV – муниципальные районы/ округа со специализацией на сельском, лесном хозяйстве
Выбросы загрязняющих веществ, т на 1000 жителей	1891,9	791,8	78,4	52,6
Объем отгруженной продукции, млн руб. на 1000 жителей	2700	400	200	50
Инвестиции, млн руб. на 1000 жителей	500	30	20	10
Текущие затраты на охрану окружающей среды, млн руб. на 1000 жителей	10,0	4,0	1,0	0,2
Кол-во источников теплоснабжения, ед. на 1000 жителей	1,4	0,2	0,3	2,1
Площадь, тыс. кв. км	88,1	0,6	0,2	7,0
Плотность населения, чел./кв. км	4,8	671,4	880,0	5,3
Кол-во МО, ед.	30	37	26	233

Источники: данные Росстата; расчеты авторов.

сопоставимы с показателями группы I, при переводе в относительные показатели (на 1000 жителей) районы из группы I будут сравнительно более загрязненными.

Группа III – городские округа, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, производством машин и оборудования, железнодорожных локомотивов и подвижного состава. Группа состоит в основном из городов Красноярского и Алтайского краев, Иркутской и Новосибирской областей. Относительные выбросы в МО данной группы в 10 раз меньше, чем в городах группы II.

Группа IV – муниципальные районы со специализацией на сельском и лесном хозяйстве. Эта группа включает в себя 70% всех МО Сибирского федерального округа и характеризуется самыми низкими показателями выбросов, так как на их территории практически нет стационарных источников загрязнения.

Сравнительные характеристики групп представлены в табл. 3.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На основании собранных данных с помощью взвешенного метода наименьших квадратов (WLS) был построен набор регрессионных моделей: для всей совокупности муниципальных образований СФО и для каждой из групп (табл. 4). Это позволяет как охарактеризовать зависимости в целом, так и учесть разницу во влиянии факторов между территориями, где проблема загрязнения стоит наиболее остро, и относительно «чистыми» муниципальными образованиями. Предполагая наличие эндогенности из-за возможных пропущенных переменных, разумно провести оценки с помощью модели с фиктивными переменными (LSDV), учитывающей специфические особенности каждого МО. В качестве контрольной переменной был использован показатель «площадь муниципального образования».

Общая модель показала важность учтенных при разбиении на группы факторов: в муниципальных образованиях со специализацией на добыче и переработке полезных ископаемых в среднем на 80% больше выбросов. Подтвердилось влияние объема производства на увеличение выбросов. В отличие от расчетов на региональных дан-

Сравнение результатов

Переменная	Все муниципальные образования		Группа I – муниципальные районы/округа со специализацией на добыче полезных ископаемых	
	WLS	LSDV	WLS	LSDV
Константа	-5,249*** (0,100)	-4,047*** (0,547)	-8,077*** (0,284)	-5,071** (1,848)
Объем отгруженной продукции	0,280*** (0,008)	0,102** (0,040)	0,400*** (0,039)	0,161 (0,116)
Инвестиции	0,070*** (0,007)	0,026** (0,013)	0,294*** (0,032)	0,100** (0,043)
Затраты на охрану окружающей среды	-0,002*** (0,001)	0,001 (0,002)	0,046*** (0,015)	0,017 (0,012)
Количество источников теплоснабжения	0,071*** (0,006)	0,037 (0,039)	0,386*** (0,031)	0,298** (0,142)
Площадь	0,023*** (0,008)	-0,003 (0,037)	-0,201*** (0,021)	0,093** (0,039)
Преобладающая отрасль производства	-1,616*** (0,024)	–	–	–
Тип МО	-0,042 (0,036)	–	–	–
n	4238	4238	390	390
R ²	0,86	0,94	0,83	0,91

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** –
Источник: расчеты авторов.

ных, в которых рост инвестиций сопровождается снижением загрязнения, направление связи между показателями оказалось прямым. Достаточно большое положительное влияние продемонстрировал фактор «количество источников теплоснабжения» – по причине того, что источники теплоснабжения – один из основных стационарных

Таблица 4

оценки моделей

Группа II – городские округа со специализацией на переработке полезных ископаемых		Группа III – городские округа со специализацией на сельском хозяйстве и машиностроении		Группа IV – муниципальные районы/округа со специализацией на сельском, лесном хозяйстве	
WLS	LSDV	WLS	LSDV	WLS	LSDV
-8,535*** (0,312)	-1,121 (1,236)	-1,145*** (0,363)	-3,555*** (0,794)	-5,382*** (0,145)	-3,744*** (1,066)
0,406*** (0,034)	-0,010 (0,092)	-0,316*** (0,036)	0,055 (0,058)	0,206*** (0,010)	0,096** (0,048)
-0,008 (0,021)	0,014 (0,029)	-0,008 (0,020)	0,026 (0,023)	0,030*** (0,008)	0,014 (0,015)
0,353*** (0,022)	-0,047 (0,051)	0,223*** (0,029)	-0,009 (0,016)	-0,001*** (0,001)	0,001 (0,002)
0,448** (0,191)	-0,006 (0,722)	0,549*** (0,097)	-0,349 (0,318)	0,027*** (0,006)	0,012 (0,034)
-0,038* (0,020)	0,056 (0,160)	0,126*** (0,024)	-0,010 (0,019)	-0,018* (0,010)	-0,066 (0,105)
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
481	481	338	338	3029	3029
0,68	0,95	0,39	0,95	0,19	0,85

значимость на уровне 1%.

источников выбросов. Модель имеет высокую объясняющую способность (86%), несмотря на малый набор факторов, включенных в нее.

Для группы I можно сделать следующие выводы. При увеличении на 1% объема отгруженной продукции выбросы увеличатся на 0,4%; это показывает, что производство в данных районах действительно

зависит от работ, связанных с негативным влиянием на окружающую среду. Роль инвестиций, в сравнении с другими моделями, наиболее высока, и можно предположить, что эти средства идут на расширение предприятий-загрязнителей, а не на их модернизацию. Некоторое положительное влияние отмечается и для затрат на охрану окружающей среды – скорее потому, что в этот показатель входит финансирование природоохранных фондов и мероприятий по снижению вредного воздействия, которое увеличивается пропорционально росту выбросов. Значимый вклад в загрязнение вносят источники теплоснабжения: большинство МО группы расположены на севере, и, возможно, модель это косвенно учитывает.

Для группы II характерно высокое положительное влияние как объема отгруженной продукции, так и количества источников теплоснабжения – возможно, потому что в крупных городах они являются одним из основных стационарных источников загрязнений атмосферного воздуха. Инвестиции не оказывают значимого влияния на зависимый признак, затраты на охрану окружающей среды не приводят к снижению загрязнения. Скорее всего, существует временной лаг между инвестированием средств и отдачей от них в виде снижения выбросов, либо предприятиям выгоднее платить за производимые выбросы, чем внедрять наилучшие доступные технологии. Объясняющая способность модели упала на 15% в сравнении с моделью для группы I – возможно, для городских округов необходимо больше показателей, учитывающих их специфику. Это можно увидеть на LSDV-модели: в ней значимы только фиктивные переменные, отвечающие за ненаблюдаемые особенности каждого города.

Модель для группы III отличается от остальных тем, что увеличение объема производства ведет к снижению выбросов. Возможно, дело в том, что в этой группе максимальная концентрация МО со специализацией на деятельности, не производящей выбросов (например, г. Дивногорск и расположенная в его границах гидроэлектростанция, курорт Белокуриха и др.). Объясняющая способность модели также упала в сравнении с моделями для групп I и II – предположительно, в связи с тем, что выбросы стационарных источников не являются необходимым условием работы местных предприятий. Текущие затраты на охрану окружающей среды имеют положитель-

ное влияние – из-за того, что производство выбросов приводит к выплатам на устранение их воздействия. Для этой группы выявлено сравнительно более высокое влияние количества источников теплоснабжения, в особенности по сравнению с группой IV, в которую включены преимущественно южные муниципальные районы. Возможно, так удастся уловить разницу в мощности этих источников.

Модель для группы IV показала, что значимые факторы и направления связи аналогичны таковым в модели для всех муниципальных образований – по причине того, что в эту группу входит большая часть МО в выборке. Количество источников теплоснабжения имеет положительное, но небольшое влияние в сравнении с моделью для городов, при том что на 1000 жителей в данных МО приходится большее число источников. Можно предположить, что мощность этих источников гораздо меньше, хотя сам показатель не делает различий между сельской котельной и мощной ТЭЦ. Объясняющая способность модели достаточно низка (20%): стационарные источники выбросов, скорее всего, являются сопутствующими, но не главными в деятельности предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования дана количественная оценка влияния на объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в атмосферный воздух экономических факторов развития муниципальных образований Сибирского федерального округа. Эмпирической базой исследования послужили данные о 326 муниципалитетах СФО за период с 2008 по 2020 г., для которых была проведена масштабная работа по восстановлению пропущенных наблюдений и исправлению множества ошибок. Методологические трудности работы связаны с существенными различиями между муниципальными образованиями по размерам территорий, на которые распространяются выбросы, по численности населения и плотности его проживания. В работе выделены четыре группы МО в зависимости от их типа и специализации: муниципальные районы со специализацией на добыче полезных ископаемых; города, связанные с их переработкой; сельскохозяйственные муниципальные районы; городские округа,

в которых преобладающие отрасли – машиностроение и переработка сельскохозяйственной продукции. Для всех МО в целом и для каждой из групп были построены эконометрические модели.

Подтвердилось положительное влияние объема отгруженной продукции для большинства МО, но при этом не выявлено обратной зависимости между инвестициями в основной капитал и выбросами, т.е. в настоящий момент объемов финансирования недостаточно для снижения загрязнения. Возможной причиной этого может быть учет инвестиций за конкретный год, а не кумулятивных инвестиций за больший период времени. Статистика по муниципальным образованиям также позволяет рассмотреть структуру инвестиций по видам деятельности и источникам финансирования, но не по видам основных фондов, что может иметь решающее значение для получившихся оценок моделей. На региональных данных было показано, что преобладание в структуре инвестиций средств на строительство зданий и сооружений приводит к росту выбросов, а снижению выбросов способствует приобретение машин и оборудования. Специфика муниципальных данных не дает возможности рассмотреть инвестиции в таком разрезе, а также увидеть, какая часть из них направлена именно на охрану окружающей среды, но мы можем сделать предположения об этом на основании значимости оценок моделей и направления связи. В моделях для муниципальных образований групп I и II, где проблема выбросов стоит особенно остро, инвестиции не приводят к снижению выбросов, что может говорить о том, что в текущем периоде на модернизацию производств и финансирование природоохранных мероприятий направляется сравнительно мало средств.

Аналогичные выводы можно сделать для показателя «текущие затраты на охрану окружающей среды». Рассмотреть структуру показателя, например то, какая доля расходуется на интересующую нас охрану атмосферного воздуха, можно по стране в целом, но не на данных по муниципальным образованиям. Нельзя сделать точные выводы о том, какая часть средств идет на содержание имеющихся природоохранных фондов, а какая – на введение новых. Нет возможности учесть, сколько было потрачено на услуги природоохранного назначения. Модели для городских округов выявили сильную положительную зависимость между затратами на охрану окружающей

среды и выбросами на территории МО. Это может свидетельствовать о том, что лишь малая часть затрат в настоящем периоде направлена на уменьшение вредного воздействия. В данной модели также не учитывались кумулятивные затраты и временные лаги, что тоже может иметь значение для получившихся оценок. Хотя показатель, описывающий источники теплоснабжения, отражает только их количество без указания мощности и других важных для рассеивания выбросов характеристик, его влияние оказалось значимым во всех моделях и особенно высоким в моделях по городам.

Для муниципальных районов, специализирующихся на добыче, деятельность предприятий имеет первостепенное значение как в создании загрязнений, так и в их снижении, которое невозможно без переоборудования и модернизации существующих производств. В сельскохозяйственных муниципальных районах в работе над снижением выбросов нет необходимости, но важно понимать, за счет чего они могут увеличиться в будущем.

Результаты, полученные на данном этапе работы, могут использоваться на практике при принятии управленческих решений, а также в дальнейших исследованиях по экологическому развитию российских муниципалитетов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-410-242913. База данных была сформирована в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (шифр научной темы FSRZ-2021-0011)

Список источников

1. Аистов А.В., Александрова Е.А. Здоровье населения и загрязнение окружающей среды: региональные аспекты // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2 (98). – С. 216–240. DOI: 10.15372/REG20180210.
2. Безуглая Э.Ю., Завадская Е.К., Ивлева Т.П. Влияние загрязнения атмосферы городов на заболеваемость гриппом и ОРЗ // Общество. Среда. Развитие. – 2007. – № 1 (2). – С. 93–102.
3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Астапович М. Качество воздуха как приоритет для новой экономики // Мир новой экономики. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 76–88. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-76-88.

4. Бурматова О.П. Экологическая информация: проблемы доступности и транспарентности для анализа экологической ситуации в регионе // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3 (115). – С. 262–284. DOI: 10.15372/REG20220311.

5. Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К., Тагаева Т.О., Кугаевская К.С. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения регионов России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 209–228.

6. Давидсон Н.Б., Мариев О.С., Баев Д.В. Эконометрическая оценка влияния прямых зарубежных инвестиций на окружающую среду // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 575–580. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.22.

7. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В. Влияние развития экономики регионов Европейского Севера на окружающую среду // Труды Кольского научного центра РАН. – 2020. – Т. 11, № 2-8 (8). – С. 144–154. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.2.8.016.

8. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В. Особенности развития российских регионов и экологическая кривая Кузнецца // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 155–167. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.14.

9. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В. Оценка влияния развития экономики на окружающую среду (пространственные особенности) // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2017. – № 3 (54). – С. 228–237.

10. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В., Зимин Д.А. Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8.

11. Забелина И.А. Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15.

12. Заворуев В.В., Мальцева И.В., Заворуева Е.Н. Верификация результатов сводных расчетов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу города Красноярска от передвижных и стационарных источников // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 59-1. – С. 27–31. DOI: 10.18411/lj-03-2020-06.

13. Заворуев В.В., Соколова О.В., Заворуева Е.Н., Тихонова Е.В. Взвешенные частицы в приземном слое атмосферы Красноярска и пригорода в 2020 году // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71-1. – С. 97–101. DOI: 10.18411/lj-03-2021-21.

14. Зиязов Д.С., Пыжжев А.И., Пыжжева Ю.И. Экономические механизмы борьбы с загрязнением атмосферного воздуха крупных российских городов // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 10 (469). – С. 1991–2008. DOI: 10.24891/re.17.10.1991.

15. Колечков Д.В., Гаджиев Ю.А., Тимашев С.А., Макарова М.Н. Валовой муниципальный продукт: методы расчета и применение // Экономика региона. – 2012. – № 4 (32). – С. 49–59. DOI: 10.17059/2012-4-4.

16. Коробицын Б.А., Куклин А.А., Манжуров И.Л., Никулина Н.Л. Оценка ущерба от сокращения ожидаемой продолжительности жизни в результате онкологических заболеваний // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – С. 257–265.

17. Коробицын Б.А., Куклин А.А., Никулина Н.Л. Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // Народонаселение. – 2014. – № 3 (65). – С. 42–56.

18. Левда Н.М., Постников В.П. Оценка экологического ущерба населению и экономике региона от загрязнений атмосферного воздуха // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 25 (328). – С. 37–45.

19. Макоско А.А., Матешева А.В. О тенденциях распространенности экологически обусловленных заболеваний вследствие техногенного загрязнения атмосферы // Инновации. – 2012. – № 10 (168). – С. 98–105.

20. Никифорова В.А., Колесникова О.А., Руми Н.А., Воронцова Е.В. Оценка риска здоровью населения в условиях техногенного загрязнения // Труды Братского государственного университета. Сер.: Естественные и инженерные науки. – 2018. – Т. 1. – С. 253–257.

21. Пудовкина А.Ю., Вигдорович В.И. Влияние состояния атмосферы на здоровье населения Тамбовской области и некоторые пути борьбы с загрязнением окружающей среды // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № S3 (43). – С. 7–14.

22. Пыжжева Ю.И., Пыжжев А.И., Зандер Е.В. Перспективы решения проблемы загрязнения атмосферного воздуха регионов России // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18, № 3 (486). – С. 496–513. DOI: 10.24891/ea.18.3.496.

23. Ревич Б.А. Мелкодисперсные взвешенные частицы в атмосферном воздухе и их воздействие на здоровье жителей мегаполисов // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. – 2018. – Т. 29, № 3. – С. 53–78. DOI: 10.21513/0207-2564-2018-3-53-78.

24. Рюмина Е.В. Влияние экологической обстановки на человеческий потенциал: аспект здоровья // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 9-1 (48). – С. 152–160. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11002.

25. Салтыкова М.М., Балакаева А.В., Шопина О.В., Бобровницкий И.П. Анализ влияния загрязнения атмосферного воздуха на смертность от основных неинфекционных заболеваний в зависимости от пола и возраста // Экология человека. – 2021. – № 12. – С. 14–22. DOI: 10.33396/1728-0869-2021-12-14-22.

26. Сырцова Е.А. Влияние экологических факторов на здоровье населения муниципалитетов Сибири // Труды II Гранберговской конференции: Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга, «Пространственный анализ социально-эконо-

мических систем: история и современность», Новосибирск, 11–15 октября 2021 года / Отв. ред. В.И. Суслов, Л.В. Мельникова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. – С. 513–520. DOI: 10.53954/9785604607893_513.

27. Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М. Статистический анализ влияния факторов риска на ухудшение общественного здоровья // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 1 (148). – С. 105–118.

28. Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Ревич Б.А. Сравнительная оценка смертности населения в российских и зарубежных мегаполисах // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 6 (171). – С. 150–159.

29. Шкуперова Г.Т. Экологическая кривая Кузнецца как инструмент исследования регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 19 (322). – С. 8–16.

30. Bobylev S.N., Kudryavitseva O.V., Yakovleva Y.Y. Regional priorities of green economy // Economy of Regions. – 2015. – No. 2 (42). – P. 148–159. – DOI: 10.17059/2015-2-12.

31. Burmatova O.P., Sumskaia T.V. Methods for taking into account the impact of environmental factors on children’s health // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2022. – Vol. 15, No. 12. – P. 1865–1880. DOI: 10.17516/1997-1370-0958.

32. Miao Z., Baležentis T., Tian Z. Environmental performance and regulation effect of China’s atmospheric pollutant emissions: Evidence from “Three Regions and Ten Urban Agglomerations” // Environmental and Resource Economics. – 2019. – No. 74. – P. 211–242.

33. Ziyazov D.S., Pyzhev A.I. N-shaped relationship between economic growth and automotive emissions: Evidence from Russia // Transportation Research Part D: Transport and Environment. – 2023. – Vol. 118. – Article 103734. DOI: 10.1016/j.trd.2023.103734.

Информация об авторах

Верченко Дарья Юрьевна (Россия, Красноярск) – инженер-исследователь лаборатории экономики климатических изменений и экологического развития Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: darya.ver99@mail.ru.

Пыжжев Антон Игоревич (Россия, Красноярск) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией климатических изменений и экологического развития Сибирского федерального университета; заведующий Отделом прогнозирования экономического развития Красноярского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: apyzhev@sfu-kras.ru.

Курбатова Маргарита Владимировна (Россия, Красноярск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики природных ресурсов и окружающей среды, профессор кафедры социально-экономического планирования Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: kurbatova-07@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240310

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 222–250

D.Yu. Verchenko, A.I. Pyzhev, M.V. Kurbatova

FACTORS CONTRIBUTING TO AIR POLLUTION FROM STATIONARY SOURCES IN MUNICIPALITIES OF SIBERIAN REGIONS

The issue of air pollution in Russian cities remains a significant challenge for the country's socio-economic development. This article presents the results of a study on the factors contributing to atmospheric air pollution from stationary sources in municipalities of the Siberian Federal District from 2008 to the 2020s. Through econometric modeling of panel data, including control for potential endogeneity, we establish that the volume of shipped products and investment in fixed capital positively impact atmospheric air pollution. At this stage of municipal development, expenditures on environmental protection do not correlate with a reduction in pollution, suggesting a deficit in investment in environmental protection measures. An increase in the number of heat supply sources leads to higher emissions from stationary sources. The study reveals a gap in pollution levels between areas with different predominant industries and finds varying degrees of influence of these factors depending on the type and sectoral specialization of the municipality.

Further research on the socio-economic causes of atmospheric air pollution at the municipal level is necessary to draft effective strategies for optimizing pollutant emissions as part of state environmental policy.

Keywords: air pollution; stationary sources of air pollution; municipalities; Siberia; social and economic factors of the environmental situation; econometric modeling

For citation: *Verchenko, D.Yu., A.I. Pyzhev & M.V. Kurbatova. (2024). Faktory zagryazneniya vozdukha ot statsionarnykh istochnikov v munitsipalnykh obrazovaniyakh regionov Sibiri [Factors contributing to air pollution from stationary sources in municipalities of Siberian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 222–250. DOI: 10.15372/REG20240310.*

The research was carried out with the financial support of the RFBR, the Government of Krasnoyarsk Krai and the Krasnoyarsk Regional Science Foundation within the framework of scientific project No. 20-410-242913. The database was formed within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSRZ-2021-0011)

References

1. *Aistov, A.V. & E.A. Aleksandrova. (2018). Zdorovye naseleniya i zagryaznenie okruzhayushchey sredy: regionalnye aspekty [Population health and environmental pollution: Regional aspects]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (98), 216–240. DOI: 10.15372/REG20180210.*
2. *Bezuglaya, E.Yu., E.K. Zavadskaya & T.P. Ivleva. (2007). Vliyanie zagryazneniya atmosfery gorodov na zaboлеваemost grippom i ORZ [Impact of urban air pollution on influenza and acute respiratory diseases]. Obschestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development], 1 (2), 93–102.*
3. *Bobylev, S.N., S.V. Solovyeva & M. Astapovich. (2022). Kachestvo vozdukha kak prioritet dlya novoy ekonomiki [Air quality as a priority issue for the new economy]. Mir novoy ekonomiki [The World of New Economy], Vol. 16, No. 2, 76–88. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-76-88.*
4. *Burmatova, O.P. (2022). Ekologicheskaya informatsiya: problemy dostupnosti i transparentnosti dlya analiza ekologicheskoy situatsii v regione [Environmental information: Its availability and transparency for analyzing regional environment]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 262–284. DOI: 10.15372/REG20220311.*
5. *Gilmundinov, V.M., L.K. Kazantseva, T.O. Tagaeva & K.S. Kugaevskaya. (2013). Vliyanie zagryazneniya okruzhayushchey sredy na zdorovye naseleniya regionov Rossii [Environmental pollution and population health in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (77), 209–228.*
6. *Davidson, N.B., O.S. Mariev & D.V. Baev. (2019). Ekonometricheskaya otsenka vliyaniya pryamykh zarubezhnykh investitsiy na okruzhayushchuyu sredu [The impact*

of foreign direct investment on environment: An econometric analysis]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], Vol. 16, No. 3, 575–580. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.22.

7. *Druzhinin, P.V., G.T. Shkiperova & O.V. Potasheva.* (2020). Vliyanie razvitiya ekonomiki regionov Evropeyskogo Severa na okruzhayushchuyu sredyu [The impact of economy development of European North regions on the environment]. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Science Center of RAS], Vol. 11, No. 2-8 (8), 144–154. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.2.8.016.

8. *Druzhinin, P.V., G.T. Shkiperova & O.V. Potasheva.* (2020). Osobennosti razvitiya rossiyskikh regionov i ekologicheskaya krivaya Kuzneta [Development specificity of Russian regions and the environmental Kuznets curve]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], Vol. 8, No. 1, 155–167. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.14.

9. *Druzhinin, P.V., G.T. Shkiperova & O.V. Potasheva.* (2017). Otsenka vliyaniya razvitiya ekonomiki na okruzhayushchuyu sredyu (prostranstvennye osobennosti) [Estimation of the influence of the economy development on the environment (spatial features)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 3 (54), 228–237.

10. *Druzhinin, P.V., G.T. Shkiperova, O.V. Potasheva & D.A. Zimin.* (2020). Otsenka vliyaniya razvitiya ekonomiki na zagryaznenie vozduшной sredey [The assessment of the impact of the economy's development on air pollution]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 13, No. 2, 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8.

11. *Zabelina, I.A.* (2019). Effekt dekaplinga v ekologo-ekonomicheskom razvitiy regionov – uchastnikov transgranichnogo vzaimodeystviya [Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 12, No. 1, 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15.

12. *Zavoruev, V.V., I.V. Maltseva & E.N. Zavorueva.* (2020). Verifikatsiya rezultatov svodnykh raschetov vybrosov zagryaznyayushchikh veshchestv v atmosferu goroda Krasnoyarska ot peredvizhnykh i statsionarnykh istochnikov [Verification of the results of aggregated calculations of emissions of pollutants into the atmosphere of the city of Krasnoyarsk from mobile and stationary sources]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in Science and Education Development], 59-1, 27–31. DOI: 10.18411/lj-03-2020-06.

13. *Zavoruev, V.V., O.V. Sokolova, E.N. Zavorueva & E.V. Tikhonova.* (2021). Vzvshennyye chastitsy v prizemnom sloe atmosfery Krasnoyarska i prigoroda v 2020 godu [Suspended particles in the ground layer of the atmosphere of Krasnoyarsk and its suburbs in 2020]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in Science and Education Development], 71-1, 97–101. DOI: 10.18411/lj-03-2021-21.

14. *Ziyazov, D.S., A.I. Pyzhev & Yu.I. Pyzheva.* (2019). Ekonomicheskie mekhanizmy borby s zagryazneniem atmosfernogo vozdukha krupnykh rossiyskikh gorodov

[Economic mechanisms to control air pollution: Evidence from major Russian cities]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], Vol. 17, No. 10 (469), 1991–2008. DOI: 10.24891/re.17.10.1991.

15. *Kolechkov, D.V., Yu.A. Gadzhiev, S.A. Timashev & M.N. Makarova.* (2012). Valovoy munitsipalnyy produkt: metody rascheta i primeneniye [Gross municipal product: The design procedure and application]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 4 (32), 49–59. DOI: 10.17059/2012-4-4.

16. *Korobitsyn, B.A., A.A. Kuklin, I.L. Manzhurov & N.L. Nikulina.* (2013). Otsenka ushcherba ot sokrashcheniya ozhidaemoy prodolzhitel'nosti zhizni v rezultate onkologicheskikh zabolevaniy [Assessment of damage from reduction of expected lifespan due to cancer]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 3 (35), 257–265.

17. *Korobitsyn, B.A., A.A. Kuklin & N.L. Nikulina.* (2014). Ushcherb ot osnovnykh prichin smertnosti dlya subyektov Rossiyskoy Federatsii i otsenka prioritetrov po uvelicheniyu prodolzhitel'nosti zhizni [Damage from major causes of mortality for the subjects of the Russian Federation and assessment of priorities for increasing life expectancy]. *Narodonaseleniye* [Population], 3 (65), 42–56.

18. *Levda, N.M. & V.P. Postnikov.* (2013). Otsenka ekologicheskogo ushcherba naseleniyu i ekonomike regiona ot zagryazneniy atmosfernogo vozdukha [Evaluation of environmental damage to population and economy of region from air pollution]. *Ekonomicheskyy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 25 (328), 37–45.

19. *Makosko, A.A. & A.V. Matesheva.* (2012). O tendentsiyakh rasprostranennosti ekologicheskikh obuslovlennykh zabolevaniy vsledstvie tekhnogenogo zagryazneniya atmosfery [On trends in the prevalence of environmentally caused diseases due to technogenic air pollution]. *Innovatsii* [Innovations], 10 (168), 98–105.

20. *Nikiforova, V.A., O.A. Kolesnikova, N.A. Rumi & E.V. Vorontsova.* (2018). Otsenka riska zdorov'yu naseleniya v usloviyakh tekhnogenogo zagryazneniya [Risk assessment to the health of the population under conditions of technogenic pollution]. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Estestvennye i inzhenernye nauki* [Proceedings of Bratsk State University. Series: Natural and Engineering Sciences], 1, 253–257.

21. *Pudovkina, A.Yu. & V.I. Vigdorovich.* (2012). Vliyanie sostoyaniya atmosfery na zdorov'ye naseleniya Tambovskoy oblasti i nekotorye puti borby s zagryazneniem okruzhayushchey sredy [The influence of atmosphere on people's health in the Tambov region and some ways of dealing with pollution]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University], S3 (43), 7–14.

22. *Pyzheva, Yu.I., A.I. Pyzhev & E.V. Zander.* (2019). Perspektivy resheniya problemy zagryazneniya atmosfernogo vozdukha regionov Rossii [Solving the problem of atmospheric air pollution in Russian regions]. *Ekonomicheskyy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], Vol. 18, No. 3 (486), 496–513. DOI: 10.24891/ea.18.3.496.

23. *Revich, B.A.* (2018). Melkodispersnye vzveshennye chastitsy v atmosfernom vozdukh e i ikh vozdeystvie na zdorovye zhiteley megapolisov [Fine suspended particulates in ambient air and their health effects in megalopolises]. *Problemy ekologicheskogo monitoringa i modelirovaniya ekosistem* [Problems of Ecological Monitoring and Ecosystem Modelling], Vol. 29, No. 3, 53–78. DOI: 10.21513/0207-2564-2018-3-53-78.

24. *Ryumina, E.V.* (2020). Vliyanie ekologicheskoy obstanovki na chelovecheskiy potentsial: aspekt zdorovya [The impact of the environment on human potential: The health dimension]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 9-1 (48), 152–160. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11002.

25. *Saltykova, M.M., A.V. Balakaeva, O.V. Shopina & I.P. Bobrovnikii.* (2021). Analiz vliyaniya zagryazneniya atmosfernogo vozdukh na smertnost ot osnovnykh neinfektsionnykh zabolevaniy v zavisimosti ot pola i vozrasta [Analysis of associations between air pollution and mortality from noncommunicable diseases across genders and age-groups]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 12, 14–22. DOI: 10.33396/1728-0869-2021-12-14-22.

26. *Syrtsova, E.A.* (2021). Vliyanie ekologicheskikh faktorov na zdorovye naseleniya munitsipalitetov Sibiri [Impact of environmental factors on the health of the population of Siberian municipalities]. In: V.I. Suslov & L.V. Melnikova (Eds.). *Trudy II Granbergovskoy konferentsii: Sbornik dokladov Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy pamyati akademika A.G. Granberga, «Prostranstvennyy analiz sotsialno-ekonomicheskikh sistem: istoriya i sovremennost»*, Novosibirsk, 11–15 oktyabrya 2021 goda [Proceedings of the 2nd Granberg Conference: Collection of reports of the all-Russian conference with international participation, dedicated to the memory of Academician A.G. Granberg “Spatial Analysis of Socio-Economic Systems: History and Modernity”, Novosibirsk, October 11–15, 2021]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 513–520. DOI: 10.53954/9785604607893_513.

27. *Tagaeva, T.O. & V.M. Gilmundinov.* (2015). Statisticheskii analiz vliyaniya faktorov riska na ukhudshenie obshchestvennogo zdorovya [Statistical analysis of how risk factors affect worsening public health]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1 (148), 105–118.

28. *Kharkova, T.L., E.A. Kvasha & B.A. Revich.* (2018). Sravnitel'naya otsenka smertnosti naseleniya v rossiyskikh i zarubezhnykh megapolisakh [Comparative assessment of mortality rate of the population in Russian and foreign megacities]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 6 (171), 150–159.

29. *Shkiperova, G.T.* (2013). Ekologicheskaya krivaya Kuznetsa kak instrument issledovaniya regionalnogo razvitiya [Environmental Kuznets curve as tool of regional development studies]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 19 (322), 8–16.

30. *Bobylev, S.N., O.V. Kudryavtseva & Y.Y. Yakovleva.* (2015). Regional priorities of green economy. *Economy of Regions*, 2 (42), 148–159. DOI: 10.17059/2015-2-12.

31. *Burmatova, O.P. & T.V. Sumskaia.* (2022). Methods for taking into account the impact of environmental factors on children's health. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, Vol. 15, No. 12, 1865–1880. DOI: 10.17516/1997-1370-0958.

32. *Miao, Z., T. Baležentis & Z. Tian.* (2019). Environmental performance and regulation effect of China's atmospheric pollutant emissions: Evidence from "Three Regions and Ten Urban Agglomerations". *Environmental and Resource Economics*, 74, 211–242.

33. *Ziyazov, D.S. & A.I. Pyzhev.* (2023). N-shaped relationship between economic growth and automotive emissions: Evidence from Russia. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, Vol. 118, article 103734. DOI: 10.1016/j.trd.2023.103734.

About Authors

Verchenko, Daria Yuryevna (Krasnoyarsk, Russia) – Research Engineer at Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: darya.ver99@mail.ru.

Pyzhev, Anton Igorevich (Krasnoyarsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Head of the Laboratory of Climate Change and Environmental Development, Siberian Federal University; Head of the Krasnoyarsk Department of Forecasting the Economic Development of the Region, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: apyzhev@sfu-kras.ru.

Kurbatova, Margarita Vladimirovna (Krasnoyarsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Research and Training Laboratory for Environmental and Resources Economics, Professor at the Department of Social and Economic Planning, Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: kurbatova-07@mail.ru.

Поступила в редколлегию 04.07.2023.

После доработки 07.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

М.В. Ненашева

**ОЦЕНКА КЛИМАТИЧЕСКИХ РИСКОВ
ДЛЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
(на примере Приморского района Архангельской области)**

В статье на материалах социологического исследования, проведенного летом 2022 г. в Приморском районе Архангельской области, рассматривается влияние изменения климата на жизнедеятельность сельского населения Европейского Севера. Представлены данные по изменению климата на территории Приморского района. Показано, что на фоне потепления меняется динамика опасных гидрометеорологических явлений, которые оказывают воздействие на экономику и социум. В результате глубинных интервью с сельскими жителями Приморского района выяснилось, что наибольшую угрозу для их жизнедеятельности представляют сильный (штормовой) ветер, туман, оттепель, наводнения, изменение сроков ледостава и ледохода. Перечисленные опасные природно-климатические явления и процессы оказывают негативное влияние на судоходство, рыболовство, продовольственную и медицинскую безопасность местных жителей, а также на состояние инфраструктуры поселков. Проведена оценка уязвимости местного населения и его способности к адаптации к изменению климата. Обнаружено, что жители деревень не воспринимают изменение климата как главную угрозу их жизнедеятельности, а рассматривают его сквозь призму более важных и насущных социально-экономических проблем. Адаптация сельского населения к изменениям климата носит реактивный характер и основана на применении традиционных знаний и умений в процессе жизнедеятельности. Результаты исследования могут быть использо-

ваны для разработки региональных стратегий и мероприятий по адаптации северных сообществ к изменению климата.

Ключевые слова: изменение климата; оценка; сельское население; жизнедеятельность; адаптация; Европейский Север, Архангельская область

Для цитирования: Ненашева М.В. Оценка климатических рисков для жизнедеятельности сельского населения Европейского Севера (на примере Приморского района Архангельской области) // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 251–273. DOI: 10.15372/REG20240311.

ВВЕДЕНИЕ

Изменение климата – одна из глобальных проблем современного мира. Согласно данным Росгидромета, основным показателем изменения климата является увеличение средней температуры воздуха¹. На территории Российской Федерации средняя температура воздуха растет с середины 1970-х годов в среднем на 0,51 °С за 10 лет. Темп роста температуры увеличился на 0,04 °С по сравнению с 2019 г., что в 2,8 раза превышает темпы роста средней глобальной температуры воздуха². Климатологи признают, что в будущем станут важны не только показатели средних температур, но также частота и сила возникающих вследствие изменения климата опасных гидрометеорологических явлений, таких как аномальная жара, обильные снегопады, туманы, штормовой ветер, наводнения и др., которые могут создавать угрозу нормальному функционированию экономики и общества [11].

Оценка климатических рисков, под которыми понимается вероятность негативного воздействия природно-климатических факторов на экономику и общество, является сложной задачей [13; 19]. Это

¹ См.: *Третий* оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. – СПб.: Научное издание, 2022. – 124 с. – URL: https://www.meteorf.gov.ru/upload/pdf_download/compressed.pdf?ysclid=lht82pb4ze941670730 (дата обращения: 20.12.2022).

² См.: *Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года*. – URL: <http://static.government.ru/media/files/DzVPGll7JgT7QYRoogphpW69KKQREGTB.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

связано с тем, что тенденции изменения климата зависят от воздействия различных факторов, например от объема выбросов парниковых газов, от изменения величины средней температуры воздуха и т.д. По этой причине вероятность возникновения опасных природных явлений можно оценить только как процент их повторяемости за 10 лет или более, а на конкретный год дать прогноз нельзя. Несмотря на это, оценка климатических рисков имеет важное значение для планирования и разработки мер по адаптации к изменению климата и по снижению возможных социально-экономических потерь.

В настоящее время в российской науке уделяется большое внимание оценке природно-климатических рисков для экономики [9; 15; 18]. Высокую научную ценность представляют также работы, посвященные социальным последствиям изменения климата. Например, в статье Н.В. Кобышевой и М.П. Васильева выполнена оценка уязвимости социальной сферы регионов РФ к опасным природно-климатическим явлениям [10]. В работе В.В. Виноградовой и Т.Л. Бородиной показано, как изменение климата влияет на миграцию и здоровье населения [2], а в исследовании А.Н. Золотокрылина, В.В. Виноградовой и И.А. Соколова проведено районирование территории Российской Федерации по степени комфортности/дискомфортности проживания в условиях изменения климата [8].

Вместе с тем, как справедливо отмечают Л.А. Рябова и Е.М. Ключникова, в отечественной науке крайне мало прикладных социологических исследований, связанных со сбором и документированием данных о влиянии изменения климата на жизнедеятельность населения на местном уровне (отдельное домохозяйство, село, поселок, небольшой район) [14]. Единичными примерами являются работы С.И. Бояковой, В.В. Филипповой и Л.И. Винокуровой, которые исследовали воздействие последствий изменения климата на жизнедеятельность населения Республики Саха (Якутия) [1; 16], А.Н. Давыдова и Г.В. Михайловой, изучавших, как воспринимают изменение климата коренные жители пос. Варнек на о. Вайгач [6], а также П.О. Ермолаевой и И.Б. Кузнецовой, которые исследовали социальные последствия изменения климата в Республике Татарстан [7].

При этом в западной науке исследованию частных случаев фактического влияния опасных природно-климатических явлений на местные сообщества уделяется повышенное внимание. Особенно много таких работ проводится в Арктике [20; 21; 23], где потепление климата происходит в 2–2,5 раза быстрее, чем в других регионах Земли. Результаты таких исследований имеют важное значение не только для понимания взаимосвязи климатических изменений и жизнедеятельности людей, но и для разработки стратегий и конкретных мероприятий по адаптации местных сообществ к изменению климата [19].

Целью данной работы является оценка климатических рисков для жизнедеятельности сельского населения Европейского Севера России на примере Приморского района Архангельской области. Задачи исследования включают: 1) социально-экономическую характеристику полигона исследования; 2) описание тенденций изменения климата на территории Приморского района; 3) разработку матрицы рисков и оценку адаптационного потенциала сельского населения.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые проведена оценка воздействия изменения климата на жизнедеятельность сельского населения в Приморском районе Архангельской области. Результаты исследования способствуют приращению эмпирических данных и расширению теоретического знания о социальных последствиях изменения климата. Они могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти для разработки конкретных мероприятий по уменьшению негативного воздействия опасных природных явлений на местное население.

ГЕОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приморский район Архангельской области расположен на Северо-Западе России, занимает низовье р. Северная Двина, ее дельту, Летний и Зимний берега Белого моря и полностью входит в Арктическую зону РФ. Все 10 муниципальных образований Приморского района имеют статус сельских. Исследование воздействия изменения климата на жизнедеятельность сельского населения Приморского района Архангельской области проводилось в трех муниципальных

Карта Приморского района Архангельской области

Источник: выполнено автором с использованием картографического приложения Яндекс Карты

образованиях: «Островное», «Пертоминское» и «Талажское» (см. рисунок).

Оценка климатических рисков осуществлялась с учетом природно-климатических и социально-экономических особенностей территории, поэтому на первом этапе работы были проанализированы находящиеся в открытом доступе отчеты о социально-экономическом развитии Приморского района, а для уточнения демографических и социально-экономических показателей были проведены интервью с главой Приморского района, а также главами выбранных муниципальных образований.

Для описания изменения климата на территории Приморского района была привлечена сотрудник Северного управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды к.г.н И.В. Грищенко, которая подготовила информацию о состоянии климата и темпах его изменения, а также об опасных природных явлениях на территории Приморского района. Были использованы данные наблюдений за периоды 1961–2020 гг. и 1991–2020 гг. с метеостанций, расположенных на территории Приморского района, – Зимнегорский Маяк, Унский Маяк, Соловки, о. Жижгин, а также данные наблюдений за ледовыми явлениями гидрологического поста Соломбала в устье р. Северная Двина.

Второй этап работы включал полевые исследования для выяснения того, как изменение климата влияет на жизнедеятельность населения Приморского района. Во время экспедиций в МО «Островное» были обследованы деревни Пустошь, Ластола, Конецдворье и с. Вознесенье, а на побережье Белого моря – деревни Летняя Золотица, Лопшеньга, Яреньга, Патракеевка и пос. Пертоминск. Методом глубинных интервью решались три исследовательские задачи: 1) установить, фиксируют ли местные жители природно-климатические изменения; 2) выявить, как эти изменения на качественном (содержание) и количественном (степень) уровне влияют на их жизнедеятельность; 3) выяснить, как сельские жители адаптируются к природно-климатическим изменениям.

Структура гайда для глубинных интервью включала следующие блоки вопросов: биография респондента; образ жизни; хозяйственно-бытовые изменения в деревне; влияние изменений климата на жизнедеятельность респондента. В пределах каждого тематического блока были определены основные семантические категории, на основе которых были проведены группировка и качественный анализ разнородных данных о последствиях изменения климата для местного населения. Количество интервью в каждом поселении определялось принципом уменьшающегося прироста новых качественных данных (табл. 1).

На заключительном этапе работы была проведена оценка воздействия изменения климата на жизнедеятельность сельского населения

Таблица 1

Информация о проведенных глубинных интервью

Муниципальное образование	Населенный пункт	Кол-во интервью	Кол-во информантов по полу (М/Ж)
«Островное»	д. Пустошь	3, включая 1 парное	Ж – 3 М – 1
	д. Ластола, д. Концеворье	3, включая 1 парное	Ж – 4
	с. Вознесенье	2	Ж – 2
«Талажское»	д. Патракеевка	7, включая 1 парное	Ж – 6 М – 2
«Пертоминское»	д. Летняя Золотица	4	Ж – 3 М – 1
	д. Лопшеньга	4	Ж – 3 М – 1
	д. Яреньга	7, включая 1 парное	Ж – 6 М – 2
	пос. Пертоминск	4	Ж – 3
И т о г о		34	

Источник: составлено автором.

Приморского района. Для этого была составлена матрица рисков, в которой отражены: 1) результаты фиксации местными жителями опасных природно-климатических явлений; 2) воздействие этих явлений на их жизнедеятельность; 3) экспертная оценка уровня опасности природно-климатических явлений для жизнедеятельности населения по степени интенсивности, распространенности и продолжительности воздействия. Методика оценки включала составление для каждого из воздействующих факторов оценочных шкал, где значение «1» присваивалось низкому уровню риска, «2» – умеренно опасным рискам и «3» – высокому уровню природно-климатических рисков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В советский период экономика Приморского района Архангельской области основывалась на развитии сельского, рыболовного и лесного хозяйства. На островах дельты р. Северная Двина выращивали овощи, разводили скот. На Беломорском побережье преобладало промысловое хозяйство: добыча и переработка рыбы (семга, треска, навага, сельдь), до 2010 г. – охота на морского зверя (морж, белуга, тюлень). Наряду с аграрным производством развивались жилищно-коммунальное хозяйство, производственная, социальная, инженерная и транспортная инфраструктура.

В годы рыночных реформ социально-экономические условия жизни населения района стали ухудшаться. Сокращение государственной поддержки и уменьшение объемов сельского, промыслового и лесного хозяйства привели к закрытию большинства предприятий, росту безработицы и трудовой миграции. Сегодня основными работодателями для сельского населения выступают бюджетные учреждения, число которых с каждым годом сокращается из-за отрицательной демографической динамики (табл. 2).

В связи с отсутствием возможностей для трудоустройства основная часть местных жителей островных и прибрежных деревень занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности: подсобным сельским хозяйством, любительским рыболовством, сбором и заготовкой дикоросов и маломерным судоходством. На приусадебных участках сельские жители выращивают овощи (картофель, свеклу, морковь). Рыбный промысел жителей побережья Белого моря составляют треска, семга, лосось, несколько видов сига, зимой – навага. В лесах местные жители собирают клюкву, бруснику, чернику, морошку, грибы. С учетом географической удаленности территории, высокой стоимости продовольствия и ограниченности его ассортимента в местных магазинах продукты натурального хозяйства являются важным источником питания деревенских жителей в течение года [17].

Из-за отсутствия в деревнях социально значимой инфраструктуры, ограниченного набора медицинских, хозяйственно-бытовых и потребительских услуг у местного населения существует потребность в регулярных поездках в муниципальные и районный центры.

Таблица 2

Социально-экономическая характеристика территории исследования

Муниципальное образование	Населенный пункт	Численность населения, чел.	Перечень предприятий
«Островное»	д. Пустошь	221	Магазин
	д. Ластола	432	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; фельдшерско-акушерский пункт; филиал центральной библиотеки Приморского района; дом культуры; филиал ФГУП «Почта России»; фермерское хозяйство; магазины (2)
	д. Конец-дворье	31	Магазин
	с. Вознесенье	412	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; фельдшерско-акушерский пункт; филиал центральной библиотеки Приморского района; дом культуры; филиал ФГУП «Почта России»; магазины (3)
«Талажское»	д. Патра-кеевка	82	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; фельдшерско-акушерский пункт; дом культуры; филиал ФГУП «Почта России»; магазины (3)
«Пертоминское»	д. Летняя Золотица	102	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; фельдшерско-акушерский пункт; рыболовецкий колхоз «Беломор»; филиал ФГУП «Почта России»; магазины (2)
	д. Лопшеньга	187	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; фельдшерско-акушерский пункт; дом культуры; филиал ФГУП «Почта России»; магазины (2)
	д. Яреньга	74	Фельдшерско-акушерский пункт; дом культуры; магазины (2)
	пос. Перто-минск	245	Средняя общеобразовательная школа; детский сад; дом культуры; рыболовецкий колхоз им. М.И. Калинина; магазины (3)

Источник: составлено автором.

Поскольку на территории нет дорожной сети, жизненно важную роль играют водные пути, соединяющие островные и прибрежные поселения как между собой, так и с городом.

В период навигации транспортное сообщение между населенными пунктами МО «Островное» и г. Архангельском осуществляется регулярными рейсами речных судов, в зимний период – по ледовым переправам. На территории МО «Пертоминское» перевозки пассажиров и грузов из областного центра до д. Летняя Золотица осуществляются на теплоходе один раз в две недели, а в МО «Талажское» до д. Патракеевка – три раза в неделю. У остальных деревень регулярное сообщение водным транспортом с областным центром отсутствует. В связи с этим важное значение приобретает маломерный флот, который используется местными жителями для выполнения ежедневных хозяйственно-бытовых задач, для поездок в соседние деревни, на рыбалку, а также в районный и областной центры.

Согласно И.В. Грищенко, начиная с 1970-х годов на территории Приморского района наблюдаются положительные тенденции в изменении средней месячной температуры воздуха. Расчет средних значений температуры воздуха показывает, что в период 1991–2020 гг. произошло ее повышение, особенно значительное зимой – в феврале на 0,9–1,0 °С, а летом, в июле, на 0,3–0,4 °С [3, с. 42–51; 12, с. 496].

Изменение климата определяет наиболее характерные для Приморского района опасные гидрометеорологические явления и процессы, к которым относятся очень сильный (штормовой) ветер, сильные туманы, наводнения, оттепели [4, с. 9]. Указанные опасные явления и процессы наблюдались на территории Приморского района и в прежние времена, однако вследствие изменения климата сегодня их динамика поменялась [4, с. 99].

Например, довольно частым явлением на Европейском Севере является штормовой ветер, который создает угрозу для работы транспорта. Кроме этого, штормовой ветер вызывает сгонно-нагонные колебания уровня воды, которые приводят к затоплению прибрежных территорий в осеннее время и выходу воды на ледовое покрытие – в зимнее [3, с. 70–82; 4, с. 16]. Так, в 2011, 2018 и 2019 гг. на акватории Белого моря отмечался штормовой ветер порывами до 30 м/с. В результате произошел значительный подъем воды, были подтоплены

прибрежные территории и введены ограничения для движения судов, следующих в порт г. Архангельска [4, с. 214–218].

Серьезную опасность для водного транспорта представляет также туман, поскольку при этом видимость ухудшается до значений менее 1 км [3, с. 119]. В Приморском районе туманы наблюдаются наиболее часто на акватории Белого моря. В летние месяцы их повторяемость составляет пять-восемь дней в месяц. Однако в 2022 г. на акватории Двинского залива таких дней было намного больше: в июне – 12 дней, в июле – 21 день, а в августе – 14 дней [4, с. 62–67; 12, с. 497].

В зимний период эксплуатация водных объектов осложняется таким явлением, как оттепель, которая влечет за собой изменение традиционного ледового режима рек [4, с. 98; 5; 22]. В Приморском районе оттепели чаще всего возникают в декабре. В это время на реках наблюдается осенне-зимний ледоход, который приводит к закрытию ледовых переправ, прекращению транспортного сообщения, что значительно усложняет жизнедеятельность населения. Подобные процессы наблюдались в декабре 2013 и 2015 гг., а также в зимний период 2019–2022 гг. [3, с. 63–64].

При оценке влияния климатических факторов на жизнедеятельность сельского населения островных и прибрежных деревень следует различать три аспекта: а) наблюдения местных жителей за изменениями окружающей природной среды; б) влияние этих изменений на жизнедеятельность сельского населения; в) способы адаптации местных жителей к климатическим изменениям.

В беседах об изменении климата местные жители чаще всего обращались к своим наблюдениям за изменением погоды, основанным на воспоминаниях, личных ощущениях и сравнении того, какой погода была в прошлом и какая она сейчас. Например, они часто отмечали, что лето стало более жарким, а зимы – более теплыми: *«Я думаю, что потепление наступает, потому что зимой не такие морозы, как раньше бывало»* (женщина, 65 лет, д. Пустошь). Последствия глобального потепления местные жители воспринимают по-разному. С одной стороны, теплые зимы позволяют тратить меньше дров на отопление домов: *«Теплее стали [зимы]. Дров меньше идет на печь»* (мужчина, 55 лет, д. Яреньга). С другой стороны, обилие снега зимой затрудняет перемещение населения по проселоч-

ным дорогам: *«В этом году не было сильных морозов, но очень много было снега»* (женщина, 55 лет, д. Лопшеньга).

Среди положительных экономических эффектов потепления климата местные жители отмечают возможность получить хороший урожай овощей на приусадебных участках: *«Урожай у меня стал точно лучше [смеется]. Но год на год не приходится»* (женщина, 32 года, д. Пустошь). С другой стороны, жаркое и сухое лето приводит к обмелению рек, которое отрицательно сказывается на судоходстве. Поездки по мелководью сопряжены с риском повреждения лодок, а также затрудняют доступ маломерных судов к местам рыбной ловли: *«Река мелеет, и не каждый теплоход может пройти. Бывали такие случаи, что ночевали день-два на мели»* (мужчина, капитан судна, 55 лет, д. Патракеевка).

К числу серьезных угроз судоходству местное население относит сильный ветер. Жители островных и прибрежных деревень отмечают, что в период навигации сильный ветер нередко приводит к отмене регулярных морских и речных рейсов и запрету на использование маломерного флота. В зимнее время штормовой ветер вызывает нагоны и выход воды на ледовое покрытие, из-за чего временно закрываются переправы. В результате нарушается транспортное сообщение местных жителей с областным и районным центрами.

Туман также нередко становится причиной отмены регулярных речных рейсов, что имеет критическое значение для жителей островных территорий, для которых характерна маятниковая трудовая миграция: *«Бывали такие туманы – ничего не видно. Пароходы не ходили, приходилось брать справки в сельсовете, что пароходы не ходят»* (женщина, 65 лет, д. Пустошь).

Местные жители отмечают смещение сроков ледостава и ледохода в осенне-зимний период, которые также влияют на транспортное сообщение. Из-за смещения сроков ледостава и ледохода неопределенным стал период «распуты», или «распутицы» (народное название периода осеннего ледообразования либо весеннего ледохода). Местные жители отмечают, что раньше распутица длилась две недели, а в последнее время – до двух месяцев: *«Два последних года распута дольше была, потому что были очень теплые зимы»* (женщина, 46 лет, д. Патракеевка). В период ледостава и ледохода жителей

островных деревень перевозят с помощью буксиров ледового класса, но только между областным центром и ближайшими островами дельты р. Северная Двина. Между поселениями, а также прибрежными деревнями транспортное сообщение по водным путям полностью прекращается: *«Бывает такая распута! Ни туда и ни сюда не попадешь [имеется в виду в город и обратно]»* (женщина, 60 лет, с. Вознесенье).

Неопределенность периодов ледостава и ледохода негативно сказывается на продовольственной безопасности деревень. На это время местные жители, а также предприниматели, которые держат в деревнях магазины, стараются закупаться продуктами как минимум на два месяца: *«Позапрошлый год распута была больше месяца. Мы заранее продукты закупаем, и магазин завозит заранее продукты»* (женщины, 47 лет и 73 года, д. Ластола). Сложнее складывается ситуация с медицинским обслуживанием населения: *«Во время распуты деревня отрезана от Большой земли. Только если на подушке [судно на воздушной подушке] больного везти – тогда МЧС вызывают»* (женщина, 65 лет, д. Конецдворье); *«Если нужны какие-то плановые осмотры детей, то стараешься проводить их в то время, когда не будешь зависеть от погодных условий»* (женщина, 32 года, д. Пустошь).

В период ледохода и весеннего половодья серьезную угрозу для населения представляют наводнения, которые приводят к затоплению территории, размыванию берегов и разрушению причальной инфраструктуры: *«У нас постоянное разрушение берега идет. В последние годы это разрушение стало более активным. Сдвигаются сроки ледохода. В это время вода бьет по берегу с гораздо большей силой, нежели летом»* (мужчина, 35 лет, пос. Пертоминск).

Изменения в ледовой обстановке влияют на рыболовство, в частности на лов наваги, который традиционно идет в декабре: *«Вот раньше, например, в ноябре месяце уже заезжали на Унскую губу, ставили рюжи. Сейчас – в конце декабря, и то с опаской, потому что лед тонкий»* (женщина, 53 года, д. Яреньга). В то же время эти изменения мешают скорее промышленному лову рыбы, а не любительскому: *«Так если бы был промышленный лов, конечно, мешало бы. А мы-то успеем себе наловить»* (мужчина, 55 лет, д. Яреньга).

Продолжая тему рыболовства в контексте изменения климата, отметим, что в своих наблюдениях за изменениями в численности водных биологических ресурсов сельские жители фиксируют разнонаправленную динамику. С одной стороны, местные рыбаки говорят об уменьшении количества рыбы определенных пород, например трески: *«Сейчас почему-то трески нет. У нас, сколько были [на рыбалке], нету – не клюет»* (женщина, 45 лет, д. Яреньга). С другой стороны, удивляются ее избытку: *«Раньше горбуша на нерест приходила каждые четыре года, а теперь каждые два»* (женщина, 53 года, д. Яреньга). Об устойчивости этих тенденций говорить не приходится, поскольку местные жители дают оценку либо в горизонте последних нескольких лет, либо в сравнении с временами 20–30-летней давности, но без детализации по годам и в самых общих чертах, тем более что эти изменения не оказывают какого-либо существенного влияния на удовлетворение потребностей местных жителей в рыбе: *«Я думаю, что людям хватает рыбы, которую здесь ловят, даже несмотря на то, что ее стало меньше»* (мужчина, 35 лет, пос. Пертоминск).

Таким образом, к гидрометеорологическим явлениям и процессам, представляющим наибольшую опасность для жизнедеятельности населения, относятся сильный ветер, туман, оттепель, наводнения, сильное волнение на воде вследствие усиления ветра, изменение сроков ледостава и ледохода. Перечисленные опасные природно-климатические явления и процессы оказывают влияние на транспортную доступность территории, маломерное судоходство, занятия традиционными видами хозяйственной деятельности, продовольственную и медицинскую безопасность местных жителей, а также на состояние инфраструктуры поселений (табл. 3).

Обобщая наблюдения сельских жителей за изменением климата и опасными природными явлениями, отметим, что, как правило, они обсуждались не отдельно, а в тесной связи с социально-экономическими аспектами жизни людей. Когда поднималась тема изменения климата, респонденты ее поддерживали, старались дать комментарий, но их высказывания отличались высокой степенью неопределенности относительно характера, масштабов и причин этих изменений. Более того, в иерархии проблем, которые затрагивали сельские жи-

Таблица 3

**Матрица природно-климатических рисков для жизнедеятельности
сельского населения МО «Островное», МО «Пертоминское»,
МО «Талажское» Приморского района Архангельской области**

Опасные природно-климатические явления и процессы	Воздействие опасных природно-климатических явлений на жизнедеятельность сельского населения Приморского р-на Архангельской обл.					
	Маятниковая трудовая миграция	Эксплуатация водного транспорта	Прибрежная инфраструктура	Доступность социальных и медицинских услуг	Продовольственная безопасность	Рыболовство
Сильный ветер	3	3	2	2	1	1
Туманы	3	3	1	2	1	1
Оттепель	3	1	1	2	2	3
Нагон воды	1	1	3	1	1	1
Изменения в ледовой обстановке	3	3	2	2	2	3

Источник: составлено автором.

тели, природно-климатические изменения либо вообще не выделялись в качестве значимых, либо обсуждались после социально-экономических и коммунально-бытовых проблем.

Возможно, этим объясняются особенности способов адаптации населения к изменениям климата, которая носит в основном реактивный характер. Даже приобретение местными жителями всепогодного транспорта высокой проходимости не является реакцией на климатические изменения, а обусловлено транспортно-инфраструктурными проблемами территории: *«Все обещали людям дорогу сделать, но так дорога и не сделана. Но людям надо жить, поэтому покупают болотоходы. Едут по берегу до Лапоминки, а там на машине в город»* (мужчина, 55 лет, д. Патракеевка); *«Все купили каракаты, это*

такие болотоходы. Мне муж тоже купил – сели и поехали до Лапоминки» (женщина, 46 лет, д. Патракеевка).

Местные жители отмечают, что в зимний период уменьшение толщины льда затрудняет прокладку ледовых дорог, а сами переходы по этим маршрутам становятся опасными. На вопрос о том, как они принимают решение о поездке, один из респондентов ответил: *«Мужики ходят, проверяют [лед]. Идут, стучают, лед какой: крепкий или нет»* (женщина, 65 лет, д. Конецдворье). Очевидно, что подобный способ определения доступности ледовых дорог является очень опасным, однако его применение местные жители оправдывают традицией наблюдений за льдом, сложившейся на протяжении десятилетий и, соответственно, вызывающей доверие.

Местные знания и умения активно используются также при навигации по малым северным рекам для определения уровня воды и прокладки фарватеров. В некоторых случаях применяются коллективные способы адаптации к изменению климата, например укрепляют береговую линию в пос. Пертоминск, размывание которой вызывается сильным ветром и нагоном воды. Результаты интервью с главами муниципальных образований показывают, что даже лица, обладающие компетенциями, необходимыми для оценки природно-климатических рисков, не воспринимают их как вызов для своих территорий, требующий разработки стратегий и планов по адаптации к изменениям климата.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В современной научной литературе ведутся дискуссии о потенциальной угрозе изменения климата для экономики и общества. Ученые отмечают, что оценка уровня климатических рисков должна проводиться с учетом социально-экономических условий территорий [17]. Результаты нашего исследования согласуются с данным выводом и показывают неразрывность экологических, социальных и экономических аспектов жизнедеятельности сельского населения Российского Севера. Местные жители воспринимают опасные природно-климатические явления и процессы сквозь более широкую призму социально-экономических изменений, которые произошли за послед-

ние 30 лет. Даже при попытках интервьюеров ограничить беседы наблюдениями за изменениями окружающей природной среды респонденты постепенно возвращались к обсуждению более важных для них и насущных проблем в социальной и экономической сферах жизни.

Такое восприятие климатических угроз объясняет и трудности обсуждения с местными жителями способов адаптации к изменению климата. Адаптационный потенциал сельских жителей, часто неявный для них самих, включает традиционные знания и умение определять ледовую обстановку и условия для судоходства по северным рекам, а также ведение рыбаками журналов учета водных биоресурсов. Не менее важным элементом коллективного адаптационного потенциала является способность сельских жителей объединяться для решения внезапно возникающих проблем, вызванных воздействием природной среды. Как правило, при таком объединении роль лидера берут на себя местные органы власти, но непременно с опорой на сельских жителей.

Несмотря на то что в настоящее время ни местное население, ни представители муниципальной власти не рассматривают изменение климата как основную угрозу их жизнедеятельности, его последствия приводят к изменению привычного образа жизни сельских жителей. Данный факт должен быть принят во внимание при разработке мероприятий второго этапа регионального плана по адаптации к изменению климата, а также ответных мер по снижению риска опасных природных явлений и процессов на муниципальном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время наблюдается глобальное изменение климата, которое имеет негативные последствия для экономики и общества. Результаты социологического исследования в муниципальных образованиях Приморского района Архангельской области показывают, что наибольшую угрозу жизнедеятельности местного населения представляют такие опасные гидрометеорологические явления, как штормовой ветер, туман, оттепель, нагон воды, изменение сроков ледостава и ледохода. Эти опасные явления оказывают негативное воздействие на регулярное транспортное сообщение сельских жи-

телей с областным и районными центрами, на маломерное судоходство по северным рекам, на продовольственную безопасность, а также на состояние инфраструктуры деревень. Однако для жителей рассматриваемых населенных пунктов последствия изменения климата имеют второстепенное значение по сравнению с социально-экономическими проблемами их поселений. Несмотря на это, информацию о климатических угрозах жизнедеятельности сельского населения Приморского района Архангельской области следует принимать во внимание при разработке мероприятий второго этапа регионального плана по адаптации к изменению климата, а также при формировании и реализации программ социально-экономического развития района и его муниципальных образований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации населения Российской Арктики к изменениям климата» № 22-28-20286 (<https://rscf.ru/project/22-28-20286/>)

Список источников

1. Боякова С.И., Филиппова В.В., Винокурова Л.И. Арктические улусы Якутии в условиях природных чрезвычайных ситуаций: социальные вызовы и опыт противостояния // Вопросы безопасности. – 2023. – № 1. – С. 19–31.
2. Виноградова В.В., Бородина Т.Л. Климатические факторы и социально-экономические показатели: исследование статистической связи по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. – Т. 86, № 4. – С. 578–593.
3. Грищенко И.В. Климат Архангельской области. – Архангельск: КИРА, 2021. – 227 с.
4. Грищенко И.В. Опасные природные явления на Европейском Севере. – Архангельск: КИРА, 2022. – 236 с.
5. Грищенко И.В. Тенденции в возникновении оттепелей на территории Архангельской области // Гидрометеорологические исследования и прогнозы. – 2019. – № 1 (371). – С. 119–126.
6. Давыдов А.Н., Михайлова Г.В. Изменение климата и условия жизни в Арктике в восприятии ненцев острова Вайгач // Экология человека. – 2013. – № 2. – С. 29–34.
7. Ермолаева П.О., Кузнецова И.Б. Общественные оценки социально-экономических последствий изменения климата по материалам Республики Татарстан // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. – 2018. – № 1. – С. 33–41.

8. *Золотокрылин А.Н., Виноградова В.В., Соколов И.А.* Воздействие потепления на условия жизнедеятельности населения России // Известия Русского географического общества. – 2018. – № 150 (3). – С. 79–96.

9. *Катцов В.М., Порфирьев Б.Н.* Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу (резюме доклада) // Труды Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова. – 2011. – Вып. 563. – С. 7–59.

10. *Кобышева Н.В., Васильев М.П.* Уязвимость социальной сферы регионов России к опасным гидрометеорологическим явлениям // Труды Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова. – 2015. – Вып. 578. – С. 59–74.

11. *Кузьмин С.Б.* Стихийные бедствия: глобальные аспекты // Безопасность жизнедеятельности. – 2023. – № 3. – С. 45–56.

12. *Ненашева М.В., Грищенко И.В.* Организация транспортного обслуживания населения труднодоступных районов российской Арктики (на примере Архангельской области) // Арктика: экология и экономика. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 613–623. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-613-623.

13. *Порфирьев Б.Н.* Экономическое измерение климатического вызова устойчивому развитию России // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 4. – С. 400–407.

14. *Рябова Л.А., Ключникова Е.М.* Социальные последствия изменения климата в российской Арктике: изученность проблемы и задачи новых исследований // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2018. – № 3 (59). – С. 91–111.

15. *Смолина С.Г.* Прогнозы воздействия изменений климата на экономику отраслей и регионов России // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 1 (10). – С. 106–114.

16. *Филитова В.В.* Социальные вызовы периодических наводнений в Якутии // Арктика и Север. – 2011. – № 4. – С. 207–212.

17. *Харитонова В.Н., Вижина И.А.* Экономические оценки условий жизнедеятельности населения на Севере России // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 3. – С. 176–194.

18. *Шкитерова Г.Т., Дружинин П.В.* Оценка влияния климатических изменений на экономику российских регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 34. – С. 43–50.

19. *Birkmann J., Cutter S.L., Rothman D.S., Welle T., Garschagen M., Van Ruijven B., O'Neill B., Preston B.L., Kienberger S., Cardona O.D., Siagian T., Hidayati D., Setiadi N., Binder C.R., Hughes B., Pulwarty R.* Scenarios for vulnerability – opportunities and constraints in the context of climate change and disaster risk // Climatic Change. – 2015. – Vol. 133. – P. 53–68.

20. *Dannevig H., Hovelsrud G.K.* Understanding the need for adaptation in a natural resource dependent community in Northern Norway: issue salience, knowledge and values // Climatic Change. – 2016. – Vol. 135. – P. 261–275.

21. Galappaththi E., Ford J., Bennett E., Berkes F. Climate change and community fisheries in the Arctic: A case study from Pangnirtung, Canada // Journal of Environmental Management. – 2019. – Vol. 250. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.109534.

22. Magritskiy D., Lebedeva S., Skripnik E. Hydrological hazards at mouths of the Northern Dvina and the Pechora rivers, Russian Federation // Natural Hazards. – 2017. – Vol. 88, No. S1. – P.149–170. DOI: 10.1007/s11069-016-2673-6.

23. Williams P., Kliskey A., McCarthy M., Lammers R., Alessa L., Abatzoglou J. Using the Arctic water resources vulnerability index in assessing and responding to environmental change in Alaskan communities // Climate Risk Management. – 2019. – No. 23. – P. 19–31.

Информация об авторе

Ненашева Марина Викторовна (Россия, Архангельск) – кандидат философских наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (163000, Архангельск, наб. Северной Двины, 17). E-mail: m.nenasheva@narfu.ru.

DOI: 10.15372/REG20240311

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 251–273

M.V. Nenasheva

ASSESSMENT OF CLIMATE RISKS TO RURAL LIFE IN THE EUROPEAN NORTH (Case Study of Primorsky District, Arkhangelsk Oblast)

This article investigates the impact of climate change on the livelihoods of the rural population in the European North, specifically based on a sociological study conducted in the summer of 2022 in the Primorsky District of Arkhangelsk Oblast. The paper presents data on climate change in the Primorsky District, showing that warming trends are altering the dynamics of dangerous hydrometeorological phenomena that affect the economy and society. In-depth interviews with rural residents revealed that the greatest threats to their livelihoods are strong (storm) winds, fog, thaws, floods, and changes in the timing of ice formation and ice drift. These hazardous natural and climatic phenomena negatively impact navigation, fishing, food and medical safety, and local infrastructure. The study assessed the vulnerability and adaptability of the local population to climate change. It found that

villagers do not perceive climate change as the main threat to their livelihoods but view it through the lens of more pressing social and economic issues. Their adaptation to climate change is reactive, relying on traditional knowledge and skills. The results of this study can be used to develop regional strategies and measures for the adaptation of northern communities to climate change.

Keywords: climate change; assessment; rural population; livelihood; adaptation; European North; Arkhangelsk Oblast

For citation: *Nenasheva, M.V.* (2024). Otsenka klimaticheskikh riskov dlya zhiznedeyatel'nosti selskogo naseleniya Evropeyskogo Severa (na primere Primorskogo rayona Arkhangelskoy oblasti) [Assessment of climate risks to rural life in the European North (case study of Primorsky District, Arkhangelsk Oblast)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 251–273. DOI: 10.15372/REG20240311.

*The study was funded by the Russian Science Foundation grant
“The phenomenon of resilience in the theory and practice of adapting
the Russian Arctic population to climate change” No. 22-28-20286
(<https://rscf.ru/project/22-28-20286/>)*

References

1. *Boyakova, S.I., V.V. Filippova & L.I. Vinokurova.* (2023). Arkticheskie ulusy Yakutii v usloviyakh prirodnykh chrezvychaynykh situatsiy: sotsialnye vyzovy i opyt protivostoyaniya [Arctic uluses of Yakutia in natural emergencies: Social challenges and experience of confrontation]. Voprosy bezopasnosti [Security Issues], 1, 19–31.
2. *Vinogradova, V.V. & T.L. Borodina.* (2022). Klimaticheskie faktory i sotsialno-ekonomicheskie pokazateli: issledovanie statisticheskoy svyazi po regionam Rossii [Climatic factors and socioeconomic indicators: Statistical relation research by regions of Russia]. Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], Vol. 86, No. 4, 578–593.
3. *Grishchenko, I.V.* (2021). Klimat Arkhangelskoy oblasti [Climate of the Arkhangelsk Region]. Arkhangelsk, KIRA Publ., 227.
4. *Grishchenko, I.V.* (2022). Opasnye prirodnye yavleniya na Evropeyskom Severe [Dangerous Natural Phenomena in the European North]. Arkhangelsk, KIRA Publ., 236.
5. *Grishchenko, I.V.* (2019). Tendentsii v vozniknovenii otpeley na territorii Arkhangelskoy oblasti [Trends in the occurrence of thaws in the Arkhangelsk region]. Gidrometeorologicheskie issledovaniya i prognozy [Hydrometeorological Research and Forecasting], 1 (371), 119–126.

6. *Davydov, A.N. & G.V. Mikhailova.* (2013). *Izmenenie klimata i usloviya zhizni v Arktike v vospriyatii nentsev ostrova Vaygach* [Climate change and conditions of life in the arctic in perception of Nenets on island Vaigach]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2, 29–34.
7. *Ermolaeva, P.O. & I.B. Kuznetsova.* (2018). *Obshchestvennye otsenki sotsialno-ekonomicheskikh posledstviy izmeneniya klimata po materialam Respubliki Tatarstan* [Public assessment of social and economic effects of climate change based on the case of the Republic of Tatarstan]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Lomonosov Geography Journal], 1, 33–41.
8. *Zolotokrylin, A.N., V.V. Vinogradova & I.A. Sokolov.* (2018). *Vozdeystvie potepleniya na usloviya zhiznedeyatel'nosti naseleniya Rossii* [Impact of climate warming on the conditions of human life in Russia]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], 150 (3), 79–96.
9. *Kattsov, V.M. & B.N. Porfiriev.* (2011). *Otsenka makroekonomicheskikh posledstviy izmeneniy klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 g. i dalneyshuyu perspektivu (rezyume doklada)* [Assessment of macroeconomic impacts of climate change over the territory of Russian Federation until 2030 and beyond (Summary)]. *Trudy Glavnoy geofizicheskoy observatorii im. A.I. Voeykova* [Proceedings of Voeykov Main Geophysical Observatory], 563, 7–59.
10. *Kobysheva, N.V. & M.P. Vasilyev.* (2015). *Uyazvimost sotsialnoy sfery regionov Rossii k opasnym gidrometeorologicheskim yavleniyam* [Hydrometeorological vulnerability of social sphere in the territorial entities of Russia]. *Trudy Glavnoy geofizicheskoy observatorii im. A.I. Voeykova* [Proceedings of Voeykov Main Geophysical Observatory], 578, 59–74.
11. *Kuzmin, S.B.* (2023). *Stikhiynye bedstviya: globalnye aspekty* [Natural disasters: Global dimensions]. *Bezopasnost zhiznedeyatel'nosti* [Life Safety], 3, 45–56.
12. *Nenasheva, M.V. & I.V. Grishchenko.* (2023). *Organizatsiya transportnogo obsluzhivaniya naseleniya trudnodostupnykh rayonov rossiyskoy Arktiki (na primere Arkhangel'skoy oblasti)* [Organization of transport services for the population of the Russian Arctic remote areas (Using the example of the Arkhangelsk region)]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], Vol. 13, No. 4, 613–623. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-613-623.
13. *Porfiriev, B.N.* (2019). *Ekonomicheskoe izmerenie klimaticheskogo vyzova ustoychivomu razvitiyu Rossii* [Economic dimension of the climate challenge to Russia's sustainable development]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], Vol. 89, No. 4, 400–407.
14. *Ryabova, L.A. & E.M. Klyuchnikova.* (2018). *Sotsialnye posledstviya izmeneniya klimata v rossiyskoy Arktike: izuchennost' problemy i zadachi novykh issledovaniy* [Social consequences of climate change in the Russian Arctic: Background knowledge of the problem and the agenda for new research]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 3 (59), 91–111.
15. *Smolina, S.G.* (2013). *Prognozy vozdeystviya izmeneniy klimata na ekonomiku otrasley i regionov Rossii* [Forecasts of a climate change impact on the economy

of Russian industries and regions]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava* [Bulletin of the International Institute of Economics and Law], 1 (10), 106–114.

16. *Filippova, V.V.* (2011). *Sotsialnye vyzovy periodicheskikh navodneniy v Yakutii* [Social challenges of periodic floods in the Yakutia]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 4, 207–212.

17. *Kharitonova, V.N. & I.A. Vizhina.* (2005). *Ekonomicheskie otsenki usloviy zhiznedeятельности naseleniya na Severe Rossii* [Economic estimation of life conditions in the Russian North]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 176–194.

18. *Shkiperova, G.T. & P.V. Druzhinin.* (2014). *Otsenka vliyaniya klimaticheskikh izmeneniy na ekonomiku rossyskikh regionov* [Assessment of the climate change impact on the economy of Russian regions]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 34, 43–50.

19. *Birkmann, J., S.L. Cutter, D.S. Rothman, T. Welle, M. Garschagen, B. Van Ruijven, B. O'Neill, B.L. Preston, S. Kienberger, O.D. Cardona, T. Siagian, D. Hidayati, N. Setiadi, C.R. Binder, B. Hughes & R. Pulwarty.* (2015). *Scenarios for vulnerability: opportunities and constraints in the context of climate change and disaster risk*. *Climatic Change*, 133, 53–68.

20. *Dannevig, H. & G.K. Hovelsrud.* (2016). *Understanding the need for adaptation in a natural resource dependent community in Northern Norway: issue salience, knowledge and values*. *Climatic Change*, 135, 261–275.

21. *Galappaththi, E., J. Ford, E. Bennett & F. Berkes.* (2019). *Climate change and community fisheries in the Arctic: A case study from Pangnirtung, Canada*. *Journal of Environmental Management*, 250. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.109534.

22. *Magritsky, D., S. Lebedeva & E. Skripnik.* (2017). *Hydrological hazards at mouths of the Northern Dvina and the Pechora rivers, Russian Federation*. *Natural Hazards*, Vol. 88, No. S1, 149–170. DOI: 10.1007/s11069-016-2673-6.

23. *Williams, P., A. Kliskey, M. McCarthy, R. Lammers, L. Alessa & J. Abatzoglou.* (2019). *Using the Arctic water resources vulnerability index in assessing and responding to environmental change in Alaskan communities*. *Climate Risk Management*, 23, 19–31.

About Author

Nenasheva, Marina Viktorovna (Arkhangelsk, Russia) – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163000, Russia). E-mail: m.nenasheva@narfu.ru.

Поступила в редколлегию 18.05.2023.

После доработки 14.11.2023.

Принята к публикации 21.11.2023.

© Ненашева М.В., 2024

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 274–293

И.В. Петрова, Д.А. Шатохин, В.А. Паксиваткина

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реализация проектов инициативного бюджетирования в Российской Федерации на местном уровне за время начиная с 2007 г. дала видимые результаты в отношении эффективности осуществления полномочий органов местного самоуправления. На местах сформировались деятельные локальные сообщества, являющиеся субъектами генерации и реализации управленческих решений органов местного самоуправления. С учетом положительного внедрения элементов инициативного бюджетирования в методологию муниципального управления становится возможным говорить о целесообразности масштабирования процедур инициативного бюджетирования на региональный уровень управления, их применения в деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации. В этом случае встает задача определения того, в каких сферах и каким образом механизмы инициативного бюджетирования могут быть встроены в деятельность региональных органов власти.

В данной статье описываются предпосылки к распространению механизмов инициативного бюджетирования на полномочия органов государственной власти, рассматриваются процедуры инициативного бюджетирования в управленческом процессе регионального уровня. Материал исследования может быть использован при разработке подходов к согласованию отраслевых стратегических и программных документов, при составлении программных документов развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации; полномочия органов местного самоуправления; вовлечение граждан; инициативное бюджетирование; инициативные проекты

Для цитирования: Петрова И.В., Шатохин Д.А., Паксиваткина В.А. Инициативное бюджетирование в реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 274–293. DOI: 10.15372/REG20240312.

КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Инициативное бюджетирование в Российской Федерации является отечественной версией партисипаторного бюджетирования – общемирового тренда социальной активности граждан, в результате которой их проектная инициатива учитывается при определении направлений, получающих бюджетную финансовую поддержку [2]. В настоящее время в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях насчитывается 439 различных практик инициативного бюджетирования. По данным Минфина России, общее количество реализованных проектов инициативного бюджетирования в период 2016–2022 гг. увеличилось в 3,4 раза и в 2022 г. составило 29 371 единицу. В 2022 г. проекты инициативного бюджетирования реализовали 76 субъектов Российской Федерации, доля благополучателей составила 38,92% от общей численности населения этих регионов.

В отличие от других форм участия граждан в государственном (муниципальном) управлении, у инициативного бюджетирования (реализации инициативных проектов) в настоящее время имеется нормативный, организационный, методологический, консультационный и финансовый комплекс обеспечения. Отдельного внимания заслуживает уникальное процедурное обеспечение реализации проектов инициативного бюджетирования (инициативных проектов):

- 1) планирование бюджетных средств, распределяемых на проекты инициативного бюджетирования (инициативные проекты);
- 2) выдвижение идей гражданами;
- 3) обсуждение идей гражданами, совместная проработка и детализация предложений;
- 4) голосование за проекты;
- 5) верификация реального участия граждан на этапах выдвижения идей, их обсуждения и голосования за проекты;
- 6) формирование проектов;
- 7) организация конкурсного отбора проектов;
- 8) утверждение перечня финансируемых проектов;
- 9) реализация мероприятий, предусмотренных проектами;
- 10) общественный контроль за реализацией выбранных проектов;
- 11) публичная информационная кампания;
- 12) консультационное сопровождение реализации жизненных стадий проекта.

Вопросы реализации проектов инициативного бюджетирования (инициативных проектов) неоднократно становились предметом обсуждения на мероприятиях федерального уровня: заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, круглых столах Федерального Собрания Российской Федерации, всероссийских научно-практических конференциях. Вместе с тем круг обсуждаемых вопросов всегда ограничен, так как проекты инициативного бюджетирования (инициативные проекты) ассоциируются с решением проблем местного значения. В Российской Федерации так сложилось исторически, а кроме того, в настоящий момент данное положение закреплено на уровне федерального законодательства. При этом в мировом опыте имеются примеры того, как инициативы граждан могут применяться не только в решении локальных социально-экономических вопросов, но и в выполнении межмуниципальных и региональных задач. В таких странах, как Перу [4], Мексика [5] и Бразилия [6], региональные практики партисипаторного бюджетирования (мировой аналог российского инициативного бюджетирования) являются неотъемлемым элементом системы инвестиционного и бюджетного планирования. Граждане участвуют

в определении приоритетов расходования средств региональных бюджетов и в формировании инвестиционных программ регионов. Происходит постепенная интеграция процессов партисипаторного бюджетирования в другие долгосрочные инструменты государственного управления. Наблюдается тенденция развития практик по принципу решения отраслевых задач без привязки к территории конкретного населенного пункта.

Исторически партисипаторное бюджетирование предполагало вовлечение граждан в процесс выбора приоритетов расходования именно муниципальных бюджетных средств [7]. Российская Федерация не стала в этом исключением на этапе развития инициативного бюджетирования, и первая соответствующая практика – Программа поддержки местных инициатив – была ориентирована на поддержку инициативных групп в городских и сельских поселениях в определении приоритетов расходования части средств местного бюджета, на конкурсный отбор проектов и на оказание консультационной помощи в организации процедур совместной деятельности граждан и органов местного самоуправления [1].

За время своего эволюционного развития начиная с 2007 г. инициативное бюджетирование стало системным решением по реализации полномочий органов местного самоуправления и гармонично дополнило основные существующие механизмы: общественные обсуждения, проектное управление, программный подход, стратегирование, – расширив управленческий инструментарий органов местного самоуправления. Из общего массива реализованных за это время проектов (около 150 тыс.) основная часть затрагивает вопросы местного значения, относительно небольшое количество инициатив граждан связано с разрешением проблем совместного ведения. Так, по итогам мониторинга проектов 2022 г., 15,8% проектов направлено на решение проблем, связанных с дорогами, тротуарами, 13,9% – с обустройством мест отдыха, 11,3% – с улучшением дворовых территорий.

Вместе с тем следует отметить возможность и даже необходимость широкого распространения практик реализации механизмов инициативного бюджетирования на региональные полномочия. Актуальность этого обусловлена следующим.

Первое. Очевидна социально-экономическая результативность инициативного бюджетирования. Доказанными эффектами партисипаторных практик являются: 1) управленческие и общественно-политические эффекты (рост доверия к органам власти со стороны населения); 2) финансово-экономические эффекты (экономия по закупочным процедурам, более результативная форма эксплуатации объектов); 3) социальные эффекты (повышение уровня удовлетворенности населения качеством жизни, социальными услугами) [3].

Один из результатов, на котором также стоит сделать акцент, – это клиентоцентричность подходов, заложенных в практиках инициативного бюджетирования. Утвержденная Правительством Российской Федерации в 2021 г. стратегическая инициатива «Клиентоцентричность»¹ предполагает вовлечение граждан в пользование услугами государства и обеспечение реальных потребностей населения. На взгляд авторов, «клиентоцентричность» и «инициативное бюджетирование» – это две взаимодействующие и взаимонаправленные тенденции в государственном (муниципальном) управлении. Посредством реализации проектов территориального общественного самоуправления, инициативных проектов, выбора кода города и других механизмов «клиенты» вовлечены в управленческие процессы: распределение финансовых средств, приоритизацию отраслевых направлений, организацию контроля, осуществление закупочных процедур.

Второе. Практика реализации инициативного бюджетирования должна носить сквозной, отраслевой принцип, когда инициативное бюджетирование осуществляется адресно, в связке с источником инициативы и разрешением проблемы и вне зависимости от уровня ответственности власти. Это возможно лишь при условии распространения инициативного бюджетирования на региональные и федеральные полномочия органов власти.

Стоит отметить, что применение отраслевого подхода в целом не является новацией в государственном и муниципальном управлении. Система национальных, федеральных проектов (региональных проектов), государственных программ Российской Федерации (регио-

¹ См. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-п (URL: <http://government.ru/docs/43451/>).

нальных, муниципальных программ) и бюджетная система на всех уровнях сформированы по данному принципу. Поэтому все практики вовлечения граждан в отраслевое государственное и муниципальное управление естественным образом не выходят за рамки сложившегося отраслевого подхода.

В ряде отраслевых государственных программ Российской Федерации по исполнению в том числе региональных полномочий уже применяются партисипаторные механизмы. С 2020 г. поддержка развития сельских территорий в рамках государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» осуществляется при условии вовлечения граждан, достигших 16-летнего возраста, проживающих в сельской местности, в формирование проекта социально-экономического развития сельской территории². С 2022 г. одним из условий реализации государственной программы «Развитие туризма» стало привлечение граждан к общественно полезной деятельности по разработке проектов туристского центра города³. Именно к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относится «создание благоприятных условий для развития туристской индустрии в субъекте Российской Федерации, реализации мер по поддержке приоритетных направлений развития туризма в субъекте Российской Федерации, в том числе социального туризма, сельского туризма»⁴.

² См. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 10 июня 2020 г. № 313 «Об утверждении Порядка отбора проектов комплексного развития сельских территорий (сельских агломераций)» (URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/7ae/7ae8dd1b96b6458d7e81db0e35e1446c.pdf>).

³ См. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 2581 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление государственной поддержки региональных программ по проектированию туристского центра города» (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201030006?index=1>).

⁴ См. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031>).

Таким образом, в Российской Федерации уже присутствуют отрасли, в которых закрепляется поддержка со стороны федеральных органов власти тех региональных программ и проектов, в которых осуществляется вовлечение граждан в процесс принятия решений.

Третье. Примечательно, что проекты инициативного бюджетирования уже включают в себя проекты, содержательную часть которых составляют полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации (вопросы регионального значения). В частности, Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях⁵ содержит информацию о реализации инициатив, направленных на уязвимые социальные группы и граждан с ограниченными возможностями здоровья, о социальных проектах (занятость, бездомные), проектах в сфере охраны окружающей среды, проектах развития туристической инфраструктуры. В 2022 г. общее число проектов инициативного бюджетирования по названным выше направлениям составило более 1%, а это почти 300 проектов. Эта практика могла бы стать фундаментом для реализации социально ориентированных проектов инициативного бюджетирования на основе самокупаемости, которые могли бы осуществляться на принципах, заложенных в Федеральном законе от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере».

Четвертое. Финансовая составляющая реализации инициативных проектов начиная с 2021 г. легитимизирована федеральным законодательством, когда в Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» был введен новый финансовый инструмент – инициативный платеж. Под инициативными платежами понимаются денежные средства граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, уплачиваемые на добровольной основе и зачисляемые в соответствии с Бюджетным кодек-

⁵ URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?id_65=300374-doklad_o_luchshikh_praktikakh_razvitiya_initsiativnogo_byudzhetrovaniya_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_i_munitsipalnykh_obrazovaniyakh.

сом Российской Федерации в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов.

Сегодня инициативный платеж как финансовый механизм все чаще применяется для осуществления проектов и программ регионального уровня. Только в 2022 г. в целом ряде субъектов – Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Марий-Эл, Орловской, Рязанской и других областях – были аккумулированы инициативные платежи на общую сумму более 30 млн руб. в рамках реализации региональных программ по развитию жилищно-коммунального комплекса, городской среды, комплексному развитию сельских территорий.

Инициативный платеж в будущем может рассматриваться как универсальный финансовый инструмент (вне зависимости от типа проекта, полномочий и уровня бюджета, на который зачисляются эти средства), применяемый в рамках добровольного участия граждан в реализации проектов, программ местного и регионального уровней.

Таким образом, целый ряд факторов обуславливают необходимость расширения практики инициативного бюджетирования, ее распространения с местного на региональный уровень. Это такие факторы, как эффективность и результативность, клиентоцентричность, появление соответствующих практик в федеральных и региональных программах, распространение механизмов сбора инициативных платежей на региональные программы. На взгляд авторов статьи, инициативное бюджетирование – это не механизм решения исключительно вопросов местного значения, а принцип или технология государственного управления, которые позволяют максимально приближенно к потребностям граждан разрешать проблемы, воплощать идеи, выполнять те или иные государственные функции.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации (статья 132) были внесены поправки, включившие органы местного самоуправления, наряду с органами государственной власти субъектов РФ,

в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Эти и другие изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, повлекли за собой принятие Федерального закона № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в котором утверждаются система органов государственной власти субъекта РФ, полномочия уровней публичной власти, порядок разграничения и передачи полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления.

Данные изменения сделали возможным рассмотрение вопросов регионального значения через призму наличия в их решении потенциала участия граждан, в том числе с учетом уже накопленного опыта организации участия граждан в решении вопросов местного значения. При этом по-прежнему актуальным остается анализ действующей нормативной базы, позволяющей применять инструменты вовлечения граждан в решение вопросов регионального значения на основе института инициативного бюджетирования, реализации инициативных проектов.

АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, В РЕАЛИЗАЦИИ КОТОРЫХ ИМЕЕТСЯ ПОТЕНЦИАЛ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН

В соответствии с федеральным законодательством к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относится около 170 полномочий (региональные вопросы). Авторами проведен комплекс аналитических мероприятий, позволяющих наглядно представить соотношение вопросов регионального и местного значения, выявить отрасли и сферы, которые традиционно находятся под пристальным вниманием жителей населенных пунктов и при этом имеют потенциал как реализации граждан-

ских инициатив (волонтерство), так и организованного участия в отдельных мероприятиях. Сопоставление региональных вопросов и вопросов местного значения предлагается провести с точки зрения возможностей прямого или опосредованного участия в них населения и в зависимости от отраслевой направленности.

Отраслевая политика в области реализации инициатив населения на региональном и местном уровнях имеет следующие особенности.

Экология, обращение с твердыми бытовыми отходами. В данной сфере органы государственной власти субъекта Российской Федерации обладают программными, надзорными полномочиями, исключительными полномочиями в области экологического мониторинга в отношении особо охраняемых территорий. Органы местного самоуправления осуществляют мероприятия по охране окружающей среды на межпоселенных территориях. В этой сфере на региональном уровне наиболее целесообразным будет вовлечение населения в экологический мониторинг, поощрение раздельного сбора бытовых коммунальных отходов во всех муниципальных образованиях за счет предоставления целевых субсидий в рамках региональной государственной программы. Возможным направлением в деятельности органов власти субъектов Российской Федерации мог бы стать выпуск целевых облигаций, доходы от которых будут направляться в том числе на решение вопросов экологического характера. На местном уровне целесообразна организация вовлечения населения в межмуниципальные природоохранные мероприятия также в рамках региональной государственной программы или в отдельных случаях за счет нескольких местных бюджетов соседних муниципальных образований.

Предпринимательство. В этой сфере органы государственной власти субъекта Российской Федерации обладают полномочиями по программному обеспечению развития предпринимательства на территории муниципальных образований, а органы местного самоуправления непосредственно взаимодействуют с представителями бизнеса. Поэтому здесь представляется целесообразной организация вовле-

чения населения в доходогенерирующие проекты⁶ на региональном уровне в рамках государственной программы. В Российской Федерации имеется практика, когда проекты социального предпринимательства реализуются территориальным общественным самоуправлением (ТОС). В свою очередь, ТОС – одни из самых эффективных структур по вовлечению граждан в созидательную деятельность. Так осуществляется деятельность на стыке региональных и местных полномочий.

Дорожная деятельность. Организация реализации мероприятий в данной сфере зависит от принадлежности дороги к дорогам местного, межмуниципального или регионального значения. Наиболее важны для жителей населенного пункта дороги местного значения⁷, поэтому на местном уровне возможно вовлечение населения в инициативную реализацию мероприятий в этой сфере, а также в организацию общественного контроля. Типичны для таких проектов формирование с участием граждан так называемых «карт убитых дорог», определение самых критичных для общественности участков дорожного полотна.

Образование. На уровне субъекта Российской Федерации обеспечиваются государственные гарантии реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного образования. Вместе с тем к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов относится организация предоставления общедоступного и бесплатного до-

⁶ См., например, Постановление Правительства Республики Башкортостан от 08.06.2018 № 254 «Об утверждении Порядка предоставления из бюджета Республики Башкортостан грантов на развитие сельскохозяйственных потребительских кооперативов для реализации доходогенерирующих проектов, основанных на гражданских инициативах, по объединению в сельскохозяйственный потребительский кооператив» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/550124808> , дата обращения: 23.04.2023).

⁷ См. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 5 (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ , дата обращения: 23.04.2023).

школьного, начального общего, основного общего и среднего общего образования. Ввиду финансовых возможностей бюджетов субъектов эти полномочия реализуются при их участии посредством предоставления субвенций. Сегодня в ряде регионов стало распространенной практикой школьное инициативное бюджетирование. В связи с этим стоит рассмотреть возможность при формировании финансовых подходов к осуществлению межбюджетных отношений (между регионом и органами местного самоуправления) закладывать принципы вовлечения граждан в принятие решений, предусматривать механизмы участия населения в реализации отдельных полномочий, например посредством школьного инициативного бюджетирования. Тем самым будут поощряться деятельность тех органов местного самоуправления, которые реализуют совместные полномочия с непосредственным участием граждан.

Культура. В зависимости от принадлежности учреждения культуры к региональному или местному уровню организация финансирования деятельности на уровне субъекта Российской Федерации осуществляется в соответствии с государственным (муниципальным) заданием. Деятельность по вовлечению населения в сохранение народных промыслов, в работу национальных культурных автономий, в укрепление межнациональных отношений целесообразна в рамках государственной программы субъекта РФ. В эти мероприятия могли бы войти поддержка проектной деятельности ТОС и инициативных групп по сохранению традиционной культуры, развитию объектов, проведению событийных мероприятий.

Физическая культура, спорт, туризм, рекреация. В зависимости от принадлежности учреждения физической культуры и спорта к региональному или местному уровню финансирование его деятельности на уровне субъекта Российской Федерации организуется в соответствии с государственным (муниципальным) заданием. Вместе тем организация туристических маршрутов, зон отдыха и рекреации, малых спортивных площадок «у дома» целесообразна с учетом мнения местного населения в рамках государственной программы субъекта РФ. Необходимо отметить, что создание условий для массового отдыха жителей поселения и обустройство мест массового

отдыха населения, в том числе обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам, являются исключительным вопросом местного значения.

Молодежная политика. Наибольшее значение для эффективной реализации молодежной политики на территории субъекта Российской Федерации имеет оказание поддержки представителям активной молодежи на базе учебных заведений и молодежных некоммерческих организаций в рамках государственной программы субъекта РФ. В соответствии с действующим законодательством имеются различия в полномочиях органов местного самоуправления и региональных властей в области молодежной политики. Роль субъектов Российской Федерации в сфере поддержки молодежи состоит в определении базовых региональных условий, актуальных для большинства молодого населения субъекта, а местные власти являются одними из участников организации процесса осуществления молодежной политики. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе ответственные за работу с молодежью, могли бы взять на себя функции информационного и методического сопровождения проектов с участием граждан. Актуально включение в региональные законодательные акты таких направлений, как поддержка инициативных проектов молодежи, поддержка проектов, выдвинутых территориальным общественным самоуправлением.

Комфортная городская среда. Первой отраслью, аккумулировавшей все имеющиеся на настоящий момент практики и методологические основы вовлечения граждан в реализацию государственной политики на всех уровнях, стало обустройство комфортной городской среды. Совместными усилиями участников-регуляторов нормативно-правового обеспечения реализации проектов в сферах благоустройства и городской среды – Минстроя России, АНО «Агентство стратегических инициатив», АО «ДОМ.РФ» были разработаны следующие ключевые документы, разъясняющие порядок вовлечения граждан в реализацию инициатив по формированию современной городской среды на местах:

1) Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды⁸;

2) Методические рекомендации по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды (приказ Минстроя России от 30 декабря 2020 г. № 913/пр)⁹. Указанный документ учитывает все новации федерального законодательства об инициативных проектах граждан и предназначен для широкого круга пользователей – как для лиц, участвующих в формировании инициативных проектов в сферах благоустройства и городской среды, так и для лиц, интересующихся современной российской повесткой вовлечения граждан в реализацию общественных проектов, инициированных государством;

3) Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70390-2022 «Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы»¹⁰.

При детальном рассмотрении и на основании поставленных задач на федеральном уровне в указанной сфере вопросы создания комфортной городской среды в населенных пунктах вместе с отдельными вопросами благоустройства целесообразно решать с учетом мнения местного населения в рамках государственной программы субъекта Российской Федерации. На сегодняшний день практики создания комфортной городской среды при участии местного населения и при софинансировании за счет средств бюджетов всех уровней можно назвать федеральными практиками вовлечения населения в решение вопросов местного значения.

Инфраструктурная и пространственная политика, в том числе на северных территориях (освещение, водоснабжение, водоотведение, газоснабжение и др.). Поскольку реализация проектов

⁸ URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/ad/7f04fc-75c2-4397-9fe4-5e58246ae252/C%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf.

⁹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/573447893>.

¹⁰ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200193693>.

в сфере жилищно-коммунального обеспечения населенного пункта в регионах Крайнего Севера и Арктики продолжительна по срокам и финансово более затратная, чем в других климатических регионах России, то выполнение инициативных проектов в указанной сфере целесообразно на региональном уровне в рамках государственной программы субъекта Российской Федерации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 978-р «Об утверждении Программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» утвержден комплекс мер, направленный на активизацию участия коренных малочисленных народов в предпринимательской деятельности. Особая роль отводится развитию туристической деятельности в местах традиционного хозяйствования. Сохранение естественной среды обитания и культурно-исторического наследия во многом зависит от целенаправленной поддержки местной гражданской активности, в том числе по линии Росконгресса¹¹.

ВЫВОДЫ

В России постепенно пересматриваются подходы к определению роли органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в реализации тех или иных полномочий. Связано это с принятием поправок в Конституцию Российской Федерации, с изменением подходов в финансировании направлений реализации национальных целей развития и государственных и муниципальных программ. Несмотря на то что наиболее приближенный к населению уровень власти – это местный, органы государственной власти субъектов РФ все чаще применяют практики непосредственного участия граждан в решении вопросов регионального значения.

¹¹ См.: В *Салехарде* состоялся Форум молодежи коренных малочисленных народов «Российский Север». – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/11/29/v-saleharde-sostoyalsya-forum-molodezhi-korennih-malochislennih-narodov-rosiiskii-sever (дата обращения: 23.04.2023).

Поэтому является актуальным описание полномочий регионального значения, в исполнении которых могут быть использованы механизмы вовлечения граждан в принятие решений. Важно изучить практики, в рамках которых уже осуществляются проекты регионального значения по поддержке ТОС, инициативному бюджетированию.

Имеется обширное поле для реализации принципов инициативного бюджетирования: 170 полномочий совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, а также сферы, в которых ответственность закреплена как за региональной властью, так и за органами местного самоуправления. К таким сферам можно отнести дорожную деятельность, молодежную политику, образование, культуру, спорт, пространственное развитие и др. В этих областях имеется объективная потребность более активного привлечения населения к процессам управления.

В России накопился значительный опыт проведения в жизнь мероприятий, связанных с непосредственным участием граждан в принятии решений, в осуществлении отдельных направлений реализации национальных целей развития, опыт организации учета мнения граждан, но исключительно на местном уровне.

К успешным инструментам вовлечения граждан в настоящее время стоит отнести инициативное бюджетирование и инициативные проекты, публичные слушания, общественные обсуждения, референдумы, государственные программы в области развития туризма, обеспечения комфортной городской среды, развития сельских территорий, деятельность территориального общественного самоуправления. По ряду этих направлений формируется самостоятельная не только нормативная и ресурсная, но и методологическая база для описания процедур участия граждан в осуществлении непосредственного управления. Таковы, например, Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации, Методические рекомендации по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды.

Стоит отметить и то, что параллельно активному вовлечению граждан в принятие решений развивается направление, связанное с обеспечением принципов клиентоцентричности при реализации государственных услуг. При непосредственно положительных эффектах от применения этих механизмов вовлечение граждан в принятие решений, в том числе в рамках осуществления проектов инициативного бюджетирования, по своей форме более результативный инструмент, так как граждане вовлекаются в непосредственную деятельность. Поэтому инициативное бюджетирование можно рассматривать как определенную прогрессивную форму реализации принципов клиентоцентричности.

Статья подготовлена по плану НИР «Разработка практики инициативного бюджетирования, направленной на решение вопросов регионального значения» Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России в 2023 г.

Список источников

1. Беленчук А.А., Вагин В.В., Шульга И.Е. Инициативное бюджетирование как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов // *Финансы*. – 2017. – № 8. – С. 10–21.
2. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Инициативное бюджетирование: международный контекст российской версии // *Финансовый журнал*. – 2015. – Т. 3, № 25. – С. 117–122.
3. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности местных органов власти // *Власть*. – 2015. – № 12. – С. 42–47.
4. Dias N., Sahsil E., Cardita R. et al. Participatory Budgeting World Atlas 2020–2021. – Epopeia and Oficina, Portugal, 2021. – URL: 2020/21 PB World Atlas published – PB Scotland (squarespace.com) (дата обращения: 22.02.2023).
5. *Manual operativo de la estrategia “Vamos Juntos”*. Gobierno del estado Jalisco. – URL: Inicio (jalisco.gob.mx) (дата обращения: 22.02.2023).
6. Serageldin M. Assessment of Participatory Budgeting in Brazil: Inter-American Development Bank. – Harvard University, 2004. – URL: <https://www.bibalex.org/baifa/en/resources/document/453563> (дата обращения: 22.02.2023).
7. Wyngowski S. Local Participation in Brazil: Porto Alegre’s model for 21st century local government // *Journal of Communication, Culture and Technology*. Geor-

getown University. December, 2013. – URL: <http://www.gnovisjournal.org/2013/12/11/local-participation-in-brazil-porto-alegres-model-for-21st-century-local-government> (дата обращения: 22.02.2023).

Информация об авторах

Петрова Ирина Вениаминовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: petrova@nifi.ru.

Шатохин Дмитрий Александрович (Россия, Москва) – заместитель руководителя Дирекции финансовой грамотности НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: shatohin@nifi.ru.

Паксиваткина Валерия Александровна (Россия, Москва) – эксперт Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: paksivatkina@nifi.ru.

DOI: 10.15372/REG20240312

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 274–293

I.V. Petrova, D.A. Shatohin, V.A. Paksivatkina

PARTICIPATORY BUDGETING IN EXERCISING THE POWERS OF PUBLIC AUTHORITIES ACROSS RUSSIAN FEDERATION CONSTITUENT ENTITIES

The implementation of participatory budgeting projects at the local level in the Russian Federation since 2007 has yielded visible results in effectively exercising the powers of local self-government bodies. Active local communities have emerged, becoming key players in generating and implementing management decisions by local authorities. Given the successful integration of participatory budgeting elements into municipal management, it is now feasible to consider scaling these procedures to the regional level of gover-

nance, integrating them into the activities of public authorities of the Russian Federation's constituent entities. This raises the task of identifying the areas and methods for incorporating participatory budgeting mechanisms into regional authorities' activities.

This article describes the prerequisites for extending participatory budgeting mechanisms to the powers of public authorities and examines the procedures of participatory budgeting in regional management processes. The research findings can be used in developing approaches to coordinate sectoral strategic and program documents and prepare program documents for advancing participatory budgeting in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: powers of public authorities in the constituent entities of the Russian Federation; powers of local self-government bodies; citizen participation; participatory budgeting; initiatives

For citation: *Petrova, I.V., D.A. Shatohin & V.A. Paksivatkina. (2024). Initsiativnoe byudzhetrovanie v realizatsii polnomochiy organov gosudarstvennoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii [Participatory budgeting in exercising the powers of public authorities across Russian Federation constituent entities]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 274–293. DOI: 10.15372/REG20240312.*

This research was carried out with the plan of research work “Developing the practices of participatory budgeting aimed at solving issues of regional importance” by the Participatory Budgeting Center, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation, in 2023

References

1. *Belenchuk, A.A., V.V. Vagin & I.E. Shulga. (2017). Initsiativnoe byudzhetrovanie kak instrument povysheniya effektivnosti byudzhetykh raskhodov [Participatory budgeting as a tool to increase the efficiency of budget expenditures]. Finansy [Finance], 8, 10–21.*
2. *Vagin, V.V., N.V. Gavrilova & N.A. Shapovalova. (2015). Initsiativnoe byudzhetrovanie: mezhdunarodnyy kontekst rossiyskoy versii [Initiative budgeting: International context of Russian version]. Finansovyy zhurnal [Financial Journal], Vol. 3, No. 25, 117–122.*

3. *Vagin, V.V., N.V. Gavrilova & N.A. Shapovalova.* (2015). *Praktiki initsiativnogo byudzhetrovaniya v deyatelnosti mestnykh organov vlasti* [The practices of participatory budgeting in municipal governance]. *Vlast* [Power], 12, 42–47.

4. *Dias, N., E. Sahsil & R. Cardita.* (2021). *Participatory Budgeting World Atlas 2020–2021*. Epopeia and Oficina, Portugal. Available at: 2020/21 PB World Atlas published – PB Scotland (squarespace.com) (date of access: 22.02.2023).

5. *Manual operativo de la estrategia “Vamos Juntos”.* Gobierno del estado Jalisco. Available at: Inicio (jalisco.gob.mx) (date of access: 22.02.2023).

6. *Serageldin, M.* (2004). *Assessment of Participatory Budgeting in Brazil: Inter-American Development Bank.* Harvard University. Available at: <https://www.bibalex.org/baifa/en/resources/document/453563> (date of access: 22.02.2023).

7. *Wynowski, S.* (2013). *Local participation in Brazil: Porto Alegre’s Model for 21st century local government.* *Journal of Communication, Culture and Technology*, Georgetown University, December. Available at: <http://www.gnovisjournal.org/2013/12/11/local-participation-in-brazil-porto-alegres-model-for-21st-century-local-government> (date of access: 22.02.2023).

About Authors

Petrova, Irina Veniaminovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Participatory Budgeting Center, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (bld. 2, 3, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: petrova@nifi.ru.

Shatohin, Dmitriy Alexandrovich (Moscow, Russia) – Deputy Head of the Financial Literacy Directorate, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (bld. 2, 3, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: shatohin@nifi.ru.

Paksivatkina, Valeria Alexandrovna (Moscow, Russia) – Expert at the Participatory Budgeting Center, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (bld. 2, 3, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: paksivatkina@nifi.ru.

Поступила в редколлегию 06.08.2023.

После доработки 16.10.2023.

Принята к публикации 20.10.2023.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «РЕГИОН: ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Представленные в журнал рукописи научных статей должны излагать новые, еще *не опубликованные результаты* исследований по проблемам *региональной экономики и экономической социологии регионов*.

Статья *с обязательным указанием УДК* должна содержать: аннотацию, ключевые слова, указание на цель исследования, научную новизну, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы (источников), сведения об авторе (авторах). Возможно указание на то, по какому плану, гранту и т.д. выполнено исследование.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Одна и та же статья рассматривается не более двух раз. Статьи, не соответствующие профилю журнала, не принимаются к рецензированию. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Рукопись статьи объемом *35–40 тыс. знаков с пробелами* оформляется в текстовом редакторе Microsoft Word и высылается *на электронный адрес редакции* со следующими параметрами: размер шрифта – 12 кегль, без переносов, межстрочный интервал – 1,5, горизонтальные таблицы размером не более 110 знаков в строке, *рисунки* размером не более 110 165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

Объем аннотации к статье – от 180 до 250 слов. В тексте аннотации следует избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация должна отражать:

- предмет, тему, цель, гипотезу исследования;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Текст аннотации и ключевые слова (8–10 слов) приводятся на русском языке.

Помимо файла с текстом статьи обязательно в *отдельных файлах* должны сохраняться рисунки. Рисунки должны быть сделаны *в формате, позволяющем производить их редактирование и изменение конфигурации*.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы – по центру (выделяется жирным шрифтом).

Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

Список литературы приводится в конце статьи. По каждому источнику необходимо указать: для книги – общее количество страниц, для статьи – номера страниц, на которых она расположена. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках. При этом в случае прямого цитирования указывается номер страницы источника.

Ссылки на нормативно-правовые акты, статистические сборники, адреса сайтов, статьи на интернет-ресурсах без авторства в список источников не следует включать, а надо приводить по тексту статьи в сносках.

Пристатейный список литературы дается в алфавитном порядке. Сначала приводится список источников на русском языке (сортируются в порядке расположения букв русского алфавита), за ним – список нерусскоязычных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация записей источников сплошная.

Перевод аннотации, ключевых слов и списка источников осуществляет редакция научного журнала.

В конце статьи обязательно должны быть приведены сведения обо всех ее авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название организации, являющейся основным местом работы автора, занимаемая должность, адрес электронной почты, почтовый адрес организации, телефон и факс для контактов. Информация представляется ***на русском языке***. Следует также представить транслитерацию имени, отчества и фамилии каждого автора, если они уже публиковались ранее в англоязычных изданиях.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и журналом должен быть заключен Лицензионный договор (см. сайт журнала <http://recis.ru>) на право использования научного произведения в журнале.

При несоблюдении требований к оформлению статей и правил для авторов рукопись статьи редакцией не рассматривается.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей научных статей с авторов не взимается.

Рукописи направлять по электронной почте:
region@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах
Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,
Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала
<http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панина*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 20 августа 2024 г. Выход в свет 20 сентября 2024 г.
Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.
Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 140 экз. Заказ № 71. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); *B. Batbuyan*, Doctor of Sciences (Mongolia); *J. Bachiler*, Professor (UK); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *V.M. Heyets*, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *E.A. Kolomak*, Doctor of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.V. Melnikova*, Candidate of Economics (Russia); *P.A. Minakir*, Member of the RAS (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *I. Pálné-Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *S.V. Soboleva*, Doctor of Economics (Russia); *S. Tabata*, Professor (Japan); *G.A. Untura*, Doctor of Economics (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- О пространственной неоднородности и пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России
- Налоговые поступления в Российской Федерации: отраслевые и региональные структурные сдвиги
- Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финансиализации
- Оценка экономической специализации региона на основе метода TOPSIS
- Оценка вклада компаний разного возраста и размера в развитие региональных рынков
- Укорененный сектор экономики в сибирских регионах
- Обрабатывающая промышленность на Востоке России в условиях экономических шоков
- Социально-экономические детерминанты консолидации городских сообществ в приграничных регионах Центрально-Черноземной России
- Покупательная способность работников в субъектах РФ по видам экономической деятельности
- Сельская местность глазами туристов и новых жителей
- Экономические, организационные и нормативно-правовые аспекты формирования региональной научной инфраструктуры (на примере проекта создания Международного научно-технического экспоцентра новосибирского Академгородка)
- Особенности институциональных механизмов инновационного развития регионов России
- Актуальные аспекты трансформации экономики российско-белорусского приграничья в условиях межгосударственной интеграции

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогу газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer

(www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.